

Кормак МакКарти

Дорога

«Журнал "Иностранная литература" №12 за 2008 год»:

Аннотация

Роман Кормака Маккарти — по мнению критиков — один из наиболее интересных современных американских писателей, продолжающих традиции Эрнеста Хемингуэя и Сола Беллоу. Некоторые даже сравнивают его роман "Кровавый меридиан" с "Моби Диком". А по выходе «Дороги» о Маккарти заговорили как о «соратнике» Томаса Пинчона и Дона Делилло. "Ни один американский писатель со времен Фолкнера не забирался столь охотно в пучину дьявольской жестокости и греха", — пишет рецензент "Нью-Йорк тайме". С критиками и литературоведами согласны читатели: уже больше двух лет «Дорога» остается в списке бестселлеров, не сходит с прилавков книжных магазинов. По ней снят фильм, американская премьера которого назначена на 14 ноября 2008 года, а мировая — на 26 ноября (она уже пройдет в России к моменту выхода из печати этого номера). Фильм, правда, на наших экранах будет носить название «Путь» — вероятно, чтобы не возникло путаницы с великой «Дорогой» Федерико Феллини. В журнале роман назван «Дорогой» — переводчик и редакция считают это название более соответствующим его смыслу. Не случайно в оригинале оно звучит "The Road", а не "The Path": все действие происходит на неизвестно куда (скорее всего, в никуда) ведущей дороге, по которой бредут или едут разные персонажи, и у каждого свой путь, но объединяет их именно дорога.

Предисловие

Роман Кормака Маккарти — по мнению критиков — один из наиболее интересных современных американских писателей, продолжающих традиции Эрнеста Хемингуэя и Сола Беллоу. Некоторые даже сравнивают его роман "Кровавый меридиан" с "Моби Диком". А по выходе «Дороги» о Маккарти заговорили как о «соратнике» Томаса Пинчона и Дона Делилло. "Ни один американский писатель со времен Фолкнера не забирался столь охотно в пучину дьявольской жестокости и греха", — пишет рецензент "Нью-Йорк тайме". С критиками и литературоведами согласны читатели: уже больше двух лет «Дорога» остается в списке бестселлеров, не сходит с прилавков книжных магазинов. По ней снят фильм, американская премьера которого назначена на 14 ноября 2008 года, а мировая — на 26 ноября (она уже пройдет в России к моменту выхода из печати этого номера). Фильм, правда, на наших экранах будет носить название «Путь» — вероятно, чтобы не возникло путаницы с великой «Дорогой» Федерико Феллини. В журнале роман назван «Дорогой» — переводчик и редакция считают это название более соответствующим его смыслу. Не случайно в оригинале оно звучит "The Road", а не "The Path": все действие происходит на неизвестно куда (скорее всего, в никуда) ведущей дороге, по которой бредут или едут разные персонажи, и у каждого свой путь, но объединяет их именно дорога.

Отдельным изданием роман под названием «Путь» выйдет в издательстве "Иностранка".

Перевод с английского Юлии Степаненко

Посвящается Джону Френсису Маккарти

Всякий раз, просыпаясь в лесу холодной темной ночью, он первым делом тянулся к спящему у него под боком ребенку — проверить, дышит ли. Ночи чернее преисподней, каждый новый день на толику мрачнее предыдущего. Словно безжалостная глаукома еще только-только зарождается, а мир вокруг уже начал тускнеть. Его рука мягко поднималась и опускалась в такт с драгоценным дыханием. Выбравшись из-под полиэтиленовой накидки, он сел в ворохе вонючей одежды и грязных одеял и поглядел на восток в поисках солнца, которого не было. Ночью ему снился сон. Во сне они бродили по пещере: ребенок вел его, держа за руку. Как пилигримы из сказки, проглоченные гранитным чудовищем и затерявшиеся в его чреве. Пламя их светильника отражалось в мокрых наростах на стенах. Вода негромко журчала в проточенных в камне отверстиях. Трудилась в тишине ежеминутно, час за часом, день за днем, год за годом. Без перерыва. Они ходили по пещере, пока не очутились в каменном зале с черным древним озером. На дальнем берегу сидело какое-то непонятное существо. Оно оторвало морду от воды, так что стала видна мокрая пасть, и уставилось на свет невидящими белесыми, словно паучьи яйца, глазами. Потом повело головой, будто стараясь унюхать то, чего не могло увидеть. Бледное, голое, полупрозрачное, припало к земле — алебастровые ребра отбрасывали гигантскую тень на камни позади. Его кишки, его бьющееся сердце. Мозги, пульсирующие в стеклянной колоколообразной черепной коробке. Повертело головой, затем глухо завывло, повернулось к ним спиной и беззвучно и неуклюже ускакало в темноту.

С первым проблеском света он поднялся и, оставив мальчика досыпать, вышел на дорогу, и сел на корточки, и стал изучать местность к югу от них. Ни души, ни звука, ни следа Божьего присутствия. Решил, что сейчас октябрь, но не был твердо уверен. Очень давно уже не вел календарь. Они двигались на юг. Еще одну зиму здесь не пережить.

Когда стало достаточно светло, он смог в бинокль рассмотреть долину внизу. Все меркло в тумане. Пепел закручивался спиралью на черной поверхности земли. Он внимательно изучал все, что попадало в поле зрения. Участки дороги среди мертвого леса. Старался не пропустить хоть какое-нибудь цветное пятно, какое-нибудь движение, малейший намек на дым. Опустил бинокль, стянул марлевую маску с лица, и вытер запястьем нос, и опять начал рассматривать окрестности. А потом просто сидел с биноклем в руке и наблюдал, как серый день разливается над землей. Он знал одно — ребенок был его спасением. Сказал себе: "Если он не творение Господне, значит, Бога никогда не было".

Когда он вернулся, мальчик еще спал. Стащил с него полиэтиленовую накидку, сложил и отнес в тележку и возвратился с тарелками, кукурузными лепешками и сиропом в пластиковой бутылке. Потом расстелил на земле кусок брезента, который служил им столом, расставил еду и тарелки. Достал из-за пояса револьвер, положил его рядом на тряпки и долго сидел, наблюдая за спящим ребенком. Во сне мальчик стянул с лица маску, она затерялась среди одеял. Смотрел на сына и поглядывал на

дорогу сквозь деревья. Место было далеко не безопасным. При дневном свете их можно легко увидеть с дороги. Мальчик заворочался в одеялах. Потом открыл глаза.

— Привет, пап.

— Я здесь.

— Я знаю.

Примерно час спустя они уже шагали по дороге. Он толкал тележку. У обоих за спиной рюкзаки с самыми необходимыми вещами. На тот случай, если придется бросить тележку и спастись бегством. На ручку тележки прицепил хромированное зеркало от мотоцикла, чтобы видеть дорогу за спиной. Подтянул рюкзак повыше и осмотрел вымершую местность. Дорога пуста, в маленькой долине внизу только неподвижный серый серпантин реки. Сухое русло и четкие очертания берегов с зарослями сухого камыша. "Ты как?" Мальчик кивнул: все в порядке. Пошли. По выжженной земле, взбивая ногами пепел, полагаясь только друг на друга.

Реку перешли по старому бетонному мосту и через несколько миль наткнулись на придорожную автозаправочную станцию. Стояли посреди дороги и внимательно ее изучали. "Думаю, надо ее проверить. Все осмотреть". Трава под ногами рассыпалась в прах. Пересекли разбитую асфальтовую площадку и обнаружили в земле резервуар. Крышки не было: он согнулся, упершись локтями в землю, пытаясь по запаху определить, есть ли там бензин. Запах горючего был едва ощутим. Поднялся и оглядел автозаправку. Шланги колонок, как ни странно, на своих местах. Все окна целы. Дверь в мастерскую техремонта была приоткрыта, и он зашел внутрь. Металлический шкаф с инструментами около стены. Покопался в ящиках, но ничего, что могло бы пригодиться, не нашел. Полудюймовые торцевые ключи в хорошем состоянии. Храповик. Продолжал разглядывать помещение. Железная бочка с мусором. Перешел в соседнюю комнату. Повсюду пыль и пепел. Мальчик появился в дверях. Металлический стол, касса. Старые автомобильные справочники, разбухшие от сырости. Линолеум весь в пятнах, задравшийся там, где капало сквозь дырявую крышу. Он подошел к столу, постоял перед ним. Затем снял телефонную трубку и набрал номер отца из той, прошлой жизни. Мальчик наблюдал за ним: "Что ты делаешь?" Отойдя уже на четверть мили от этого места, он остановился и оглянулся: "Мы как-то не подумали. Надо вернуться". Столкнул тележку с дороги и упрятал ее подальше от чужих глаз. Оставив рюкзаки, они пошли назад к автозаправке. В мастерской выдвинул из угла железную бочку и вытряхнул из нее мусор. Выудил из кучи пластиковые бутылки из-под машинного масла. Потом они сидели на полу и методично сливали остатки масла из бутылок. Перевертывали их горлышками вниз и оставляли стоять в тазике, пока не набралось с четверть литра. Слил масло в одну бутылку, закрутил пластмассовую пробку, вытер бутылку тряпкой и прикинул на вес. Вот и масло для их крошечного ночника, хватит на долгие серые рассветы и на долгие серые закаты.

— Теперь ты сможешь почитать мне сказку. Верно, пап?

— Да, смогу.

В дальнем конце долины дорога шла по выжженной местности. Обугленные, без единой ветки стволы деревьев подступали с обеих сторон. Ветер гнал по дороге пепел, провисшие оголенные провода между почерневших электрических столбов тихо поскуливали под порывами ветра. Сожженный дом на поляне, за ним — бесплодные бесцветные луга и крутые красноватые речные берега с брошенной где попало строительной техникой. На вершине холма какое-то время постояли на пронизывающем холодном ветру, переводя дыхание. Он вопросительно посмотрел на мальчика. "Я нормально", — сказал тот. Он положил ему руку на плечо и кивнул в сторону расстилающейся внизу долины. Достал из тележки бинокль и, не сходя с дороги, поглядел туда, где просматривался силуэт города, темный, словно рисунок углем, на фоне бесцветной выжженной равнины. Глазу не за что зацепиться. Ни струйки дыма.

— А можно я посмотрю? — спросил мальчик.

— Да-да, конечно.

Мальчик облокотился на тележку и настроил бинокль.

— Что ты видишь?

— Ничего. — Сын опустил бинокль. — Дождь пошел.

— Да. Вижу.

Они накрыли тележку полиэтиленом и оставили ее в овраге. Сами, огибая черные лесины, поднялись по склону к каменному выступу, который он раньше приметил, спрятались там и стали смотреть, как серые струи дождя секут долину. Холод пробирал до костей. Сидели, тесно прижавшись друг к другу, завернувшись в одеяла поверх курток. Вскоре дождь прекратился, только капли со стуком падали с деревьев.

Когда ветер окончательно разогнал тучи, они пошли к тележке, и скинули полиэтилен, и взяли одеяла и все необходимое для сна. Затем поднялись на вершину холма и устроились на сухой земле под выступом, а потом он сидел, обняв мальчика, стараясь его согреть. Закутавшись в одеяла, смотрели, как надвигается непроницаемая темнота. Силуэт города растворился в ней, будто привидение, и он зажег маленький ночник и поставил его с подветренной стороны. Потом они спустились к дороге, и он взял мальчика за руку, и они пошли на другой склон холма, где дорога добиралась до самого верха, откуда еще можно было разглядеть погружающуюся во мглу местность к югу. Долго стояли в своих одеялах на ветру в надежде увидеть отблеск костра или лампы. Ничего. Только тусклое пятно света их ночника. Потом вернулись обратно. Костер не разжечь, все отсырело. Пришлось съесть скудный ужин холодным и улечься, пристроив лампу между собой. Он захватил книжку для мальчика, но тот слишком устал.

— А можно лампа погорит, пока я не усну?

— Конечно можно.

Мальчик никак не мог заснуть. Повернулся и посмотрел на отца. В тусклом свете ночника его лицо с темными разводами от дождя напоминало старинную маску трагика.

— Можно я у тебя кое-что спрошу? — сказал мальчик.

— Да. Конечно.

— Мы умрем?

— Когда-нибудь. Не сейчас.

— Но мы и дальше будем идти на юг.

— Да.

— Там будет тепло.

— Да.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Ничего. Просто хорошо.

— Спи.

— Хорошо.

— Я сейчас задую ночник, ладно?

— Да, ладно.

А затем из темноты:

— Можно я еще кое-что спрошу?

— Да. Конечно.

— Что ты будешь делать, если я умру?

— Если ты умрешь, я хотел бы тоже умереть.

— Чтобы не расставаться со мной?

— Да. Чтобы не расставаться с тобой.

— Хорошо.

Лежал и слушал стук капель в лесу. Голые скалы вокруг. Холод и тишина. В пустоте унылый переменчивый ветер гоняет туда-сюда прах погибшего мира. Перенесет, рассыплет, опять перенесет. Все в этом мире вырвано с корнем, зависло в безжизненно-сером воздухе, все держится на одном дыхании, коротком и слабом. Почему мое сердце не из камня?

Проснулся и наблюдал за наступлением серого дня. Медленного, туманного. Поднялся, пока мальчик спал, надел ботинки и, закутавшись в одеяло, пошел между деревьями. Спустился в расщелину в скале и там присел, скорчившись, долго, непрерывно кашляя. Потом сел прямо на пепел. Поднял голову навстречу сумрачному дню. Прошептал: "Ты там? Когда мы наконец встретимся? У тебя есть горло, чтоб я мог тебя задушить? У тебя есть сердце? А душа? Будь ты проклят! О Боже, — прошептал он. — О Боже".

Город они пересекли на следующий день пополудни. Револьвер, чтобы был под рукой, он положил поверх свернутого полиэтилена в тележке. Мальчика не отпускал от себя ни на шаг. Город был почти полностью сожжен. Никаких признаков жизни. Машины на дороге засыпаны пеплом, все покрыто толстым слоем сажи и пыли. Окаменевшие следы в засохшей глине. Труп в дверях — сухой как пергамент. С застывшей гримасой. Он притянул к себе мальчика:

— Все, что ты сейчас запомнишь, останется с тобой навсегда. Хорошенько об этом подумай.

— Но что-то иногда забывается?

— Да, ты забудешь то, что хочешь помнить, и будешь помнить то, что хотел бы забыть.

В миле от фермы его дяди лежало озеро, куда они осенью вдвоем отправлялись за дровами. Он сидит на корме лодки, опустив руку по запястье в холодную волну, а дядя гребет. Дядины ноги в детских черных ботинках упираются в перекладыны. Соломенная шляпа. Трубка из кукурузного початка в зубах, тонкая струйка слюны в уголке губ. Дядя оборачивается, чтобы разглядеть дальний берег, поднимает над водой весла, вынимает трубку изо рта и тыльной стороной ладони вытирает подбородок. Березы подступают к воде, их белоснежные стволы резко выделяются на фоне темного ельника. По краю озера сплошь потемневшие от времени и непогоды вывернутые пни, все, что осталось от поваленных когда-то ураганом деревьев. Сами деревья давным-давно распилены на дрова и вывезены. Дядя разворачивает лодку, складывает весла, лодку несет течением по мелководью, пока днище не начинает скрести по песку. Дохлый окунь покачивается вверх брюхом в прозрачной воде. Желтые листья. Они оставляют ботинки на прогретых крашеных досках кормы, вытаскивают лодку на берег и бросают якорь. Их якорь — заполненная цементом железная банка из-под топленого сала с крюком посередине. Идут вдоль берега, дядя рассматривает пни, попыхивает трубкой, на плече у него — свернутая кольцом грубая пеньковая веревка. Находит подходящий пень. Они его переворачивают и, держа за корни, волокут к воде. Завернутые по колено штаны все равно промокают. Привязывают веревку к поперечине на корме и плывут через озеро; пень медленно тащится за лодкой. Темнеет. Только и слышно, что размеренный скрип уключин. Темное зеркало озера и отблески света, загорающегося в домах на берегу. Звук радио где-то вдалеке. Плывут, не произнося ни слова. Идеальный день. Из детства. Один из тысячи.

Много недель они упорно двигались на юг. Одни. Гористая суровая местность. Дома из алюминия. Временами сквозь редкую поросль удавалось разглядеть отрезки хайвея внизу. Становилось все холоднее. Стоя в ущелье высоко в горах, они смотрели вперед, туда, где у подножия хребта, насколько было видно, лежала выгоревшая дотла страна. Почерневшие массивы скал среди гор пепла, волны пепла, устремляющиеся вверх и летящие над пустыней. След тусклого солнца, неприметно скользящего в полумраке.

Долго преодолевали этот неприветливый край. Мальчик нашел цветные карандаши

и нарисовал на маске клыки. Ни разу не пожаловался, хотя еле передвигал ноги. Одно из передних колесиков тележки расшаталось. Что делать? Ничего. Огонь выжег землю, про костер можно было забыть, наступили долгие темные холодные ночи — таких еще не бывало. Холод, от которого трескаются камни. Который отнимает жизнь. По ночам прижимал к себе дрожащего ребенка и в темноте считал каждый его слабый вдох и выдох.

Его разбудили далекие раскаты грома. Сел. Слабые вспышки непонятного происхождения в пелене перемешанного с сажей дождя. Повыше натянул полиэтилен и долго лежал прислушиваясь. Если они промокнут, просушиться будет негде, и их, скорее всего, ждет смерть.

Ночами он просыпался в непроницаемой темноте. В темноте, от которой болели уши, так напряженно он вслушивался. Довольно часто приходилось вставать. Никаких звуков, кроме свиста ветра в голых обугленных деревьях. Он поднимался и, пошатываясь, стоял в холодном безумном мраке, расставив для равновесия руки, прислушиваясь к командам, которые мозг давал телу. Все по заведенному порядку: держаться прямо, не падать, даже если пошатнешься. Широко шагая навстречу пустоте, считал в уме шаги, прежде чем повернуть назад. Глаза закрыты, руки загибают в воздухе. Выпрямился — навстречу чему? Чему-то безымянному в ночи, прародительнице всего живого, а может, самой утробе земли. По сравнению с ней и он, и звезды просто песчинки. Как огромный маятник качается в такт с движением вселенной, о существовании которой даже и не подозревает. А вселенная тем не менее существует.

Им понадобилось два дня, чтобы пересечь это мертвое пространство. (Дальше дорога шла по гребню горного хребта, окруженного со всех сторон вымершим лесом. "Снег идет", — сказал ему мальчик. Он посмотрел на небо. Одна-единственная сероватая снежинка планировала вниз. Поймал ее и наблюдал, как она тает на ладони. Будто прощался с последним защитником христианского мира.

Продолжали идти вперед, накрывшись с головой полиэтиленом. Влажные серые хлопья летели из пустоты и кружились в воздухе. Талый снег на обочине. Черная жижа, сочащаяся из-под наносов мокрого пепла. Никаких тебе ритуальных костров на отдаленных вершинах. Скорее всего, приверженцы жертвоприношений уже поубивали друг друга. Никто не проходил этой дорогой. Ни разведчики, ни мародеры. Вскоре они наткнулись на придорожную автомастерскую. Постояли в дверном проеме, глядя, как со стороны гор несутся потоки дождя со снегом.

В мастерской нашлось несколько старых коробок, из которых они разожгли на полу костер. Он отыскал кое-какие инструменты, и вывалил вещи из тележки, и принялся за ремонт колесика. Выкрутил болт и высверлил дрелью старую втулку, а на ее место вставил кусочек трубы нужной длины. Вкрутил болт и покатал тележку по полу. Едет неплохо. Мальчик следил за ним не сводя глаз.

Утром двинулись дальше. Пустынная местность. На двери сарая прибита кабанья шкура. Жалкое зрелище. Пучок щетины вместо хвоста. В сарае, в узкой полоске тусклого света, висят на стропилах три трупа, сухие и пыльные.

— Внутри может быть какая-нибудь еда. Кукуруза или еще что-нибудь, — сказал мальчик.

— Пошли отсюда, — ответил он.

Больше всего его беспокоила их обувь. Обувь и еда. Еда — постоянно. В какой-то старой коптильне нашли забытый в дальнем углу окорок. Можно было подумать, черт-те сколько пролежавший в могиле. Окаменевший от времени. Врезал его ножом. Под жесткой коркой — темно-красное соленое мясо. Вроде есть можно. Питательное. В тот же вечер поджарили над костром толстые куски окорока и добавили их в банку тушеных бобов. Позже он очнулся в темноте, почудилось, будто слышит барабанную дробь где-то внизу, среди темных холмов. Потом ветер поменял направление, и звуки поглотила тишина.

Во сне бледная невеста выходит ему навстречу из-под зеленого полога ветвей. Соски обмазаны белой глиной, на теле — белые полосы. Газовое прозрачное платье, темные волосы собраны в пучок и заколоты перламутровыми гребешками цвета слоновой кости. Ее улыбка, потупившийся взгляд. Утром опять пошел снег. Крохотные бусинки серого льда нанизаны на электрические провода над головой.

Ничему этому он не верил. Сказал себе, что у человека в опасности и сны должны быть соответствующие — про опасные испытания, а если нет таких снов, то это признак бессилия и близкой смерти. Спал недолго и беспокойно. Снилось, что они с сыном гуляют в весеннем саду, под куполом ослепительно синего неба порхают птицы, но он знал, как заставить себя проснуться, вырваться из этих манящих миров. Лежал в темноте, пока не пропал давно забытый вкус персика из призрачного сада во сне. Подумал, проживи он еще хоть сколько-то, мир в конце концов полностью исчезнет. Так у ослепшего человека стираются из памяти детали потонувшего в вечной темноте мира.

Видения преследовали его в пути. Но он продолжал двигаться вперед. Помнил все за исключением ее запаха. Помнил, как в театре сидела рядом, подавшись вперед, захваченная музыкой. Золотая роспись, настенные светильники, тяжелые складки занавеса по обеим сторонам сцены. Она положила его руку к себе на колени, и он мог нащупать резинки ее чулок сквозь тонкое полотно летнего платья. Останови это мгновение. А теперь всколыхни со дна души все темное и ледяное и отправляйся в ад.

Смастерил из двух найденных старых веников щетки и прикрутил их к тележке так, чтобы они сметали сучки и ветки перед колесиками, и посадил мальчика в тележку, а сам пристроился на поперечной железке как погонщик собачьей упряжки, и они

покатили вниз с холма, регулируя скольжение наклонами тела, словно заправские бобслеисты. Впервые за долгое время он увидел на лице сына улыбку.

У основания холма дорога делала петлю. Деревья там расступались, образуя просвет. Старая просека в лесу. Они сели на скамейку на обочине и стали смотреть на впадину, теряющуюся в плотном тумане. Внизу виднелось озеро. Холодное, серое, неподвижное посреди изувеченной чаши долины.

— Что это, пап?

— Дамба.

— Зачем она нужна?

— Без дамбы не было бы озера. Раньше в этом месте была река. Вода, падая с дамбы, крутила громадные вентиляторы — они называются турбины, — которые вырабатывали электричество.

— Чтобы лампочки горели?

— Да, чтобы лампочки горели.

— Мы можем спуститься и посмотреть?

— Нет. До нее слишком далеко.

— Она долго простоит?

— Думаю, да. Она из бетона. Скорее всего, простоит несколько веков. А то и тысячелетий.

— Как ты думаешь, рыба там водится?

— Нет, ничего в этом озере нет.

В том далеком-далеком прошлом где-то поблизости от этого места он видел, как сокол камнем падал с голубой скалы, и врезался в стаю аистов, и хватал одного, и тащил вниз к реке. Долговязый нескладный аист безжизненно болтался в когтистых лапах и все ронял, ронял в холодном осеннем воздухе свои белоснежные перья.

Зернистый воздух, вкус которого навсегда остается во рту. Они стояли под дождем, как стоит стадо, застигнутое непогодой. Затем двинулись дальше, растянув полиэтилен над головой, под монотонный шум дождя. Ноги насквозь промокли и замерзли, а обувь скоро совсем развалится. На склонах — мертвые втоптаные в грязь стебли пшеницы. В пелене дождя — черные силуэты обугленных деревьев на гребнях холмов.

Зато в его снах бушевали яркие цвета. А как еще может заявить о себе смерть? Сразу после пробуждения все моментально обращалось в пепел. Так от дневного света разрушаются фрески, столетиями сохранявшиеся в замурованных гробницах.

Дождь прекратился, потеплело, и они наконец-то спустились в долину. Кое-где еще проступают очертания фермерских участков. Нигде ни травинки, все сухое и мертвое до самых корней. Высокие обшитые вагонкой дома. Одинаковые железные крыши. Длинный сарай посреди поля с рекламой по скату крыши: десятифутовые выцветшие буквы приглашают посетить Рок-Сити.

Придорожные кусты разрослись и превратились в непроходимую стену перепутанных черных колючек. Никаких признаков жизни. Он оставил мальчика посреди дороги с револьвером наготове, а сам поднялся по истертым каменным ступенькам на открытую веранду старого фермерского дома и, приставив руку к глазам, заглянул в окно. В дом вошел через кухонную дверь. Мусор на полу, старые газеты. Посуда в шкафу, кружки на крючках. Прошел по коридору и остановился в дверях гостиной: старинная фисгармония в углу, телевизор, дешевые диваны, а рядом — ручной работы шкаф из вишневого дерева. Поднялся на второй этаж. Спальни. Все покрыто пеплом. Детская комната, на подоконнике мягкая игрушка — собака, будто выглядывающая в сад. Покопался в стенных шкафах. Сбросил покрывала с кроватей и обнаружил два совсем неплохих шерстяных одеяла. Потом спустился в кухню. В кладовке нашлись три банки консервированных помидоров домашнего приготовления. Сдул пыль с крышек и осмотрел со всех сторон. Кто-то до него не рискнул взять банки, и он тоже не решился. Вышел из дома с перекинутыми через плечо одеялами. Зашагали дальше.

На окраине города наткнулись на супермаркет. Несколько старых машин посреди захлавленной парковки. Там оставили свою тележку. Прошли по заваленным мусором рядам. В овощном отделе на дне ящиков нашлось несколько окаменевших фасолин да мумифицированные останки того, что когда-то было абрикосами. Мальчик не отставал ни на шаг. Через заднюю дверь вышли наружу, где ничего, кроме пары заржавевших тележек, не было. Вернулись назад в магазин — искали тележку поновее, но безуспешно. Рядом с входной дверью — опрокинутые на пол и разбитые монтировкой два автомата для продажи кока-колы. В пыли — разбросанные по полу монеты. Он сел, запустил руку внутрь: во втором автомате пальцы наткнулись на холодный металлический цилиндр. Медленно вытащил руку с добычей и уставился на банку кока-колы.

— Что это, пап?

— Кое-что вкусненькое, для тебя.

— Что это?

— Подожди. Садись.

Ослабил узлы, помог мальчику снять рюкзак и поставил его так, чтобы можно было спиной на него опереться. Просунул большой палец под ушко, дернул кверху и открыл банку. Поднеся кока-колу поближе к носу, уловил шипение лопающихся пузырьков и протянул банку мальчику.

— На-ка, пробуй. Мальчик взял банку.

— Там пузыри.

— Ну же, не бойся.

Мальчик посмотрел на отца, наклонил банку и сделал один глоток. Задумчиво посидел, решая, нравится ему или нет, а потом сказал:

— Ужасно вкусно.

— Ну видишь.

— Пап, ты тоже глотни.

— Я хочу, чтобы ты все выпил сам.

— Пап, ну пожалуйста.

Он взял банку, чуть-чуть отхлебнул и вернул мальчику.

— Допивай. Давай посидим здесь немного.

— Потому что мне никогда больше не придется такое попробовать, да?

— Кто знает, что нас ждет впереди.

— Понятно.

День уже подходил к концу, когда они вошли в город. Длинные бетонные щупальца хайвеев и переплетенья шоссежных развязок, словно развалины гигантского парка аттракционов, маячили в сгущающемся сумраке. Засунул пистолет за пояс, куртку оставил незастегнутой. Повсюду лежали мумифицированные тела: кожа потрескалась и прорвалась на стыках костей, сухие и перекрученные как проволока сухожилия, сморщенные изможденные лица мучеников серее савана, оскаленные желтоватые зубы. Обувь давным-давно украдена, так они и лежали — босоногие, будто паломники.

Пошли дальше. Он постоянно смотрел в зеркальце, проверял обстановку у себя за спиной. Никакого движения, только пепел летит по улицам. Перешли реку по высокому бетонному мосту. Причал внизу. В серой воде — полузатопленные маленькие катера, ниже по течению катеров еще больше, целое кладбище увязших в жирной саже суденышек.

В тот же день, пройдя еще миль пять на юг и чуть не заблудившись в зарослях мертвого кустарника, на очередном повороте дороги набрали на ветхий дом с трубами, треугольниками мансард и каменной оградой. Он резко остановился. Потом повернул к дому, толкая перед собой тележку.

— Что это за место, пап?

— В этом доме прошло мое детство.

Мальчик стоял и рассматривал дом. Деревянная обшивка нижней части почти полностью отсутствовала — пошла на костер, — так что обнажились балки и куски утеплителя. Негодная москитная сетка с заднего крыльца валялась на цементном полу террасы.

— Ты что, хочешь зайти?

— А почему бы нет?

— Я боюсь.

— Неужели не хочешь посмотреть, где я жил?

— Нет.

— Ничего страшного ты не увидишь, не бойся.

— А вдруг там кто-то есть?

— Не думаю.

— А вдруг?!

Стоял и смотрел на окно своей комнаты. Перевел взгляд на мальчика.

— Если хочешь, подожди здесь.

— Не хочу. Ты всегда так говоришь.

— Извини.

— Я не обижаюсь. Но ты всегда так говоришь.

Они скинули рюкзаки, и оставили их на веранде, и, раскидывая мусор ногами, вошли в дом через кухонную дверь. Мальчик не отпускал его руку. Внутри ничего не изменилось. Пустые комнаты. В небольшой комнате рядом со столовой — голая панцирная сетка, складной металлический стол. Все та же чугунная решетка небольшого камина. Исчезли сосновые панели со стен, остались только рейки. Он продолжал осматривать комнату. В деревянной каминной полке нащупал большим пальцем дырочки от гвоздиков, на которых сорок лет назад висели чулки с подарками. "Когда я был маленьким, мы в этой комнате праздновали Рождество". Повернулся и посмотрел в окно на безжизненный двор. Заросли мертвой сирени. Остатки «живой» изгороди. "Холодными зимними вечерами, когда из-за бури гасло электричество, сидели с сестрами здесь, перед огнем, и делали домашние задания". Мальчик наблюдал за ним. Смотрел, как невидимые тени из прошлого обступают отца.

— Давай пойдем, пап. Пора.

— Да-да.

Но с места не сдвинулся.

Пересекли столовую с ее девственно чистым очагом — мать не допускала, чтобы копоть зачернила желтые кирпичи. Пол вспучился от дождя. В гостиной аккуратная кучка — косточки какого-то небольшого животного, вероятнее всего кошки. Стекланный бокал около двери. Мальчик вцепился в его руку. Поднялись по лестнице на второй этаж, повернули и пошли по коридору. Пирамидки влажной извести на полу, оголенная обрешетка крыши. Он стоял на пороге своей комнаты. Тесное пространство под скатом крыши. "Я здесь спал. У этой стены стояла кровать". Сколько снов ему приснилось в этой комнате за те бесчисленные ночи! Сны, рожденные воображением ребенка, переносили в прекрасные или страшные миры. Ни тем, ни другим не суждено было стать реальностью. Распахнул дверцу стенового шкафа, втайне

надеясь увидеть вещи из детства. Ничего, только холодный дневной свет, пробивающийся из пролома крыши. Мрачный, как его душа.

— Пойдем отсюда, пап. Пойдем, а?

— Да, пошли.

— Мне страшно.

— Я вижу. Прости.

— Мне очень страшно.

— Все в порядке. Не надо было сюда приходиться.

Три ночи спустя у подножия гор, тянувшихся на восток, его разбудили непонятные звуки. Он лежал в темноте, вытянув руки вдоль тела. Земля дрожала. Что-то двигалось прямо на них.

— Папа?! Папа?!

— Тс-с-с. Не волнуйся.

— Что это, пап?

Гул приближался, нарастал, все вокруг тряслось. А потом волна прокатилась под ними, как поезд в тоннеле под землей, и бесследно канула в темноту. Мальчик — весь в слезах — прижался к нему и спрятал лицо у него на груди.

— Ш-ш-ш. Все прошло.

— Я боюсь...

— Я знаю. Не бойся. Все в порядке.

— Что это было, пап?

— Землетрясение. Все позади. Обошлось. Ш-ш-ш.

В самые первые годы дороги были забиты беженцами. Закутанные с ног до головы, в масках, в защитных очках, они брели по дороге или сидели на обочине, как потерпевшие аварию авиаторы. Горы тряпья на тачках. Тянут за собой повозки или тележки. Ярким блеском горят глаза. Безучастные коконы, ковыляющие по тракту, словно переселенцы в лихорадочном бреду. Бренность мира наконец-то становится очевидной. Давние проблемы остаются нерешенными, растворяются в ночи. Были — и нет их. Выключен свет, пусто. Оглянись вокруг. «Вечность» занимает много времени. Но мальчик знал всему цену: «вечность» — безвременна.

Пока ребенок спал, он сидел около мутного окна в заброшенном доме и при тусклом предзакатном свете читал старую газету. Курьезы. Забытые тревоги. В восемь часов первоцвет закрывает лепестки. Время от времени он смотрел на спящего сына. "Ты сможешь это сделать, когда наступит час? Сможешь?"

Они расположились прямо на дороге и съели холодные рис и бобы, которые

приготовили еще два дня назад. Уже забродившие. Не нашлось места, где можно было бы, оставшись незамеченными, разжечь огонь. Спали в обнимку, закутавшись в зловонные одеяла, в темноте, на холоде. Он прижал мальчика к себе. Кожа да кости. "Сердце мое, — сказал он. — Сердце мое". Он понимал, что оказался хорошим отцом. Но понимал также, что она во многом была права. Говорила, что он цепляется за мальчика, чтобы не умереть самому. Это правда.

А потом он утратил счет месяцам. Решил, что у них достаточно еды для перехода через горы, но наверняка сказать невозможно. Преодолеть перевал на высоте в пять тысяч футов, да еще в такой холод... Повторял, что спасение ждет их на побережье, и в то же время, шагая в ночи, знал, что выдавал желаемое за действительное. С большей вероятностью они просто погибнут в горах, и на этом все закончится.

Дорога привела их к руинам курортного городка. Они продолжали двигаться строго на юг. Сожженные леса по склонам гор тянулись на многие мили, а на земле, чего он никак не ожидал, уже лежал снег. Никаких следов на дороге, ни одного живого существа. Закопченные валуны среди деревьев, по форме и размеру похожие на медведей. Он остановился на каменном мосту в том месте, где вода не торопясь разливалась и, лениво крутясь, превращалась в серую пену. В том месте, где когда-то наблюдал, как стайка форели резвилась в воде, как на каменистом дне мелькали тени рыб. Пошли дальше, мальчик устало тащился позади. Всем телом налегая на тележку, отец толкал ее зигзагами вверх по склону, Высоко в горах продолжались лесные пожары, и по ночам они видели яркие оранжевые всполохи там, где огонь отражался в носящихся в воздухе хлопьях сажи. Становилось все холоднее, приходилось ночь напролет жечь костер. По утрам, отправляясь в путь, и не думали его тушить. Обернули ноги кусками дерюги и перевязали бечевкой. Земля была только-только присыпана снегом, но он понимал, что, если начнется настоящий снегопад, тележку придется бросить. Уже и так стало трудно ее толкать, он часто останавливался перевести дух. Доковыляв до обочины, повернувшись спиной к сыну, стоял, упиравшись руками в колени, и кашлял. Выпрямлялся, из глаз текли слезы. От крови снег превратился из серого в грязно-розовый.

Устроились на привал под боком огромного валуна: воткнули палки в землю и натянули на них полиэтилен. Он разжег костер, и они стали таскать ветки, чтобы хватило на всю ночь. Бросили на снег подстилку из сухих стеблей болиголова и устроились на ней, завернувшись в одеяла и допивая остатки какао из старых запасов. Опять пошел снег, мягкие снежинки падали из темноты. От тепла его разморило. Мальчик вернулся с новой охапкой веток, его тень промелькнула над отцом. Сквозь полуопущенные веки он наблюдал, как мальчик подбросил веток в костер. Огнедышащий дракон, ниспосланный Богом. Искры взвились в небо и погасли в беззвездной черноте. Не всем предсмертным словам можно верить. Благословен огонь, хоть и недолговечен.

Проснулся незадолго до наступления рассвета. Костер потух, остались только угли.

Вышел на дорогу. Все вокруг было освещено. Будто заблудавшееся солнце наконец-то вернулось домой. Снег оранжевый, весь в блестках. Лесной пожар двигался по сухостою у них над головами, взвиваясь и переливаясь на фоне туч, будто северное сияние. Он простоял так довольно долго, не обращая внимания на стужу. Что-то давно забытое всколыхнулось в груди при виде этого цвета. Прочти литанию. Запомни.

Наступили настоящие холода. В этом заоблачном мире все застыло в неподвижности. Над дорогой повис густой запах дыма. Толкал тележку по снегу. Несколько миль в день. Не представлял, далеко ли до перевала. Ели по чуть-чуть, постоянно мучил голод. Стоял и смотрел на раскинувшиеся внизу дали. На ленту реки. Как высоко они уже забрались?

Ему приснилось, что она заболела, а он за ней ухаживает. Во сне это смахивало на акт самопожертвования, но он отогнал эту мысль. Не помог он ей, и она умерла в одиночестве, во тьме. Нет никаких других снов, нет пробуждения, и не о чем рассказывать.

На этой дороге не встретить Божьих избранников. Пропали, остался я один, и мир исчез вместе с ними. Загадка: чем отличается «никогда» в настоящем от «никогда» в прошлом?

Темное пятно невидимой луны. Ночи стали немного светлее. Днем солнце обходит землю, как скорбящая мать со свечой.

На рассвете на обочинах сидели люди — полуживые, в дымящейся одежде. Будто несостоявшиеся фанатики-самоубийцы. Другие старались им помочь. Год спустя на мостах жгли костры и раздавались безумные песнопения. Крики жертв. Днем вдоль дороги стояли стеной колья с телами. В чем их вина? Подумал, что за всю историю человечества наказаний было больше, чем преступлений. Слабое утешение.

Дышать становилось все труднее, решил, что до перевала рукой подать. Может, завтра доберутся. Завтра наступило и закончилось, а до перевала они так и не дошли. Снегопад прекратился, но волочь тележку по глубокому, дюймов шесть, снегу сил не было. Он сказал себе, что придется, наверно, ее бросить. Интересно, сколько они смогут на себе унести? Остановился, посмотрел вдаль. Пепел падал на снег, пока все не почернело.

За каждым поворотом ему чудилось, что они у цели. Однажды вечером он остановился, огляделся и понял: вот и перевал. Расстегнул куртку на шее, и опустил капюшон, и стал вслушиваться. Шум ветра в стеблях сухого болиголова. Пустая парковка рядом с обзорной площадкой. Мальчик стоял сбоку. Он сам однажды зимой там стоял, только со своим отцом, много лет назад.

— Что это, пап?

— Перевал. Мы дошли.

Утром они продолжили путь. Жуткий холод. В середине дня опять пошел снег. Привал устроили раньше обычного, и залегли под навесом из полиэтилена, и смотрели, как падают снежинки в костер. К утру снега навалило по колено, но небо расчистилось, и стало так тихо, что можно было различить биение собственных сердец. Навалил сучьев на угли, раздул огонь и поковылял по сугробам выкапывать тележку. Перебрал банки, пошел назад. Потом они с мальчиком сидели у костра и доедали последние крекеры с сосисками из алюминиевой банки. В кармане своего рюкзака он обнаружил ополовиненный пакетик с порошком какао, развел его для сына, а себе налил кипятку, сел и стал дуть на край кружки.

— Ты ведь обещал так не делать, пап.

— Чего не делать?

— Сам знаешь.

Вылил кипяток обратно в кастрюлю, забрал у сына кружку, отлил себе чуть-чуть какао и вернул кружку.

— Все время приходится за тобой следить.

— Да, нехорошо.

— Если ты не держишь слово в мелочах, то обязательно нарушишь в главном. Ты сам так сказал.

— Знаю, знаю. Больше не буду.

Преодолев перевал, весь день с трудом спускались по южному склону. Несколько раз тележка застревала в глубоком снегу. Тогда он, одной рукой таща ее за собой и размахивая для равновесия другой, прокладывал дорогу по сугробам. Где угодно, но только не здесь, в горах, можно найти что-нибудь подходящее, чтобы сделать санки, будь то старый придорожный знак или лист кровельного железа. Обернутые кусками дерюги ноги промокли насквозь, высушить их или согреть возможности не было. Время от времени он опирался на тележку отдышаться, а мальчик стоял и терпеливо ждал. Откуда-то сверху донесся громкий треск. Потом еще раз. "Дерево упало, всего навсего. Не бойся", — успокоил он мальчика. Тот всматривался в мертвые деревья по краям дороги.

— Не бойся. Все деревья свалятся рано или поздно, но не на нас.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все.

Один раз наткнулись на огромный завал из деревьев. Пришлось все из тележки вытряхивать и по отдельности перетаскивать и ее, и вещи через поваленные деревья, а потом укладывать все обратно. Мальчик нашел игрушки, про которые уже давно забыл. Достал желтую машинку, примостил ее поверх узла, так и тронулись в путь.

Вблизи дороги на противоположной стороне замерзшего ручья увидели пригорок. Расположились там на ночлег. Ветер унес весь пепел с черного как уголь льда, и ручей напоминал высеченную в базальте дорогу, вьющуюся в лесу. Дрова для костра собирали на северном склоне — там было посуше. Валили целые деревья и затем оттаскивали к месту привала. Развели огонь, натянули полиэтилен и развесили на кольях вокруг костра одежду, от которой скоро пошел пар и вонь. Сами сидели голышом, завернувшись в одеяла, согревались, он упер ноги мальчика себе в живот и грел их теплом своего тела.

Ночью ребенок проснулся весь в слезах, отец крепко прижал его к себе.

— Ш-ш-ш. Все хорошо.

— Мне приснился плохой сон.

— Я так и подумал.

— Рассказать?

— Если хочешь.

— У меня был заводной пингвин. Такой, знаешь, который машет крыльями и смешно переваливается. Мы сидели в нашем старом доме, а он появился из-за угла. Но его ведь никто не заводил! Стало так страшно!

— Еще бы.

— Намного страшнее, чем я тебе рассказываю.

— Знаю, сны иногда бывают очень страшными.

— А почему он мне приснился?

— Этого я не знаю. Но теперь уже нечего бояться. Я подкину веток в костер, а ты постарайся уснуть.

Мальчик помолчал, а потом сказал:

— А у него даже заводной ключ не поворачивался.

Понадобилось четыре с лишним дня, чтобы преодолеть заснеженный склон горы. Да и потом еще кое-где попадались скопления снега на особенно крутых поворотах, а сама дорога была черная и мокрая из-за того, что сверху потоками сползала жидкая грязь; в некоторых местах она затопила полотно дороги и текла вниз по откосу. Вышли к узкой горловине ущелья, на дне которого в темноте шумела река. Стояли и слушали.

На противоположной стороне каньона — высокие скалы и тонюсенькие черные деревья, судорожно цепляющиеся за склоны. Шум реки стал тише. Потом опять усилился. Снизу повеяло холодом. До реки добирались целый день.

Оставили тележку на парковке и пошли по лесу. Со стороны реки доносились громopodobные звуки. Водопад. Вода устремлялась вниз с каменного обрыва и, падая с восьмидесяти футовой высоты, разбивалась о поверхность водоема. В воздухе висела пелена серой водяной пыли. Запах воды. Тянет холодом. Мокрая галька на берегу. Стоял и наблюдал за мальчиком. "Вот это да!" — воскликнул сын. Не мог оторвать глаз от реки.

Присел на корточки, и набрал пригоршню гальки, и понюхал камешки, и затем со стуком высыпал их на землю. Круглые, отполированные, похожие на стеклянные шарики или на леденцы, только каменные, с прожилками и полосками. Темные вкрапления и блестящие песчинки кварца, сверкающие во влажном от речного тумана воздухе. Мальчик подошел к реке, присел, умылся черной водой.

Водопад обрушивался в водоем почти посередине, образуя серую бурлящую воронку. Они стояли бок о бок и громко разговаривали, стараясь перекрыть рев воды.

— Холодно?

— Вода ледяная.

— Хочешь искупнуться?

— Не знаю.

— Конечно, хочешь...

— А можно?

— Пошли.

Он расстегнул куртку, бросил ее на гравий; мальчик поднялся, они разделись и зашли в воду. Бледные как привидения, зуб на зуб не попадает. Ребенок какой худющий — ходячий скелет! От этого зрелища заныло сердце.

Нырнул, выплыл на поверхность, ловя ртом воздух, повернулся и встал, похлопывая себя по бедрам.

— Мне там с головкой?

— Нет. Залезай.

Повернулся и поплыл к водопаду, преодолевая встречное течение. Мальчик зашел в воду по пояс и, обхватив руками плечи, прыгал в воде вверх-вниз. Отец поплыл к нему и, затащив подальше на глубину, поддержал голову, чтобы тот поплавал. Мальчик прерывисто дышал и молотил по воде руками и ногами.

— У тебя получается. Здорово получается.

Дрожа от холода, оделись и по тропинке поднялись вдоль берега к тому месту, где река, казалось, вдруг обрывается и исчезает. Он помогал мальчику перелезть через камни. Подошел к самому краю. Вода неслась к обрыву и с грохотом падала вниз. Целиком исчезала в озере. Мальчик схватил отца за руку.

— Как высоко!

- Очень.
- Если упадешь, наверное, разобьешься насмерть?
- Скорее покалечишься. С такой высоты...
- Ух, как страшно.

Пошли по лесу. Свет угасал. Шли по ровным участкам берега в верховьях реки, огибая огромные мертвые деревья. Густой южный лес, в котором когда-то росли и подофил, и зимолюбка, и женьшень. Вокруг шершавые сухие ветки рододендрона — узловатые, перекрученные, черные. Он внезапно остановился. Под ногами в пепле и древесной трухе что-то было. Наклонился, разгреб мусор. Небольшая колония. Съезжившиеся, сухие, морщинистые. Взял один, поднес поближе к лицу, понюхал. Откусил крохотный кусочек, пожевал.

- Что это, пап?
- Сморчки. Это сморчки.
- Что такое сморчки?
- Грибы такие.
- Их можно есть?
- Можно. Возьми, попробуй.
- Они вкусные?
- Попробуй.

Мальчик понюхал гриб, откусил чуть-чуть, разжевал. Посмотрел на отца:

- Очень даже ничего.

Выковыряли все грибы, такие необычные с виду, и сложили мальчику в капюшон куртки, и вернулись на дорогу, и пошли к тому месту, где оставили тележку. Разбили привал на краю озера. Отмыли грибы от земли и пепла и замочили в кастрюле. К тому времени, когда огонь разгорелся в полную силу, уже наступила ночь. На чурбаке нарезал грибы тонкими ломтиками, бросил на сковородку, добавил туда же свиной жир из банки тушеных бобов, поставил все это поджариваться на углях. Мальчик смотрел: "Мне это место нравится".

Поужинали жареными грибами и бобами, выпили чаю, а на десерт открыли баночку консервированных груш. С одной стороны костер был защищен обломком скалы, а с другой они натянули полиэтилен, чтобы жар не уходил. Получился теплый закуток. Он рассказывал мальчику истории из прошлого, какие еще не забыл, — про мужественных и справедливых людей, — пока тот не уснул в ворохе одеял. Потом подкинул в костер веток и лежал, сытый и согретый, слушая глухой грохот водопада где-то внизу, среди темного безжизненного леса.

Утром решил прогуляться, пошел вниз по течению. Мальчик был прав: место

оказалось очень удобным. Надо проверить, не привлекло ли оно кого-нибудь еще. Не нашел никаких следов чужого присутствия. Стоял и наблюдал за рекой, как она стекала в затон, там кружилась, пенилась и клубилась в водовороте. Бросил в воду белый голыш, и он моментально исчез, как будто языком слизнули. Однажды он вот так стоял на берегу реки, рассматривал форелей, обычно невидимых в светло-коричневой воде. Разве что, когда рыба переворачивалась с боку на бок в погоне за кормом. В черной глубине солнце острыми лучиками отражалось от рыбьей чешуи — наверно, так блестят, попав в полосу солнечного света, лезвия ножей в пещере.

— Нам нельзя здесь оставаться. С каждым днем становится все холоднее. Водопад может кого-нибудь привлечь. Мы же пришли. И другие придут. Мы не знаем, что у них на уме, и не услышим, когда они сюда заявятся. Опасно.

— Еще один денек, пап.

— Опасно здесь оставаться.

— Может, поищем другое место на реке?

— Надо идти дальше. На юг.

— А река разве не течет на юг?

— Нет, не течет.

— А можно на карте посмотреть?

— Можно. Подожди, достану...

Потрепанная дорожная карта, изданная в свое время для работников нефтедобывающей компании, была когда-то склеена скотчем, но со временем распалась на отдельные листки. Он каждый пронумеровал фломастером в верхнем углу. Покопался в этих кусках, а затем расправил тот, который показывал, где они сейчас находятся.

— Здесь мы перейдем мост. Похоже, до него еще миль восемь или вроде того. Вот река. Течет на восток. Пойдем по дороге по восточному склону гор. Вот они — дороги, черные линии на карте. Штатные дороги.

— Почему "штатные"?

— Потому что раньше они принадлежали штатам. Тому, что когда-то называлось штатами.

— Штатов больше нет?

— Нет.

— Что с ними случилось?

— Точно не знаю. Хороший вопрос.

— Но дороги сохранились.

— Да, пока.

— Сколько еще им ничего не делается?

— Не знаю, может, и долго. Им пока ничто не угрожает, так что они еще на какое-

то время останутся.

— Но не будет ни машин, ни грузовиков.

— Нет.

— Вот и хорошо.

— Ты готов?

Мальчик утвердительно кивнул, вытер нос рукавом, закинул на плечи рюкзак. Отец сложил карту, поднялся, сын последовал за ним сквозь серый частокол деревьев к дороге.

Внизу показался мост, поперек которого, полностью загораживая проход, застрял на боку тяжелый грузовик-фура, уткнувшийся в погнутые перила. Опять зарядил дождь, они стояли, накрывшись полиэтиленом, рассматривая мост из голубоватого марева своего убежища. Капли дождя тихо шуршали по пленке.

— Обойдем фуру?

— Вряд ли. Скорее всего, придется под ней пролезть, только надо будет разгрузить тележку.

Мост пересекал реку неподалеку от водопада. Его шум стал слышен на повороте дороги. Из ущелья налетел ветер, они затянули потуже края полиэтилена и вкатили тележку на мост. Сквозь металлическую арматуру просматривалась река внизу. Ниже по течению сразу за водопадом был железнодорожный мост. На его каменных опорах были хорошо видны следы в тех местах, докуда доходила вода во время наводнения, а в излучине реки громоздились завалы из веток, стволов и валежника.

Грузовик, похоже, стоял на мосту с незапамятных времен: обмякшая резина складками лежала под дисками колес, кабина водителя застряла в ограждении моста, кузов перекосялся и врезался в кабину сзади. Грузовик развернуло, и зад уткнулся в перила на противоположной стороне моста, выворотив с корнем одну секцию, и она повисла на арматуре над водяным потоком. Он попытался затолкать тележку под грузовик, но мешала ручка. Придется тащить боком, пока же они накрыли тележку полиэтиленом и бросили под дождем. Согнувшись, залезли под фуру. Оставив мальчика сидеть на сухой земле под машиной, он взобрался на приступку рядом с бензобаком, смахнул воду со стекла и заглянул в кабину. Потом перепрыгнул на подножку, дотянулся до ручки, открыл дверь, пролез внутрь, захлопнул дверь. Посидел, осматриваясь. Позади сидений — спальное место. Пол завален бумагой. Бардачок не заперт, в нем ничего нет. Перелез через сиденья. На лежанке — отсыревший матрас. Мини-холодильник с открытой дверцей. Откидной столик. Старые журналы на полу. Пустые фанерные полки. Под лежанкой — ящики, тоже пустые. Он все проверил, и все открыл, и выдвинул, и даже покопался в мусоре. Вернулся в кабину и сел на водительское место. Смотреть сквозь пелену дождя на реку внизу. Легкий стук капель по железной крыше. Всепоглощающая темнота.

Ночь провели в кабине, а утром дождь прекратился, и тогда они смогли разгрузить тележку, перенести ее и все вещи под грузовиком на ту сторону и сложить все обратно. Внизу в сотне футов от моста лежали почерневшие останки горелых покрышек. Он стоял и рассматривал фуру.

— Как ты думаешь, что там внутри?

— Не знаю.

— До нас кто-то тут побывал. Наверняка всё забрали.

— А как попасть внутрь?

Он прижался ухом к стенке фуры, а потом ударил ладонью по металлической поверхности.

— Судя по звуку, пусто. Можно, наверное, залезть через крышу. В боку было бы отверстие, сумей его кто-нибудь проделать.

— Чем?

— Нашли бы чем.

Снял куртку, бросил ее на тележку, залез на бампер, потом на капот и через лобовое стекло перемахнул на крышу кабины. Выпрямился, повернулся и посмотрел на реку внизу. Под ногами — скользкий мокрый металл. Посмотрел на сына. На его встревоженное лицо. Повернулся, схватился руками за верх фуры, подтянулся. Еще раз, еще. Иначе не взобраться. Спасибо хоть не толстый. Закинул ногу на ребро крыши, повисел так, отдыхая, потом сделал последний рывок и перекатился на крышу.

Разглядел люк посередине крыши, по-обезьяньи перебирая руками и ногами, добрался до него. Крышки на люке не было, из отверстия пахло мокрой фанерой и уже ставшим таким знакомым запахом кислоты. Вытащил из кармана брюк журнал и вырвал несколько страниц, скомкал и, достав зажигалку, поджег бумагу и бросил вниз в черноту. Слабый свист. Разогнал дым, заглянул внутрь. Такое ощущение, будто бумага горит на дне пропасти, а вовсе не в двух футах от крыши. Козырьком ладони прикрыл глаза и тогда смог хорошо разглядеть содержимое фуры. Трупы. Навалены как попало. Мумии в сгнившем тряпье. Бумажный комок, догорая, на мгновение ярко вспыхнул, как цветок, как расплавленная роза. А потом опять стало темным-темно.

Заночевали в лесу на гребне холма, с которого открывался вид на широкую долину, уходящую далеко на юг. Он развел костер под защитой скалы. Поужинали остатками грибов и банкой шпината. Ночью высоко в горах разразилась гроза, оглушительный грохот и треск обрушивались на равнину внизу. Серое небо то и дело освещалось вспышками молний. Мальчик прижался к отцу. Гроза закончилась, сменившись непродолжительным градом, потом зарядил холодный нудный дождь.

Проснулся в темноте. Дождь уже перестал. Долину заливает тусклый свет. Поднялся, прошелся по краю гребня. Зарево, растянувшееся на много миль. Сев на корточки, смотрел на огонь. Явственно различил запах дыма. Послюнявил палец, подставил его ветру. Когда поднялся и повернулся, чтобы идти обратно, увидел

освещенный изнутри полиэтилен — значит, мальчик проснулся. Голубоватое свечение, казалось, висело над стартовой площадкой, с которой им предстоит отправиться в последнее путешествие на край света. Про которое некому будет рассказывать. Некому. Не надо себя обманывать.

Весь следующий день они шли, окутанные запахом гари. Все тонуло в клубках дыма, который как туман поднимался от земли. На фоне тонких черных деревьев, горящих по склонам, словно свечи язычников. Ближе к вечеру подошли к месту, где пламя только-только пересекло дорогу: щебеночное покрытие еще не остыло и чем дальше, тем больше проседало под ногами. К подошвам прилипал битум, его тонкие нити тянулись от ботинок к дороге, затрудняя каждый шаг. Остановились. "Придется переждать", — сказал он мальчику.

Вернулись на основную дорогу, там провели ночь и утром зашагали опять. Щебенка к тому времени остыла. Вскоре наткнулись на следы отпечатавшихся в битуме подошв. Непонятно, откуда взялись. Он присел и стал их изучать. Кто-то ночью вышел из леса и пошел по расплавленной дороге.

— Кто это может быть?

— Не знаю. Никто?

Они вскоре догнали его на дороге: незнакомец еле двигался, волочил одну ногу, периодически останавливался и стоял согнувшись, не решаясь тронуться дальше.

— Что будем делать, пап?

— Пока ничего. Пойдем следом и понаблюдаем.

— Последим за ним?

— Да-да, последим.

Плелись за ним довольно долго, теряя драгоценное время. Наконец он сел на дорогу и больше уже не поднимался. Мальчик вцепился в отцовскую куртку. Никто не промолвил ни слова. Незнакомец явно побывал в огне: опален под стать пейзажу вокруг, обуглившаяся одежда, один глаз обожжен и навеки закрыт, на почерневшем черепе — клочья пепла вместо волос. Когда они проходили мимо, он смотрел себе под ноги и даже не взглянул на них. Как будто чего-то стеснялся. Башмаки перевязаны проволокой, покрыты пятнами битума. Сидит в своих лохмотьях в полном молчании и не шевелится. Мальчик то и дело оглядывался.

— Пап, что с ним?

— В него ударила молния.

— Мы можем ему помочь? Пап?

— Нет. Не можем.

Мальчик продолжал дергать его за полу куртки.

- Пап...
- Перестань.
- Мы можем ему помочь?
- Нет. Не можем. Ему уже ничто не поможет.

Продолжали идти. Мальчик плакал. Постоянно оборачивался. Когда они спустились с холма, отец остановился, посмотрел на сына, посмотрел на дорогу у них за спиной. Незнакомец завалился на бок, на таком расстоянии уже трудно было понять, что там лежит. "Мне очень жаль этого человека, — сказал отец. — Но мы ничем не можем ему помочь. Нам нечего ему дать. С ним случилась ужасная беда, но мы не можем ничего изменить или исправить. Ты ведь это понимаешь?" Мальчик смотрел в землю. Кивнул. Пошли дальше, больше он уже не оборачивался.

Вечером небо осветилось тусклым зеленовато-желтым светом. В канавах вдоль дороги черная вода вперемешку с грязью от оползней. Горы, теряющиеся в дымке. Перешли реку по бетонному мосту. Речной поток медленно нес скопления пепла и комки глины. Обуглившиеся деревяшки. Пройдя еще немного, решили вернуться и заночевать под мостом.

Он таскал с собой бумажник, пока тот не протер дырку в углу кармана. Как-то раз сел на обочине, и достал бумажник, и вытряхнул содержимое. Немного денег, кредитные карты. Водительское удостоверение. Фотография жены. Разложил на земле. Как карточную колоду. Закинул в лес изрядно потертый кусок кожи и сел с фотографией в руках. Потом положил ее рядом с остальными вещичками, встал, и они пошли дальше.

Утром, лежа на спине, разглядывал глиняные гнезда ласточек в углах мостовых пролетов. Посмотрел на мальчика, но тот отвернулся: лежал, уставившись на реку.

— Мы ничем не могли ему помочь.

Мальчик продолжал молчать.

— Он скоро умрет. Если бы мы поделились с ним едой, нам самим бы не хватило, тогда умерли бы мы...

— Я понимаю.

— Ну и когда ты начнешь опять со мной разговаривать?

— Уже начал.

— Точно?

— Да.

— Ну хорошо.

— Хорошо.

Они стояли на дальнем берегу реки, звали его. Сгорбленные, в лохмотьях, боги, бредущие в безжизненном пространстве. Пересекают котлован исчезнувшего моря, весь в разломах и трещинах, как разбитая тарелка. Расплавившийся песок там, где промчался огненный смерч. Силуэты медленно растаяли вдали. Проснулся и лежал в темноте.

Часы остановились в 1.17. Долгая вспышка света, затем — серия глухих толчков. Он встал и подошел к окну. "Что это было?" — спросила она.

Он не ответил. Пошел в ванную, щелкнул выключателем, электричество уже отрубилось. Мутное розовое марево в окне. Опустился на колени, заткнул пробкой ванну, отвернул краны до упора. Она стояла в дверях ванной комнаты — ночная рубашка, одна рука придерживает живот, другая вцепилась в косяк. "Что это было? — спросила снова. — Что происходит?"

— Я не знаю.

— Почему ты решил помыться?

— Я не собираюсь мыться.

В том далеком прошлом однажды проснулся в пустом лесу и слушал в крошечной темноте крики перелетных птиц. Приглушенные расстоянием, высоко в облаках. Птицы бесцельно кружили над землей — так муравьи бессмысленно бегают кругами по краю тарелки. Он пожелал птицам счастливого пути. Они улетели, и больше он их никогда не слышал.

У него сохранилась колода карт — нашел ее в каком-то доме в ящике письменного стола, карты истрепанные, кое-где порвавшиеся, не хватает двух треф, но они все равно иногда играли, расположившись у костра и закутавшись в одеяла. Попытался вспомнить правила карточных игр своего детства. "Старая дева". Несколько вариантов виста. Был уверен, что перепутал все правила, и потому изобрел новые игры и придумал им названия. Вроде "Ненормальной указки" или "Кошачьей отрыжки". Время от времени мальчик спрашивал его про прошлую жизнь, про которую сам ничего не помнил, так как ее не застал. Долго думал, прежде чем ответить. Прошлое не вернуть. Про что ты хочешь узнать? Решил покончить с вымыслами. Стало противно, ведь фантазии — сплошной обман. Мальчик сам напридумывал: что будет на юге, про других детей. Не мешало бы обуздать детские фантазии, но он не мог себя заставить. А кто бы смог?

Нет списка неотложных дел. День предопределен. Час за часом. Не существует «позже». «Позже» — это уже сейчас. Красивые изящные вещи, дорогие чьему-то сердцу, одновременно источник страданий. Рождаются из горя и праха. "Так-то вот, — прошептал спящему мальчику. — А у меня есть ты".

Думал про снимок, брошенный на дороге, говорил себе, что должен постараться сделать так, чтобы они ее не забывали. Но не знал как. Проснулся от приступа кашля, отошел подальше, чтобы не разбудить сына. Шел вдоль каменной стены, завернувшись в одеяло, то и дело опускался на колени, как кающийся грешник. Кашлял, пока не ощутил вкус крови во рту. Произнес вслух ее имя. Решил, что, наверное, звал ее во сне. Вернулся и увидел, что мальчик не спит.

— Извини.

— Ничего.

— Постарайся уснуть.

— Как бы мне хотелось быть с мамой.

Он ничего не сказал. Сел рядом с маленькой фигуркой в ворохе одеял и чуть погодя заметил:

— Имеешь в виду, что тебе хотелось бы умереть.

— Да.

— Ты не должен так говорить.

— Но это правда.

— Не надо говорить о таких плохих вещах.

— Не могу не говорить.

— Я понимаю. Ты постарайся.

— Как?

— Не знаю.

— Мы остались в живых, — сказал он сидящей напротив жене. От светильника падал слабый свет.

— В живых?

— Да.

— О господи, да что ты несешь! Какие живые? Мы — ходячие мертвецы из фильма ужасов!

— Прощу тебя.

— Мне все равно. Даже если ты заплачешь. Все равно, слышишь?

— Пожалуйста.

— Перестань.

— Умоляю тебя. Я сделаю все, что в моих силах.

— Что, например? Давно надо было это сделать. Когда в обойме было три пули, а не две, как сейчас. Какая я была дура! Мы с тобой ведь тысячу раз обсуждали. Я бы сама не захотела. Меня вынудили. Больше не могу. Сначала даже не хотела тебе говорить. Так было бы лучше. У тебя осталось две пули, и что дальше? Защитить ты нас не можешь. Говоришь, что жизнь за нас отдашь, а какая от этого польза? Я бы взяла его с собой, если бы ты не мешал. Взяла бы, прекрасно знаешь. Самый разумный

ВЫХОД.

— Ты говоришь дикие вещи.

— Нет, я дело говорю. Рано или поздно они нас догонят, схватят и убьют. Сначала изнасилуют меня. Потом — его. Они нас изнасилуют, убьют и съедят, а ты не хочешь смотреть правде в лицо. Предпочитаешь ждать. А я не могу. Не могу.

Она сидела и курила обломок тонкой сухой лозы, словно это была дорогая манильская сигара, изящно зажав ее между пальцами. Другая рука бессильно лежала на коленях. Смотрела на мужа сквозь марево от горящего светильника.

— Раньше мы говорили о смерти. Теперь перестали. Не знаешь почему?

— Не знаю.

— А я знаю — она нас настигла. Больше не о чем говорить.

— Я тебя не оставлю.

— А мне все равно. Все бессмысленно. Если хочешь, можешь считать меня вероломной сукой. Я завела себе любовника. Он может дать мне то, что тебе и не снилось.

— Смерть — плохой любовник.

— Великолепный.

— Пожалуйста, не делай этого.

— Прости.

— Я не справлюсь один.

— Тогда брось все. Я тебе не помощница. Говорят, что женщинам снятся сны про несчастья, грозящие их близким, а мужчинам — про несчастья, грозящие им самим. А я не вижу больше снов. Говоришь, один не справишься? Тогда ничего не делай. Проще простого. У меня сердце давно не болит. Я с ним покончила, раз и навсегда. И уже давно. Ты все настаиваешь, что надо бороться. Не за что бороться. Во мне все умерло в ту ночь, когда он родился. Не проси сострадания, его нет. Может, ты окажешься хорошим отцом. Я в этом не уверена, но кто знает... Одно ясно — если ты останешься один, у тебя пропадет желание жить. Я по собственному опыту знаю. Тому, кто совсем одинок, можно только посоветовать придумать себе кого-нибудь. Вдохнуть в него жизнь, задобрить словами любви. Отдать последнюю крошку хлеба, защитить от опасности собственным телом. Что касается меня, то я ищу только вечного небытия. Это — моя последняя надежда.

Он ничего не ответил.

— Видишь, тебе нечего возразить.

— Ты попраешься с ним?

— Нет, не хочу.

— Подожди хотя бы до утра. Пожалуйста.

— Мне пора. Она уже встала.

— Во имя всего святого! Что я ему скажу?

- Ничем не могу помочь.
- Куда ты пойдешь? В этой темноте...
- Какая разница... Он вскочил:
- Я прошу тебя...
- Нет, я не останусь. Не могу.

Она ушла. Навсегда. Холод расставания стал ее прощальным подарком. Она сделает это осколком обсидиана. Сам ее научил. Тоньше лезвия, острее стали. Она была права. Без сомнения. Сколько ночей они провели в спорах «за» и «против» самоубийства с глубокомыслием философов, обряженных в смиренные рубашки! Утром мальчик не сказал ни слова и только, когда они собрались отправиться в путь, обернулся, посмотрел на место их стоянки и прошептал:

- Она не вернется?
- Нет, — ответил он.

Всегда такой предусмотрительный, готовый к любым неожиданным поворотам. Идеальное существо, не страшящееся собственного конца. Они сидели у окна в халатах, ели поздний ужин при свечах и наблюдали, как на горизонте горят города. Несколько ночей спустя она родила — в их кровати, при свете фонаря. Резиновые перчатки для мытья посуды. Происходило невероятное. Сначала появилась макушка. Вся в крови, реденькие темные волосики. Первое испражнение кишечника. Он как будто не слышал ее криков. За окном надвигающийся холод да пламя вдали. Он держал на весу крохотное красное тельце, такое голенькое и беззащитное, потом перерезал хозяйственными ножницами пуповину и завернул своего сына в полотенце.

- У тебя были друзья?
- Да, были.
- Много?
- Да.
- Ты их помнишь?
- Да. Я их помню.
- А где они сейчас?
- Умерли.
- Все?
- Все до единого.
- Ты по ним скучаешь?
- Да.
- Куда мы идем?

— На юг.

— Ладно.

Весь день они шагали по черной дороге, лишь под вечер устроили привал и немного перекусили. Берегли свои скудные запасы. Мальчик достал из тележки игрушечный грузовик и сучком прокладывал для него дорогу в пепле. Грузовик медленно катился. Мальчик изображал шум мотора. Было почти тепло, и они уснули прямо на земле, зарывшись в листья и подложив рюкзаки под голову.

Его разбудил какой-то звук. Повернулся на бок, прислушался. Медленно поднял голову, в руке — револьвер. Посмотрел на сына, а когда перевел взгляд обратно на дорогу, то ужаснулся: эти подошли так близко, что можно было легко разглядеть идущих в первом ряду. "О господи", — прошептал. Дотянулся до ребенка и легонько его потряс, не спуская глаз с дороги. Они приближались, шаркая ногами по пеплу, поводя из стороны в сторону головами в капюшонах. Некоторые — в противогазах. На одном — костюм биохимической защиты. Неимоверно грязный, весь в пятнах. Опущенные плечи, в руках длинные дубинки. Кашляют. Потом с дороги донесся звук, похожий на рев дизельного мотора. "Скорей, — прошептал он. — Скорей". Засунул револьвер за пояс, схватил мальчика за руку, поволок тележку среди деревьев и опрокинул там, где она бы меньше всего бросалась в глаза. Мальчик онемел от страха. Отец притянул его к себе: "Ничего, ничего. Надо бежать. Не оборачивайся. Бежим".

Перекинул оба рюкзака через плечо, и они понеслись по выжженному лесу. Мальчик помертвел от ужаса. "Беги, — прошептал ему отец. — Беги". Оглянулся назад: грузовик все ближе и ближе, в кузове стоят люди, озираются. Мальчик упал, он его поднял рывком: "Ничего, ничего. Бежим".

Он заметил просвет в лесу, решил, наверное, канава или просека, оказалось — старая заброшенная дорога за стеной бурьяна. Кое-где сквозь пепел проступают участки потрескавшегося асфальта. Заставил мальчика пригнуться, упали плашмя, прислушиваясь, с трудом переводя дыхание. Различили тарахтенье дизельного мотора, непонятно на чем работающего. Приподнялся, увидел крышу кабины грузовика, ползущего по основной дороге. Мужские фигуры в кузове, у некоторых в руках ружья. Грузовик проехал, черные выхлопные газы клубились между деревьями. Мотор явно барахлил. Сбивался, чихал. Звук удалялся.

Присел, стукнул себя по лбу: "О боже". Слышно было, как мотор фырчит и глохнет. Потом тишина. В руке револьвер, не помнил, когда выхватил его из-за пояса. Услышал, как они переговариваются, открывают и поднимают капот. Сидел, обняв мальчика одной рукой. "Ш-ш-ш, — сказал ему, — ш-ш-ш". Через некоторое время мотор опять заработал, скрипя и потрескивая, как старый корабль. Чтобы грузовик завелся, людям пришлось его толкать. И скорость набрать оказалось не так-то легко, ведь дорога шла в гору. Пару минут спустя мотор зафыркал и опять заглох. Отец

приподнялся и поглядел: прямо на них шел один из этой команды. Их разделяло футов двадцать, не больше. Они застыли от ужаса.

Он поднял револьвер, прицелился. Человек остановился, одна рука висит как плеть, на лице — замызганная мятая маска, какие раньше носили маляры. Сдувается и раздувается при каждом вдохе-выдохе.

— Иди вперед.

Человек посмотрел на дорогу.

— Не оглядывайся. Смотри на меня. Не вздумай кричать. Убью.

Тот сделал несколько шагов вперед, одной рукой придерживая штаны. Неровные дырки в ремне — хроника голода. Другой конец ремня лоснится — об него затачивают нож. Человек отступил к обочине, посмотрел на пистолет, посмотрел на мальчика. Черные круги вокруг запавших глаз. Будто из глазниц человеческого черепа смотрит дикий зверь. Аккуратно подстриженная квадратная борода, судя по всему — пользовался ножницами, на шее — татуировка, отдаленно напоминающая птицу. Тот, кто наносил татуировку, похоже, плохо представлял, как выглядят настоящие птицы. Жилистый, худой. Первые признаки истощения. Грязный синий комбинезон и черная кепка-бейсболка с вышитым названием какой-то давно исчезнувшей фирмы.

— Куда вы направляетесь?

— Я отошел посрать.

— Я говорю про грузовик.

— Не знаю.

— Как это не знаешь? Ну-ка, сними маску.

Человек стащил маску и стоял, держа ее в руке.

— Говорю же, не знаю.

— Не знаешь, куда вы едете?

— Нет.

— Что за топливо?

— Дизельное.

— Много его у вас?

— Три канистры по пятьдесят пять галлонов. В кузове.

— Патроны есть?

Человек снова оглянулся на дорогу.

— Я же велел не оборачиваться.

— Да, есть.

— Где вы их взяли?

— Нашли.

— Вранье. Чем вы питаетесь?

— Едим, что попадется.

— Что попадется, хм.

— Да.

Человек посмотрел на мальчика, сказал:

— Ты не выстрелишь.

— Надейся.

— У тебя в лучшем случае два патрона. Или даже один. И они услышат выстрел.

— Они-то услышат, а вот ты нет.

— Как это?

— Так. Пуля летит быстрее звука. Не успеешь оглянуться, как она очутится у тебя в мозгу. Чтобы слышать выстрел, нужны лобные доли и еще кое-что под названием «неокортекс» и "верхняя височная извилина". А их-то как раз у тебя и не будет. Одно месиво.

— Ты что, врач?

— Я никто.

— У нас есть раненый. Тебе зачтется, если ему поможешь.

— Я, по-твоему, похож на полного идиота?

— Кто тебя знает.

— Почему ты на него так смотришь?

— Куда хочу, туда и смотрю.

— Забудь. Еще раз на него глянешь, я тебя застрелю.

Мальчик сидел на земле, закрыв руками голову, выглядывал из-под локтей.

— Как пить дать, мальчишка голоден. Пошли-ка лучше со мной в машину. У нас покормят. А то уперся как баран...

— У вас есть нечего. А ну, вперед.

— Куда это?

— Двигай давай.

— И не подумаю.

— Нет?

— Не-а.

— Думаешь, не убью? Ошибаешься. Но я бы предпочел взять тебя с собой. Через милю-другую отпустим на все четыре стороны. Больше нам ничего не нужно. Тебе нас не найти. Даже не узнаешь, в какую сторону мы пошли.

— Сказать, что я думаю?

— Что?

— Что ты в штаны быстрее наложишь.

Пленник разжал пальцы, ремень упал на дорогу вместе со снаряжением: фляжка, старый армейский брезентовый патронташ, кожаный футляр для ножа. Когда отец поднял взгляд от этой кучи на дороге, подонок держал в руке нож. Всего два шага — и он между ним и мальчиком.

— Ну и что дальше?

Молчание в ответ. Внушительных размеров, но оказался на удивление проворный. Нырнул, схватил ребенка, перекатился, вскочил, прижимая мальчика к груди и приставив ему нож к горлу. Отец упал на колени, повернулся в их сторону, держа револьвер двумя руками, прицелился и с расстояния в шесть футов выстрелил. Человек опрокинулся навзничь, в дырке на лбу пузырилась кровь. Мальчик лежал у него в ногах, лицо его ничего не выражало. Отец молниеносно засунул револьвер за пояс, и закинул рюкзак на плечо, и рывком схватил сына, перевернул, и поднял, и усадил себе на плечи, и кинулся бежать по дороге, придерживая мальчика за коленки. Мальчик обхватил руками его голову. Весь в крови. Немой как рыба.

В глубине леса они наткнулись на старый железный мост, по которому почти исчезнувшая с лица земли дорога пересекала высохший ручей. Его мучили приступы кашля. Откашляться не получалось, какое там — не мог продохнуть. Свернул с дороги в лес. Повернулся и стоял, переводя дух, прислушиваясь. Ничего. Спотыкаясь, проковылял еще с полмили, под конец опустился на колени, положил сына прямо в листья и пепел. Стер кровь с его лица, прижал к себе: "Все хорошо, все хорошо".

В тот долгий холодный вечер в надвигающейся темноте он слышал их только еще один раз. Притянул мальчика к себе. Кашель застрял в горле. Куртка висит на ребенке как на вешалке. Трясется от холода. Подождали, пока затихнут шаги. Пошли дальше. Наученные горьким опытом, брели в полном молчании. Настала ночь и вместе с ней — могильный холод. Мальчика всего колотило. Лунный свет не пробивает мрак, идти некуда. В рюкзаке у них было одно-единственное одеяло. Он его достал, укутал сына. Расстегнул куртку, прижал мальчика к себе. Устроились на земле. Лежали довольно долго, никак не могли согреться. Тогда он сел и сказал: "Надо идти вперед. Нельзя просто так лежать". Посмотрел по сторонам, ничего не увидел. Слова повисли в бездонной, бескрайней темноте.

Держал сына за руку, пока блуждали по лесу. Другая рука вытянута вперед. С тем же успехом мог двигаться с закрытыми глазами. Укутал мальчика в одеяло поверх куртки. Велел следить, чтобы одеяло не сползло, потом им его не найти. Мальчик просился на руки, но отец заставлял его идти. Колесили по лесу большую часть ночи. До рассвета было еще далеко, когда мальчик упал и больше не смог подняться. Завернул его в свою куртку, потом в одеяло, сел на землю, держал его в объятиях, раскачиваясь взад-вперед. Одна пуля в барабане. Не хочешь смотреть правде в лицо. Не хочешь.

Наступал день, мало чем отличающийся от ночи. При его скупом свете положил мальчика в кучу листьев на земле и сидел, разглядывая деревья. Как только

развиднелось, отошел подальше и прочесал лес по периметру вокруг их временного пристанища в поисках чужих следов. Кроме их собственных, едва заметных в пепле, ничего не обнаружил. Вернулся обратно и разбудил сына: "Пора идти". Мальчик сидел сгорбившись, на лице — полное безразличие. Слипшиеся от крови волосы, грязь на щеках. "Скажи хоть слово", — умолял он сына, но тот молчал.

Шли на восток сквозь частокол мертвых деревьев. Прошли мимо остова бывшего дома, пересекли проселочную дорогу. Пустой участок посреди леса, наверное, в прошлом — стоянка полевой техники. Иногда останавливались, чтобы прислушаться. Неожиданно вышли на основную дорогу, он потянул мальчика за руку. Спрятались в придорожной канаве, как прокаженные. Опять слушали. Ни дуновения ветерка. Гробовая тишина. Немного погодя он поднялся и вышел на дорогу. Обернулся, поманил мальчика к себе:

— Пошли.

Ребенок подошел к отцу, тот указал на глубокие колеи в пепле, продавленные грузовиком. Мальчик стоял, закутавшись в одеяло, опустив глаза, и рассматривал дорогу.

Откуда ему знать, завели они мотор или нет? Устроили засаду или плюнули и ушли? Он скинул рюкзак, сел.

— Нужно поесть. Ты голодный?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Нет? Так я и думал.

Расстегнул рюкзак, достал пластиковую бутылку с водой. Отвернул пробку и протянул бутылку сыну. Тот припал к горлышку. Оторвался, и перевел дух, и сел на землю, скрестив ноги, и еще долго пил. Потом отдал бутылку отцу. Тот отпил немного, аккуратно завернул пробку и стал рыться в рюкзаке. Выудил банку белой фасоли. По очереди зачерпывая ложкой, все съели. Отец зашвырнул пустую банку в лес. Опять вперед.

Люди с грузовика стояли лагерем прямо на дороге. Жгли костер: обугленные ветки в расплавленном гудроне вперемешку с пеплом и костями. Он присел на корточки, вытянул руку над пепелищем. От углей поднималось слабое тепло. Распрямился, глянул на дорогу. Потом отвел мальчика в лес:

— Побудь здесь. Я буду недалеко и тебя услышу, если что.

— Я хочу с тобой. — Вот-вот заплачет.

— Нельзя, тебе надо подождать в лесу.

— Ну пожалуйста, пап.

— Прекрати. Делай, что я тебе говорю. Возьми револьвер.

— Я не хочу.

— Я не спрашиваю, хочешь ты или нет. Бери.

Лесом прошел туда, где оставил тележку. Нашел. Выпотрошили, и бросили, и раскидали ненужные им вещи. Осталось несколько детских игрушек и книжек. Его собственные старые ботинки и кое-какое тряпье. Поднял тележку, сложил вещички сына, выкатил тележку на дорогу. Вернулся. Пусто. Черные пятна засохшей крови на листьях. Рюкзак сына исчез. На обратном пути наткнулся на сложенные в кучу кости и куски кожи, придавленные булыжниками. Кишки в луже крови. Поковырял кости носком ботинка. Похоже, варили. Ни клочка одежды. Приближалась ночь, становилось все холоднее. Он повернулся и пошел к сыну. Встал на колени, обхватил его руками. Долго не отпускал.

Они донесли тележку до конца старой дороги и оставили ее там. Сами пошли на юг, торопясь найти место для привала до наступления темноты. Мальчик все время спотыкался от усталости, и отец посадил его на плечи и понес. К тому времени, когда добрались до моста, стало темно как в преисподней. Поставил мальчика на землю, и они на ощупь начали спускаться по насыпи. Под мостом достал зажигалку, зажег и при слабом мерцании осмотрел берег. Песок и мелкая галька, намытые ручьем. Поставил рюкзак на землю, спрятал зажигалку, обнял сына за плечи. С трудом различал его силуэт в темноте.

— Я хочу, чтобы ты подождал меня здесь. Я схожу за дровами. Для костра.

— Я один боюсь.

— Знаю. Я буду недалеко и услышу, если ты вдруг испугаешься или вскрикнешь. Позовешь меня — я сразу же приду.

— Мне ужасно страшно.

— Чем быстрее я уйду, тем быстрее вернусь. Разожжем костер, и ты больше не будешь бояться. Только не ложись. Ляжешь — сразу уснешь. Я стану тебя звать, ты не откликнешься, а в этой темноте попробуй тебя найти... Понимаешь?

Мальчик не отвечал. Отец подумал: еще немного, и его терпение иссякнет. Но потом до него дошло, что мальчик в темноте мотает головой:

— Я не усну. Не усну.

В кромешной темноте, вытянув перед собой руки, поднялся по насыпи и углубился в лес. Дров вокруг навалом: сухие палки, ветки, валяющиеся на земле. На ходу сбивал их ногами в одно место, и, когда получилась довольно внушительная куча, наклонился и все подобрал. Потом позвал сына. Тот ответил, по звуку его голоса он нашел дорогу к мосту. Сидели в темноте, пока он ножом рубил ветки потолще, а тонкие переламывал руками. Вытащил из кармана зажигалку, большим пальцем покрутил колесико. Бензиновая зажигалка давала слабый голубоватый огонек. Согнулся, поднес зажигалку к сложенной куче. Смотрел, как пламя поползло вверх по переплетению сучков и веток. Подкинул еще, наклонился и осторожно раздул огонь, а потом перекладывал с места на место сучья, чтоб не прогорали слишком быстро.

Еще дважды он возвращался в лес, каждый раз принося полные охапки веток и валежника, и сбрасывал их с моста вниз. Отойдя на небольшое расстояние, увидел огонь костра. Но не встревожился — вряд ли его можно заметить. Под мостом среди камней разглядел темную заводь с неподвижной водой. По краям — толстая корка льда. Встал на мосту, скинул вниз последнюю охапку. Выдох — в свете костра видно облачко белого пара.

Уселся на песок, стал проверять содержимое рюкзака. Бинокль. Почти полная четвертьлитровая бутылка бензина. Плоскогубцы. Две ложки. Положил все рядком. Пять алюминиевых баночек со съестным. Выбрал банку сосисок и банку кукурузы, открыл армейской открывалкой, поставил банки поближе к огню. Сидели и смотрели, как тлеют и закручиваются от жара этикетки. Когда от кукурузы пошел пар, плоскогубцами вытащил банки. Сидели, склонившись, и медленно ели, мальчик то и дело клевал носом.

Потом он повел мальчика к отмели под мостом. Расколол палкой лед у края. Встали на колени, и он начал мыть сыну лицо и волосы. Вода была ледяная, и мальчик заплакал. Отошли подальше и нашли воду почище, он снова стал мыть мальчику голову. Не так тщательно, как хотелось бы, — ребенок стонал от холода. Вытер его одеялом, стоя на коленях в отблесках костра. В этом свете тень нижней решетки моста преломлялась на фоне частокола деревьев за ручьем. "Это мой сын. Я должен вымыть ему волосы, забрызганные мозгами того мерзавца. Это моя обязанность". Потом завернул его в одеяло и понес к костру.

Мальчик сидел и качался из стороны в сторону. Отец устраивал лежанку в песке: сюда — плечи, сюда — бедра; следил, чтобы не свалиться в огонь. Потом сел и, держа сына на коленях, над огнем просушивал ему волосы. Как соборование у древних. Пусть так. Восстанови в памяти образы из прошлого. Если нечего вспомнить, сам придумай новые ритуалы и неукоснительно их соблюдай.

Ночью проснулся от холода, поднялся, наломал побольше веток. Попадая на угли, они сразу же вспыхивали ярко-оранжевым пламенем. Раздул костер, добавил еще веток. Сидел, скрестив ноги, прислонившись спиной к каменной опоре моста. Здоровенные блоки известняка, один на другом, без капли цемента. Над головой — коричневая от ржавчины арматура, огромные заклепки, деревянные перекрытия и балки. Песок под ним был теплый на ощупь. Ночь за пределами освещенного костром круга — холодна как сталь. Поднялся, притащил еще сучьев из-под моста. Стоял и слушал. Мальчик спал как убитый. Присел рядом, погладил его спутанные светлые волосы. Драгоценная чаша, способная стать прибежищем Бога: "Пожалуйста, не говори мне, как такие истории обычно заканчиваются". Посмотрел в темноту над мостом: идет снег.

Веток, что он заготовил, хватило бы на час, может, чуть больше. Перетащил остатки валежника из-под моста и принялся его крушить: наступал на ветки, которые от его тяжести трескались, потом ломал их. Боялся, что шум разбудит ребенка. Нет, спит как ни в чем не бывало. Мокрые ветки шипели в огне, снег продолжал идти. Утром надо проверить, нет ли каких следов на дороге. Всякое может быть. За последний год это первое, если не считать мальчика, живое существо, с которым довелось поговорить. Мой брат. Холодный расчет, бегающие глаза. Гнилые черные зубы. С застрявшими частицами человеческой плоти. Каждое его слово — ложь. Все — сплошной обман.

Когда проснулся в следующий раз, снег прекратился. В мутном свете зарождающегося дня за мостом стал виден оголенный лесной массив, а на фоне снега — резкие черные силуэты деревьев. Полежал еще немного, зажав руки между коленями, встал, разжег костер посильнее, поставил подогреваться банку свеклы. Свернувшись калачиком на земле, мальчик лежал и смотрел на отца.

По всему лесу, на ветвях деревьев, в чашечках листьев, лежал свежесвалившийся снег. Уже успевший посереть от пепла. Вернулись за тележкой, бросили в нее рюкзак, вышли на дорогу. Никаких следов. Постояли в полной тишине. И пошли по дороге месить серую грязь, мальчик — сбоку, руки в карманах.

Брели весь день. Мальчик не сказал ни слова. К полудню слякоть на дороге начала подсыхать, к вечеру исчезла совсем. Не останавливались. Сколько миль? Десять, двенадцать? Раньше играли с большими металлическими прокладками для труб — бросали их, как кольца, на дорогу. Когда-то нашли эти кольца в хозяйственном магазине, но теперь они пропали вместе с остальными вещами. Той ночью остановились на ночлег в ложбине. Развели огонь под скальным навесом и доели последнюю банку тушеной свинины с бобами. Он приберег ее напоследок, потому что это было любимое блюдо сына. Смотрели, как она греется в углях. Плоскогубцами вытащил банку из огня. Съели в полном молчании. Налил в банку воды, ополоснул, налил еще, дал мальчику выпить. Всё, продукты закончились.

— Мне бы проявить больше осторожности...

Мальчик ничего не сказал.

— Поговори со мной.

— Хорошо.

— Ты хотел узнать, как выглядят плохие люди. Теперь ты знаешь. Этот кошмар может повториться снова. Мой долг — заботиться о тебе, так предписано Богом. Я убью любого, кто вздумает тебя хоть пальцем тронуть. Понимаешь?

— Да.

Мальчик сидел, завернувшись в одеяло. Через какое-то время взглянул на отца, спросил:

— Мы ведь хорошие?

— Да, мы — хорошие.

— И будем хорошими?

— Да, всегда.

— Хорошо.

Утром вышли из ложбины и пошли, не сворачивая, по дороге. Когда-то давно он вырезал для мальчика дудочку из сухого тростника, теперь про нее вспомнил, достал из кармана и отдал. Мальчик молча ее взял. Сбавил шаг, немного погодя отстал, заиграл на дудочке. Что-то расплывчатое, совсем не похожее на мелодию. Или отныне это и будет считаться музыкой?! А может, он слышит последние на земле звуки музыки, вырвавшиеся из-под обломков уничтоженного мира? Оглянулся, посмотрел на сына — сама отрешенность, весь погружен в игру. Подумал, глядя на мальчика: "Вот он: печальный одинокий сиротка. Пришел в селение сообщить людям о прибытии бродячих актеров. И сам не знает, что волчья стая утащила всю труппу".

Сидел, скрестив ноги, в куче листьев на вершине холма и рассматривал в бинокль долину внизу. Налитая до краев, застывшая река. Темные кирпичные трубы фабрики. Шифер крыш. Старая деревянная водонапорная башня. Огромный бак стянут металлическими обручами. Никакого дыма, никакого движения. Опустил бинокль, сидел, смотрел. Сын спросил:

— Что-нибудь увидел?

— Ничего.

Передал бинокль мальчику. Тот накиннул ремешок на шею, поднес бинокль к глазам, настроил. Никакого движения.

— Я вижу дым.

— Где?

— За теми зданиями.

— Какими зданиями?

Мальчик вернул ему бинокль. Навел резкость. Тоненькая струйка дыма.

— Да, теперь и я вижу.

— Что будем делать, пап?

— Думаю, неплохо бы проверить. Только надо быть очень осторожными. Если это целая коммуна, то наткнемся на баррикады. А вдруг окажутся беженцы?!

— Вроде нас?

— Ну да.

— Что, если они плохие?

— Придется рискнуть. Нужно найти что-нибудь поесть.

Тележку оставили в лесу. Пересекли железную дорогу и спустились по крутому склону сквозь заросли черного сухого плюща. Отец держал револьвер в руке. Велел

мальчику не отходить. Тот молча повиновался. Продвигались по городу как саперы — прочесывали улицу за улицей. В воздухе едва осязаемый запах дыма от костра. Зашли в магазин, постояли там. Никого. Покопались в мусоре и обломках. На полу валяются ящики от столов, бумага, бесформенные коробки. Ничего полезного. Магазины давным-давно были разграблены. Стекла разбиты. Внутри ничего не разглядеть — темно. Поднялись на второй этаж по рифленным стальным ступеням эскалатора. Мальчик крепко держал отца за руку. Несколько пыльных пальто на вешалке. Искали какую-нибудь обувь. Безрезультатно. Рылись в мусоре — ничего, что могло бы пригодиться. На обратном пути снял с вешалки все пальто, вытряс, повесил себе на руку.

— Пошли.

Надеялся, что где-нибудь завалится хоть корка. Увы. В супермаркете расшвыривали ногами мусор в проходах: старые коробки, бумага, неизменный пепел. Шарил по полкам в поисках витаминов. Открыл дверь морозильной камеры, из темной глубины накатила волна кислого тошнотворного смрада тления, поспешно захлопнул дверь. Стояли на улице. Смотрел на серое небо. Почти невидимый пар при выдохе. Мальчик чуть не падает от усталости. Взял его за руку.

— Надо дальше искать. Не сдаваться.

Ничего не нашли и в домах на окраине города. На заднем крыльце сохранились ступеньки, поднялись по ним в кухню, начали рыться в шкафчиках. Дверцы нараспашку. Баночка пищевой соды. Стоял и смотрел на нее. Проверили ящики буфета в столовой. Перешли в гостиную. На полу рулоны отклеившихся обоев, точь-в-точь древние манускрипты. Оставил мальчика сидеть на лестнице в обнимку с пальто, сам пошел на второй этаж. Все пропиталось запахом гнили и тления. В первой спальне — высохший труп на кровати, укрыт покрывалом по самую шею. Пряди истлевших волос на подушке. Взялся за края покрывала, сдернул, вытряхнул, свернул. Покопался в ящиках, заглянул в стенной шкаф. Летнее платье на металлической вешалке. Ничего. Спустился вниз. Надвигалась ночь. Взял мальчика за руку, и через парадную дверь они вышли на улицу.

На вершине холма обернулся, поглядел на город. Быстро темнело. Мрак и холод. Мальчику на плечи накинул два пальто, его из-под них совсем не стало видно.

— Пап, очень хочется есть.

— Знаю.

— Мы сможем найти наши вещи?

— Да, я помню, где мы их оставили.

— Что, если их кто-то найдет?

— Не найдут.

— Хорошо бы...

— Не найдут, не найдут. Пошли.

— Что это было?

— Я ничего не слышу.

— Ш-ш-ш.

— Ничего не слышу.

Прислушались. Где-то вдали — собачий лай. Повернулся, посмотрел на погружающийся во тьму город.

— Собака.

— Собака?

— Да.

— Откуда она взялась?

— Не знаю.

— Мы ведь ее не убьем, пап? Не убьем?

— Нет, не убьем.

Глянул на мальчика. Трясется под двумя пальто. Наклонился, поцеловал в мужественный лоб.

— Мы не тронем собаку. Я тебе обещаю.

Ночь провели в машине, припаркованной под мостом. Навалили на себя пальто и одеяла. В беззвучной тьме можно было разглядеть отдельные огоньки — пунктир электрической сети города. Правда, последние этажи небоскребов погружены в темноту. Людям приходится таскать наверх воду. Выкурить их оттуда — проще простого. Что же они едят? Одному Богу известно.

Сидели, завернувшись в одеяла, смотрели в окно.

— Кто они, пап?

— Не знаю.

Проснулся ночью и какое-то время лежал, прислушиваясь. Не мог вспомнить, где находится. Забавно. Вслух произнес: "Где мы?"

— Что, пап?

— Ничего, все в порядке. Ты спи.

— У нас ведь все будет хорошо, правда?

— Да, обязательно.

— И с нами не случится ничего плохого?

— Нет, конечно.

— Потому что мы несем огонь?

— Да, потому что мы несем огонь.

Утром пошел холодный дождь. Даже машине под мостом досталось: дождь лупил по крыше и плясал на дороге. Сидели в машине и смотрели на улицу сквозь мокрое стекло. Дождь стал стихать только к концу дня. Оставили одеяла и пальто на заднем сиденье и пошли на разведку. Дым костра в сыром воздухе. Собаки больше не слышно.

Нашли несколько вилок и ложек, кое-что из одежды. Фуфайку. Кусок полиэтилена, чтобы укрываться. Чувствовал, что за ними следят, но никого так и не увидел. В кладовке нашли мешок кукурузной муки, бог знает когда попорченной крысами. Просеял муку через кусок оконной сетки от насекомых, набралась пригоршня сухого помета. Развели огонь на цементном полу веранды, он слепил из муки лепешки и испек их на куске жести. Медленно ели одну за другой. Оставшиеся завернул в бумагу и убрал в рюкзак.

Мальчик сидел на ступенях веранды, как вдруг увидел: что-то мелькнуло за домом по другой стороне улицы. Лицо. Мальчишка, приблизительно его же возраста, в драповом пальто, которое ему явно велико, с подвернутыми рукавами. Вскочил, пересек дорогу, побежал к дому по асфальтовой дорожке. Никого. Взглянул на дом, сквозь сухой бурьян понесся в конец двора, к черному неподвижному ручью. Крикнул:

— Вернись. Я не сделаю тебе ничего плохого!

Стоял там и плакал, пока отец не примчался и не схватил его за руку. Прошипел:

— Что ты делаешь? Что ты делаешь?

— Папа, здесь маленький мальчик. Мальчик.

— Нет тут никого, никакого мальчика. Что ты себе вообразил?

— Есть, я видел собственными глазами.

— Я тебе велел не сходить с места. Забыл? Так, нам пора. Пошли.

— Я хочу только на него взглянуть, пап. Краешком глаза.

Отец взял его за руку, пошли назад, мальчик не переставая плакал и без конца оборачивался. Отец сказал:

— Перестань. Нам надо идти.

— Я хочу на него посмотреть.

— Не на кого здесь смотреть. Хочешь умереть? Этого хочешь?

— Мне все равно, — сквозь слезы прошептал мальчик. — Пусть я умру.

Отец остановился. Присел на корточки и обнял сына.

— Прости меня. Не говори так. Ты не должен так говорить.

По мокрым улицам вернулись к виадуку, забрали из машины пальто и одеяла и пошли к железнодорожной насыпи. Поднялись наверх, пересекли пути, углубились в лес. Отыскали тележку и направились к главной дороге.

— А если у мальчика никого нет? Что, если у него нет папы?

— Тут есть люди. Просто они прячутся.

Вывез тележку на дорогу, остановился. С трудом, но все же смог различить полустертые отпечатки колес грузовика в мокром пепле. Почудилось, что пахнет резиной. Мальчик дергал его за полу куртки:

— Пап...

— Что еще?

— Мне за него страшно.

— Я понимаю, но с ним ничего не случится.

— Давай вернемся за ним, пап. Найдем и возьмем с собой. Можем забрать его и собаку. Собака сумеет поймать какую-нибудь зверюшку.

— Не можем.

— А я с ним поделюсь своей едой.

— Перестань. Нельзя нам так делать. Мальчик опять заплакал:

— Что же с ним будет? Что же с ним будет?

На закате уселись на перекрестке. Разложили куски карты, принялись их изучать. Он ткнул пальцем в карту: "Мы здесь. Вот в этой точке". Мальчик даже не взглянул. Отец сидел, уставившись на паутину черных и красных дорог на карте, уперев палец в то место, где они, по его предположениям, находились. Словно видел внутренним взором их собственные крохотные фигурки, бредущие по карте.

— Мы можем вернуться, — сказал мальчик еле слышно. — Мы недалеко ушли. Еще не поздно.

В лесу, вблизи дороги, устроились на ночь. Костер не развести — заметят, — зато на сухом месте. Съели по две кукурузных лепешки, легли спать в обнимку прямо на земле, закутавшись в одеяла и пальто. Прижал к себе мальчика, немного погодя тот перестал дрожать, уснул.

"Собака, которую он помнит, шла за нами дня два. Я пробовал подзвать ее — без толку. Из проволоки сделал петлю, хотел поймать. Остались три пули, ни одной лишней. Мальчик посмотрел вслед собаке, удаляющейся от нас по дороге, посмотрел на меня, потом опять на собаку и горько заплакал. Умолял не убивать пса, и я ему пообещал, что не трону. Мешок с костями, а не собака. На следующий день она исчезла. Вот что он вспоминает. Никаких маленьких мальчиков он не помнит".

Завернул в тряпочку горсть изюма, положил изюм в карман, в полдень уселись на сухой траве на обочине, стали есть изюм. Мальчик взглянул на отца:

— Это все, что у нас осталось?

- Да.
- Мы скоро умрем?
- Нет.
- Что мы будем делать?
- Попьем воды и пойдем дальше.
- Хорошо.

Вечером прочесали поле — искали место, где можно незаметно разжечь костер. Волокли за собой тележку. Надежда еле теплится: "Завтра найдем что-нибудь поесть". Ночь застала их на раскисшей от дождей дороге. Поплелись по полю к купе деревьев, чьи резкие темные очертания выделялись на фоне освещенного последним светом мира. Когда дошли, стало так темно, хоть глаз коли. Держал мальчика за руку, ногами сбивал ветки и палки в кучу. Разжег костер. Дрова сырые. Соскреб ножом кору и поставил ветки в ряд перед огнем для просушки. Расстелил на земле полиэтилен, покидал на него пальто и одеяла из тележки. Сняли грязную обувь, уселись, протянули руки к огню и сидели в тишине, храня молчание. Задумался, что бы сказать, но ничего не приходило в голову. С ним и раньше бывало такое. Не просто чувство безысходности и пустоты, нет. Ощущение, что мир сокращается до размеров ядра атома. Названия предметов медленно испаряются из памяти вслед за самими предметами. Исчезают цвета. Породы птиц. Продукты. Последними ушли в небытие названия вещей, казавшихся незыблемыми. Он и предположить не мог, что они окажутся такими хрупкими. Сколько их уже безвозвратно исчезло? Даже неизреченные вечные истины лишаются смысла. Сияются сохранить тепло, мерцают недолго и исчезают. Навсегда.

Всю ночь проспали как убитые. К утру огонь совсем погас, одно черное пятно на земле. Он надел заляпанные грязью ботинки и пошел за дровами, согревая дыханием окоченевшие руки. Собачий холод. Наверное, сейчас ноябрь. Может, даже декабрь. Костер разгорелся. Вышел на край лесопосадки, стоял, рассматривал окрестности. Мертвые поля вокруг. Сарай вдалеке.

Грунтовая дорога привела их к холму, на вершине которого когда-то стоял дом. Сгоревший много лет назад. Ржавый корпус бойлера посреди залитого черной водой подвала. Потемневшие жестяные листы с крыши, раскиданные ветром по всему полю. В сарае на дне железного ларя горстка зерен неизвестного злака. Выгребли и съели все, до последней пылинки. После этого пересекли поле и вышли на дорогу.

Шли вдоль каменной стены, за которой виднелись остатки фруктового сада. Ровные, словно по линейке, ряды корявых черных деревьев, в промежутках толстый слой упавших веток. Остановился, посмотрел на поля вокруг. Ветер с востока. Гоняет пушистый пепел по бороздам. То затихнет, то еще сильнее задует. Знакомая картина. На щетине травы — засохшие пятна крови и серые кольца кишок там, где жертву освежевали и откуда потом утащили. Дальше стена «украшена» бордюром из

человеческих голов: все на одно лицо, усохшие, с дикими улыбками и крохотными глазками в провалившихся глазницах. В пергаментных ушах — золотые кольца, от каждого дуновения ветерка на черепе встают дыбом жалкие клочья волос. Зубы торчат из десен, как слепки зубных протезов. Грубые татуировки, нанесенные самодельной синькой, выгоревшие от беспощадного солнца. Пауки, мечи, мишени. Дракон. Рунические символы, искаженные цитаты. Рубцы от старых ран, кружево швов по краям. С неповрежденных черепов сдирали кожу, черепа раскрашивали и каллиграфическим почерком расписывались на лбу, а на одном, белоснежном, тонкими чернильными линиями обозначили соединения костей, словно готовили чертеж сборки. Оглянулся, посмотрел на мальчика. Стоит на самом ветру. Не отходит от тележки. Посмотрел на траву, шевелящуюся от ветра. На ряды темных искореженных деревьев. Кое-где на стене развеваются клочья одежды, все серое под стать пеплу. Напоследок еще раз прошелся вдоль стены, мимо масок, перешагнул через каменную ограду и пошел туда, где ждал его сын. Обнял мальчика за плечи:

— Ну, все, — сказал, — можно идти дальше.

После череды таких происшествий он научился видеть в каждом из них предзнаменование. Этот случай не стал исключением. Проснулся поутру, и повернулся под одеялом, и поглядел сквозь деревья на дорогу, в ту сторону, откуда они сами пришли. И точно, уже показались первые четверо, Одетые кто во что горазд, зато на шее у всех красные повязки. Пунцовые или оранжевые, лишь бы похоже было на красный. Положил руку на голову мальчика: "Ш-ш-ш-ш".

— Что это, пап?

— Люди на дороге. Не поднимай голову. И не смотри.

Так, костер совсем потух, их не выдаст. Тележку вряд ли заметят. Он вжался в землю, смотрел из-под локтя. Армия в кедах, идут строем. Вооружены трехфутовыми кусками труб в кожаной обмотке. Шнуры на запястьях. У некоторых в трубах по всей длине продернуты цепи, закрепленные на концах. Не просто трубы, а настоящие костоломы. Толпа прогромычала мимо. Маршируют в ногу, как заведенные механические игрушки. Заросли щетиной. Сквозь ткань масок пробивается пар дыхания.

— Ш-ш-ш-ш, — прошептал он. — Ш-ш-ш-ш.

Следующая фаланга несла копья, а может, пики, украшенные лентами. В какой-то примитивной кузнице взяли крепления автомобильных рессор и перековали их на клинки. Мальчик лежал, уткнувшись лицом в сплетенные руки, охваченный ужасом. Прошли мимо в двухстах футах. От их поступи земля слегка дрожала. Громко топали. Вслед за ними двигались телеги, набитые добычей. Телеги тащили рабы, впряженные вместо лошадей, за ними — женщины, человек двенадцать или около того, некоторые — беременные. Замыкала шествие резервная группа мальчиков-катамитов, практически обнаженных несмотря на холод. В ошейниках, прикованные друг к другу. Прошли. Отец и сын лежали, слушали.

— Ушли, пап?

— Да.

— Ты их рассмотрел?

— Да.

— Это были плохие люди?

— Да, очень.

— Плохих много.

— Много, но они ушли.

Поднялись, отряхнулись, внимательно прислушиваясь к тишине вокруг.

— Куда они идут, папа?

— Не знаю. Кочуют. Это плохой знак.

— Почему это плохой знак?

— Плохой, и все. Не мешало бы свериться с картой.

Вытащили тележку из кустарника, отец поставил ее на колесики, сложили одеяла и пальто, вытолкали на дорогу. Постояли, глядя, как растворяется в дымке силуэт последнего кочевника потрепанной орды. Мираж в потревоженном воздухе.

Во второй половине дня опять пошел снег. Из угрюмой мути сыпались вниз серые снежинки. Потащились дальше. Сероватая грязь тонкой пленкой лежала на темной поверхности дороги. Мальчик постоянно отставал, приходилось останавливаться и его дожидаться.

— Не отставай.

— Ты слишком быстро идешь.

— Буду помедленнее. Прошли еще.

— Опять молчишь.

— Не молчу.

— Хочешь остановиться?

— Я всегда хочу.

— Нам надо быть осторожнее. Мне, мне надо быть более осторожным.

— Знаю.

— Мы скоро остановимся и передохнем. Хорошо?

— Угу.

— Только найдем подходящее место.

— Хорошо.

Сплошной стеной падал снег. Ничего уже нельзя было разглядеть. Он опять зашелся в кашле, мальчик дрожал. Шли бок о бок, накрывшись куском полиэтилена, толкали по снегу тележку. В конце концов остановились. Ребенок дрожал не

переставая.

— Пора остановиться.

— До чего же холодно!

— Знаю.

— Где мы, пап?

— Где мы?

— Ну да.

— Ни малейшего понятия.

— Ты мне скажешь, когда придет пора умирать?

— Не знаю. Мы не собираемся умирать.

Перевернули и оставили тележку в поле посреди зарослей осоки. Он завернул в полиэтилен пальто и одеяла. Пошли искать место для ночлега. "Держись за мою куртку, — сказал он сыну. — Ни в коем случае не отпускай". Пересекли бурьян, уткнулись в изгородь, перелезли на другую сторону, по очереди придерживая голыми руками колючую проволоку. Ледяная на ощупь, скрипит там, где прибита скрепами к столбам. Быстро темнело. Вышли к кедровнику. Деревья мертвые, черные, но кроны пока на месте — какая-никакая, а защита от снега. У корней дерева — спасительный круг черной земли и древесной трухи.

Расположились под деревом, расстелив пальто и одеяла на земле. Он укрыл мальчика, а сам принялся собирать в кучу сухие иголки. Расчистил от снега местечко поодаль от их кедра и натаскал дров: у соседних деревьев отламывал ветки и сучья и стряхивал с них снег. Огонек зажигалки мгновенно воспламенил гнилушки. С такими дровами долго не продержишься. Посмотрел на мальчика:

— Надо принести еще веток. Я недалеко, по соседству.

— Где это — по соседству?

— Я хотел сказать, что буду рядышком.

— А-а, хорошо.

А снега уже напало прилично. С трудом ковыляя между деревьями, выдергивал торчащие из снега ветки. Когда набрал охапку и вернулся, костер успел прогореть, осталась только кучка потрескивающих угольков. Бросил ветки на угли, пошел за новыми. Такой темп — не угонишься: ветки сгорали быстрее, чем он успевал подтаскивать. В лесу быстро темнело, свет костра едва пробивал черноту ночи. Попытался ускорить шаг, но от усилия чуть не потерял сознание. Оглянулся: мальчик, увязая почти по колено в снегу, ходил между деревьями и собирал сучья.

Снег все шел и шел. То и дело он просыпался, вставал, заново разжигал костер. Развернул полиэтилен и прикрепил его одним краем к дереву, чтобы тепло не так

быстро уходило. В оранжевых отблесках огня посмотрел на лицо спящего мальчика: провалившиеся щеки в грязных разводах. Попытался подавить поднимающуюся в душе звериную злобу. Бесполезно. Подумал: "Больше он не выдержит". Даже если снегопад закончится, дорога все равно останется непроходимой. Все замерло, только бесшумно валит снег да искры от костра взвиваются вверх, вспыхивают и гаснут в вечной темноте.

Сквозь дрему услышал непонятный грохот. Один раз, второй. Сел. Костер еле теплился. Прислушался. Громкий продолжительный треск ломающихся сучьев. Опять грохот. Дотянулся до мальчика, стал его трясти:

— Просыпайся. Надо идти.

Сын протер сонные глаза, спросил:

— Что это, пап? А?

— Давай, надо идти.

— Что это?

— Деревья валятся.

Мальчик резко привстал, начал ошеломленно озираться.

— Ничего страшного. Поторапливайся. Пошли.

Собрал вещи, завернул в полиэтилен. Глянул вверх. Снег попал в глаза. От костра остались одни угли, света никакого не дает, дрова на исходе, и вдобавок деревья падают со всех сторон. Мальчик приник к отцу. Отошли в сторону, он попробовал найти свободное место, но в темноте ничего не увидел, и тогда они просто расстелили на земле полиэтилен, сели, накрылись одеялами. Прижал мальчика к себе. Грохот падающих деревьев на фоне глухого шума обрушивающихся на землю снежных шапок сотрясал лес. Покрепче обнял мальчика, сказал, что все будет хорошо, что скоро все закончится. Так оно и вышло. Приглушенные расстоянием тревожные звуки замирали. Повторились пару раз. Затем — полная тишина. Сказал:

— Ну вот, похоже, все закончилось.

Вырыл яму под одним из упавших деревьев, разгребая снег голыми руками. Спрятал окоченевшие руки в рукава. Перетащили в углубление свои пожитки, легли спать. Быстро уснули, несмотря на пробирающую до костей стужу.

Поутру выбрался из укрытия. Полиэтилен провис под тяжестью снега. Встал, осмотрелся. Снегопад закончился, повсюду на снежных буграх лежат вперемешку целые деревья, ветки, сучья, только кое-где кедры остались стоять: голые стволы, без веток — резкие черные пятна на фоне блеклого серого пейзажа. Пробирался среди деревьев, искал, где снега поменьше, оставив мальчика спать под деревом — точь-в-точь зверек в зимней спячке. Снег доходил почти до колен. В поле из-под снега торчат только верхушки осоки, на проволоке изгороди остроконечные снежные наросты, от

тишины звенит в ушах. Стоял, прислонившись к столбу, кашлял. Непонятно, как и где искать тележку. Подумал, что тупеет, что голова совсем не работает. "Сосредоточься! — сказал самому себе. — Думай!" Повернулся, чтобы идти обратно, и тут услышал, что мальчик его зовет.

— Надо идти. Здесь нельзя оставаться.

Мальчик угрюмо смотрел на снежные заносы.

— Пойдем.

Дошли до изгороди. Мальчик спросил:

— Куда мы идем?

— Надо найти тележку.

Он стоял не двигаясь, засунув руки под мышки. Отец упрашивал:

— Ну пойдем же. Ты должен...

С трудом пробирался по заснеженному полю. Глубокий серый снег. Снегопад только-только закончился, а пепел уже лежал повсюду тонким слоем. Заставил себя пройти еще несколько футов, оглянулся. Мальчик упал. Бросил одеяла и пальто, рванулся к сыну. Поднял. Ребенка трясло в ознобе. Обнял его.

— Прости меня. Прости.

Времени на поиски тележки ушло очень много. Наконец выдернул ее из сугроба, достал рюкзак, вытряхнул и спрятал в него одно из одеял. Затем сложил кучей все вещи в тележку, поднял мальчика, усадил сверху, расшнуровал и снял с него ботинки. Вытащил нож, начал вырезать из пальто портянки. Обернул портянками ноги мальчика. Использовал пальто целиком и взялся за полиэтилен. Вырезал большие квадратные куски. Вот так: нога ровно посередине, края поднять и на лодыжке обвязать лентами, вырезанными из подкладки рукавов. Получились онучи. Отошел назад. Мальчик рассматривал обновку.

— Теперь твоя очередь, пап.

Накинул на мальчика еще одно пальто, сел на полиэтилен, обмотал свои ноги на тот же манер. Встал, спрятал руки под куртку, погрел немного, засунул ботинки в рюкзак. Туда же — бинокль и игрушечный грузовик. Встряхнул полиэтилен, и сложил вместе с оставшимися одеялами, и привязал сверху на рюкзак. Закинул рюкзак на плечо, внимательно осмотрел тележку, не забыл ли чего, скомандовал: «Пошли». Мальчик в последний раз посмотрел на тележку, а потом поплелся за ним к дороге.

Он и представить себе не мог, как трудно будет идти. За час преодолели, наверно, не больше одной мили. Остановился, оглянулся, посмотрел на мальчика, спросил:

— Чувствую, ты решил, пришла пора умирать?

— Я не знаю.

— Мы не умрем.

— Хорошо.

— Ты мне не веришь.

— Не знаю.

— С чего ты решил, что мы скоро умрем?

— Не знаю.

— Перестань повторять "не знаю".

— Хорошо.

— Почему ты думаешь, что мы скоро умрем?

— У нас нечего есть.

— Мы что-нибудь найдем.

— Хорошо.

— Как ты думаешь, сколько люди могут прожить без еды?

— Не знаю.

— Ну, а сам ты как думаешь?

— Несколько дней, наверное.

— И что потом? Падаешь замертво?

— Ну да.

— Представь себе, нет. Это долгий процесс. У нас есть вода. Это — самое главное. Без воды долго не продержишься.

— Хорошо.

— Ты мне все равно не веришь.

— Не знаю.

Он внимательно смотрел на сына. Стоит, засунув руки в карманы широченного пальто в тонкую полоску.

— Думаешь, я тебе вру?

— Нет.

— Но считаешь, могу обмануть — не сказать про близкую смерть?

— Да.

— Ладно. Наверное, могу. Только мы не умираем.

— Хорошо.

Он часто рассматривал небо. Бывали дни, когда тучи пепла редели, и тогда на снегу появлялись еле заметные тени от стоящих вдоль дороги деревьев. Продолжали двигаться вперед. Мальчик шагал с трудом, отставал. Отец подождал его, проверил онучи, покрепче затянул завязки. Как только снег начнет таять, ноги тут же

промокнут. Часто останавливались перевести дух. Сил тащить сына на руках у него не было. Примостились на рюкзаке и съели по пригоршне грязного снега. К полудню снег начал таять. Миновали сгоревший дом, от которого осталась посреди двора одна кирпичная труба. На дороге провели весь день, те немногие часы, которые можно считать днем. Прошли мили три, не больше.

Решил, что никому в голову не придет отправиться в путь по такой погоде. Как потом выяснилось, ошибался. Остановились на ночь почти на самой дороге, развели огромный костер. Он выжигал из снега ветки и бросал их в языки пламени. Шипение, пар. Не согреться. Те немногие одеяла, что у них были, тоже не могли защитить от холода. Старался не уснуть. Вздрагивал, и просыпался, и искал на ощупь револьвер. Мальчик так исхудал. Изможденное лицо, ввалившиеся глаза. Странная красота. Поднялся, и натаскал побольше веток, и бросил в костер.

Утром вышли на дорогу, остановились. На снегу — колеи. Повозка. Что-то на колесах. Шины резиновые, судя по ширине отпечатков. Следы подошв между колеями. Кто-то прошел здесь ночью. На юг. Самое позднее — на рассвете. Двигаются по ночам. Стоял и размышлял. Внимательно рассматривал отпечатки: люди прошли в пятидесяти футах от костра и даже не притормозили. Стоял и смотрел на дорогу у себя за спиной. Мальчик не спускал с отца глаз.

— Надо уйти с дороги.

— Почему, пап?

— Сюда идут.

— Плохие люди?

— Боюсь, что да.

— А может, хорошие. Может ведь?

Он не ответил. По старой привычке посмотрел на небо, ничего там не увидел.

— Что нам теперь делать, пап?

— Пошли.

— Мы можем вернуться к костру?

— Нет. Пойдем. Скорее всего, у нас не так много времени.

— Очень хочется есть.

— Знаю.

— Что будем делать?

— Надо переждать. Уйти с дороги.

— Они заметят наши следы?

— Да.

— И что же тогда делать?

— Не знаю.

— Они поймут, кто мы?

— Что?

— Ну, когда увидят наши следы. Поймут, кто мы?

Посмотрел на их собственные отчетливые отпечатки ног на снегу.

— Догадаются. Остановился.

— Надо подумать. Пошли к костру.

Сначала он решил, что надо найти участок дороги, где снег совсем растаял, но потом сообразил, что это не поможет. Наоборот, может вызвать подозрения: следы были и внезапно исчезли. Закидали костер снегом и отошли в лес, покружили там, вернулись назад. Торопились оставить после себя лабиринт следов и уйти лесом на север, не упуская из виду дорогу.

Место, что они выбрали, находилось на возвышении, оттуда хорошо было наблюдать за дорогой и ее окрестностями. Смотри хоть вперед, хоть назад. Расстелил полиэтилен на мокром снегу, укутал мальчика в одеяла.

— Тебе будет холодно. Но, надеюсь, долго мы тут не задержимся.

Меньше чем через час на дороге показались два человека. Мужчины. Идут быстрым шагом, почти бегут. Когда пронеслись мимо, он встал поглядеть, что они будут делать. Стоило ему выпрямиться, как они остановились и один обернулся. Отец замер. Закутан в серое одеяло, так что не особенно выделяется на фоне серого пейзажа, но кто его знает... Может, уловили запах дыма. Постояли, поговорили. Пошли дальше. Он сел.

— Все в порядке, — сказал сыну. — Только нужно подождать. Но, думаю, все обошлось.

Уже пять дней у них крошки во рту не было. И спали мало. Обессиленные, голодные, на окраине небольшого городишка набрали на старинную усадьбу, расположившуюся на холме над дорогой. Мальчик стоял, не отпуская его руки. Снег на асфальтированной дороге почти весь растаял. Не было его ни в полях, ни в лесу на южной стороне. Стояли перед домом. Онучи давно прохудились, ноги стыли от холода и сырости. Дом — высокий, величественный, с белыми дорическими колоннами при входе. Крытая подъездная арка сбоку. Гравийная дорога вьется по полю среди мертвой травы. Удивительно, но все оконные стекла целы.

— Что это за дом, пап?

— Ш-ш-ш, давай помолчим и послушаем.

Ничего подозрительного. Только ветер шелестит сухими ветками придорожного кустарника да неподалеку что-то скрипит — может, дверь, а может, ставень.

— Пожалуй, надо войти.

- Папа, давай не пойдём.
- Не бойся.
- Нам не надо туда идти.
- Не бойся. Надо же посмотреть.

Медленно приближались к дому по подъездной дороге. Местами снег еще не успел полностью растаять. Но и там никаких следов, снег лежит нетронутый. Высокая изгородь из сухой бирючины. Древнее птичье гнездо в самой гуще веток. Стояли перед входом, разглядывая фасад. Кирпичная кладка. Похоже, в ход пошли кирпичи, вылепленные вручную. Глину брали прямо тут же, пока рыли котлован под дом. С колонн и покореженного навеса свисают закрученные спиралью завитки краски. Фонарь на длинной цепи при входе. Пока поднимались по ступеням, мальчик не отпускал его руку. Одно из окон чуть-чуть приоткрыто, через него протянута веревка: один конец уходит в дом, другой теряется в траве. Пересекли террасу. Он крепко держал сына за руку. Когда-то по этим доскам бегали рабы, приносили в дом кушанья и напитки на серебряных подносах. Подошли к окну и заглянули внутрь.

- А что, если там кто-нибудь есть?
- Никого здесь нет.
- Пошли отсюда, пап.
- Нужно найти что-нибудь съестное. У нас нет выбора.
- Можем в другом месте поискать.
- Все будет хорошо. Пошли.

Вытащил из-за пояса револьвер, толкнул дверь. Она медленно открылась, поворачиваясь на массивных медных петлях. Стояли и слушали. Затем прошли в огромный вестибюль с выложенным мраморными плитками полом: черная, белая, черная, белая, набор домино. Широкая лестница ведет на второй этаж. На стенах топорщатся дорогие обои, все в пятнах и разводах от сырости. На потолке разбухшая от воды известка местами выпячивается, как брюхо толстяка. Желтоватая лепнина с узором из треугольников под потолком изогнулась и отошла от стен. В соседней комнате слева большой ореховый буфет. Дверцы и ящики исчезли, сохранился только остов, слишком большой, не спалить. Наверное, когда-то это была столовая. Постояли в дверном проеме. В углу комнаты бесформенной кучей навалена одежда. Не только одежда. Обувь. Ремни. Пальто. Одеяла и старые спальные мешки. У него еще будет время обо всем этом подумать. Мальчик боится — вцепился в его руку. Пересекли вестибюль, вошли в комнату на противоположной стороне, остановились. Скорее не комната, а зал с высоченным потолком. Камин, облицованный обычными кирпичами, со следами каминной доски и окантовки очага, давным-давно отодранных и пущенных в дело. Перед камином на полу разложены матрасы и постельное белье.

- Папа, — прошептал мальчик.
- Ш-ш-ш.

Холодные угли. Вокруг камина несколько закопченных горшков. Он присел на корточки, поднял один, понюхал и поставил на место. Встал, выглянул в окно: серая вытоптанная трава, серый снег. Веревка, протянутая через окно, оказалась привязанной к медному колокольчику. Колокольчик в свою очередь закреплен в самодельном деревянном зажиме, прибитом к оконной раме. Взял мальчика за руку, и они пошли по узкому темному коридору на кухню. Повсюду валяется мусор, раковина в пятнах ржавчины, запах гнили и испражнений. Прошли в соседнюю небольшую комнату, которая, вероятно, раньше служила кладовкой.

В кладовке на полу увидели то ли дверь, то ли люк, закрытый на большой замок из стальных пластин. Мальчик попросил:

— Пап, пойдём отсюда.

— Интересно, почему её заперли.

Мальчик потянул его за руку, вот-вот заплачет:

— Пап?!

— Нам нечего есть.

— Я не голоден, пап. Ни чуточки.

— Нам нужен лом или что-то в этом роде.

Вышли через заднюю дверь наружу, мальчик почти висел на отце. Засунул револьвер за пояс и остановился, рассматривая двор. Вымощенная кирпичом дорожка, вдоль которой торчат бесформенные колючие кусты самшита. На кирпичные столбики кто-то водрузил старую железную борону и сверху закрепил чугунный котел литров на сто пятьдесят, который раньше использовали для вытапливания свиного сала. Под котлом — пепел кострища и обуглившиеся деревяшки. Немного в стороне — повозка на резиновых шинах. Он как будто видел и одновременно не видел эту картину. В дальнем углу двора заметил старую коптильню и сарайчик для садового инвентаря. Пошел туда, почти волоком таща за собой мальчика. В сарае перебрал инструменты в бочке, остановил свой выбор на лопате на длинном черенке. Взвесил в руке и сказал сыну:

— Пошли.

В кладовой отколол дерево вокруг замка, только тогда смог просунуть острый край лопаты под скобу, сильно нажал. Замок был крепко прикручен болтами к люку, выдрать его не получилось. Зато удалось приподнять крышку люка и засунуть под нее лопату. Выпрямился, достал зажигалку. Встал на конец черенка, выше приподнял край люка, наклонился и схватился за него руками... — Пап, — прошептал мальчик. Остановился. Сказал:

— Послушай меня. Прекрати истерику. Мы голодаем. Тебе непонятно?

Поднял крышку люка и откинул ее до упора, так что она упала на пол.

— Жди меня здесь.

- Я с тобой.
- А не страшно?
- Страшно.
- Ну хорошо, иди за мной, только не отставай.

Начал спускаться по грубым деревянным ступенькам. Пригнул голову, щелкнул зажигалкой, поводит ею туда-сюда, будто в знак приветствия. Холодно и сыро. Невыносимый смрад. Мальчик цеплялся сзади за его куртку. Смог разглядеть кусок каменной стены. Глиняный пол. Старый матрас в темных пятнах. Согнулся и спустился еще на одну ступеньку. Вытянул руку с зажигалкой как можно дальше. Около задней стены, загоразивая руками лица, пытаюсь спрятаться, сбились в кучу голые люди, мужчины и женщины. На матрасе лежит мужчина, ноги отрезаны по самые бедра, концы культы — черные и обожженные. Ужасающая вонь.

— Боже! — прошептал он.

Один за другим они повернулись к нему, щурясь с непривычки от тусклого света.

— Помогите, — зашептали. — Спасите нас.

— О боже, — сказал он. — О боже. Развернулся, схватил мальчика.

— Скорее, — крикнул. — Скорей.

Выронил зажигалку. Нет времени ее искать. Толкал мальчика наверх.

— Помогите нам, — призывали они.

— Быстреей.

У основания лестницы появилось бородатое лицо. Моргает.

— Пожалуйста, прошу вас, пожалуйста.

— Да быстреей же! Ради всего святого...

Протолкнул мальчика в лаз, тот вылетел в кладовую и растянулся на полу. Отец вылез, схватился за крышку, поднял и отпустил. Крышка с грохотом захлопнулась. Повернулся, чтобы поднять мальчика. Тот уже вскочил и приплясывал от страха. Разозлился:

— Умоляю, сейчас же перестань.

Но мальчик указывал на что-то в окне. Он взглянул туда и похолодел: через поле по направлению к дому шли четверо бородатых мужчин и две женщины. Схватил мальчика за руку.

— Боже! Бежим!

Вихрем понесли к входной двери. Скорее, вниз, во двор! Пробежав половину подъездной дороги, свернули в поле. Оглянулся. Изгородь из бирючины частично их скрывала, но он знал — в лучшем случае в их распоряжении несколько минут. На краю поля они врезались в стену сухого тростника, выскочили на дорогу, пересекли ее и углубились в лес. Крепче сжал руку мальчика.

— Беги, — прошептал ему. — Надо бежать.

Повернулся, поискал глазами дом. Ничего не видно. Если люди свернули на подъездную дорогу, то наверняка видели, как он бежал с мальчиком среди деревьев. Сейчас решается их судьба. Сейчас решается их судьба. Бросился на землю, потянув мальчика за собой.

— Ш-ш-ш.

— Они нас не убьют, пап?

— Ш-ш-ш.

Лежали среди листьев и пепла. Сердца колотятся. Почувствовал приближение приступа кашля. Надо бы закрыть рот рукой, но в одну руку вцепился мертвой хваткой мальчик, а в другой — револьвер. Пришлось усилием воли подавить кашель. Не так-то просто, да еще нужно слушать, не идут ли те. Слегка приподнял голову, осторожно посмотрел по сторонам. Прошептал:

— Не поднимай голову.

— Идут сюда?

— Нет.

Медленно поползли по листьям в низину. Прижав к себе мальчика, лежал и слушал. С дороги долетали их голоса. Один — женский. Потом различил шорох листьев. Взял руку сына, вложил в нее револьвер.

— Держи.

Мальчик еще больше испугался. Обнял его, прижал к себе. Так лежали некоторое время. Какой худой! Сказал ему:

— Не бойся. Если они тебя найдут, тебе придется это сделать. Понял? Ш-ш-ш. Не плачь. Ты меня слушаешь? Ты уже все знаешь. Засовываешь в рот и направляешь вверх. Нажать на курок надо сильно и резко. Понял? Хватит реветь. Ты понимаешь, о чем я?

— Да, кажется.

— Нет, так не пойдет. Ты все понял?

— Да.

— Скажи: "Да, папа, я все понял".

— Да, папа, я все понял.

Посмотрел на мальчика: один ужас в глазах. Забрал у него револьвер.

— Нет, ты не понял.

— Я не знаю, что мне делать, папа. Не знаю, что делать. А где будешь ты?

— Ладно, не волнуйся.

— Я не знаю, что мне делать.

— Ш-ш-ш. Я же тут. И никогда тебя не оставлю.

— Обещаешь?

— Да. Обещаю. Я собирался побежать, попробовать отвлечь их на себя... Но не могу тебя оставить.

— Пап?

— Ш-ш-ш. Лежи, не поднимайся.

— Я ужасно боюсь.

— Ш-ш-ш.

Лежали, слушали. Сможешь это сделать? Когда наступит час? Когда придет время, времени на это не будет. Этот час уже пробил — сейчас или никогда. Прокляни Бога и умри. Что, если револьвер не выстрелит? Должен выстрелить. А если даст осечку? Сумеешь тогда разбить камнем эту, такую дорогую, голову? Неужели внутри тебя живет человек, про которого ты ничего не знаешь? А вдруг? Обхвати сына руками. Вот так. Душа не умеет лгать. Притяни к себе. Поцелуй. Быстро.

Он ждал. С маленьким блестящим револьвером в руке. Опять запершило в горле — кашель. Напрягся что было сил, стараясь загнать его внутрь. Мучительно вслушивался — ничего. Прошептал:

— Я никогда тебя не оставлю. Слышишь?

Лежал в куче листьев, держа в объятиях дрожащего ребенка. Сжимая пистолет. Не меняя позы. Весь вечер. Пока не наступила холодная беззвездная ночь. Их спасительница. Начал верить, что у них еще есть шанс. Прошептал:

— Надо ждать.

До чего же холодно! Попытался подумать, но уж слишком кружилась голова. Страшная слабость. Все эти разговоры про "побегу, отвлеку на себя..." Не может он бежать. Когда сгустилась непроницаемая темнота, развязал рюкзак, вытащил одеяла, укрыл сына. Вскоре мальчик уже спал.

Среди ночи из дома неслись душераздирающие крики. Старательно закрывал руками мальчику уши. Некоторое время спустя крики прекратились. Лежал, прислушивался. Когда продирался к дороге сквозь заросли тростника, видел короб. Что-то вроде домика с детской площадки. Догадался, что там они как раз и прячутся, следя за дорогой. Лежат в засаде, звонят в колокольчик, дают знать сообщникам, когда кто-то появляется. Задремал, внезапно проснулся. Кто-то идет? Шуршат под ногами листья? Нет, показалось. Просто ветер. Никого. Сел и посмотрел в сторону дома. Сплошная темень. Растолкал мальчика.

— Вставай, пора идти.

Мальчик ничего не ответил, но он знал, что сын проснулся. Собрал одеяла, прикрутил к рюкзаку. Прошептал:

— Ну пойдём. Пожалуйста.

В крошечной темноте брели по лесу. Где-то там, наверху, сквозь тучи пепла пробивается слабый свет луны, можно различить очертания деревьев. Шатались, как пьяные.

— Если они нас поймут, то убьют. Правда, пап?

— Ш-ш-ш, помолчи, пожалуйста.

— Ведь убьют?

— Ш-ш-ш. Да, убьют.

Он плохо представлял себе, в каком направлении они двигались, и опасался, что по ошибке пойдут по кругу и выйдут к дому. Попытался вспомнить: когда-то давно слышал про что-то подобное или это только байки? Будто, заблудившись, люди идут всегда в одну и ту же сторону. Кажется, не везде так. Или это зависит от того, правша ты или левша? Решил не ломать себе больше голову. Сам подумай, разве остались ещё образцы для подражания?! Совсем мозги помутились! Фантомы, пребывавшие в спячке тысячи лет, начали пробуждаться. Вот это точно. Мальчик с трудом держался на ногах. Просился на руки, язык заплетался от усталости. Отец подумал-подумал и поднял сына, хотя знал, что скоро сам устанет и тащить его не сможет. Мальчик в ту же секунду уснул, уронив голову ему на плечо.

Очнулся в темноте, вокруг — лес. Лежал в куче листьев, все тело била крупная дрожь. Сел, стал на ощупь искать мальчика. Прижал руку к его костлявой груди: тёплый, сердце бьётся.

Проснулся, когда уже рассвело. Откинул одеяло, встал, распрямился. И чуть не упал. С трудом устоял на ногах, огляделся. Только серые деревья вокруг. Как далеко они забрались? Поднялся на пригорок, присел на корточки и стал смотреть, как наступает день. Неяркий восход, холодный обманчивый мир. Вдалеке сосновый лес или это ему только кажется? Чёрный, голый. Бесцветный мир колючей проволоки и траурных повязок. Вернулся, и разбудил сына, и заставил его сесть. Сонный, все время валится вперед. Сказал:

— Надо идти дальше. Надо идти дальше.

Тащил сына через поле, каждые пятьдесят шагов останавливаясь передохнуть. Добравшись до сосен, опустился на колени и положил его на песок, укрыл одеялами и сел, наблюдая за спящим ребенком. Похож на узника концлагеря. Кожа да кости, изможден, всего боится. Наклонился и поцеловал его. Поднялся, двинулся к опушке, затем обошел по периметру место их стоянки. Хотел убедиться, что им ничто не угрожает.

К югу, на краю поля различил очертания дома и хлева. Дорога сворачивает за деревьями, дальше — длинный, до самого дома, участок с мертвой травой по обеим сторонам. Сухой плющ на каменной стене, почтовый ящик, забор вдоль основной дороги, за ним — мертвые деревья. Холод и безмолвие. Все окутано непроницаемым туманом. Пошел назад и сел рядом с сыном. От безнадежности и отчаяния в тот раз потерял голову. Никогда так больше не делай. Что бы ни произошло.

Ребенок спит и спит, не просыпаясь. А проснется, опять напугается до смерти. Такое раньше уже случалось. Сначала подумал, что надо бы разбудить и предупредить, но решил, что в таком состоянии мальчик все равно ничего не запомнит. Он научил его скрываться в лесу не хуже фавна. Сколько еще сын проспит? В конце концов вытащил револьвер из-за пояса, положил ребенку под бок, встал и пошел.

Подобрался к хлеву со стороны холма, все время останавливаясь и прислушиваясь. Шел среди черных узловатых пней — это все, что осталось от яблоневого сада, — и сухой травы. Высокой, по колено. Стоял в дверях и слушал. Слабый свет пробивается сквозь рейки обшивки. Прошелся вдоль пыльного стойла. Стоял в центре, слушал. Ничего подозрительного. Полез на чердак по лестнице, одолевала слабость, боялся, что не доберется до верха. Подошел к высокому чердачному окну, посмотрел на расстилающиеся внизу мертвые серые квадраты полей, забор, дорогу.

На полу чердака свалены рулоны прессованного сена. Сел на корточки, насобирал пригоршню зерен, сидел, жевал. Жесткие, сухие, пыльные. Должно же в них остаться хоть что-то питательное! Встал, и подкатил два рулона к краю, и скинул вниз. Один тяжелый удар, потом второй.

Пыль столбом. Вернулся к окну и стал внимательно рассматривать дом, ту его часть, что виднелась за углом хлева. Затем спустился по лестнице вниз.

Трава между домом и хлевом нетронутая. Поднялся на веранду. Москитная сетка прогнила и еле держится. Детский велосипед. Дверь на кухню открыта. Пересек веранду и остановился при входе в дом. Стены отделаны дешевыми панелями под дерево, которые от сырости разбухли, во многих местах отвалились и попадали на пол. Стол с красной пластмассовой столешницей. Подошел к холодильнику и открыл дверцу: внутри сидело что-то серо-пушистое. Захлопнул дверь. Повсюду мусор. Нашел в углу метлу, потыкал ею там, сям. Влез на кухонную стойку, пошарил рукой по пыльным полкам: так, мышеловка, какой-то пакетик. Сдул пыль. Растворимый порошок для приготовления виноградного сока. Спрятал в карман куртки.

Осмотрел весь дом — комнату за комнатой. Ничего. В ящике прикроватной тумбочки нашлась ложка. Положил в карман. Может, завалилась какая-нибудь одежда в стенном шкафу или постельное белье? Нет, ничего. Вернулся в гараж. Покопался в инвентаре. Грабли. Совок. Банка с гвоздями и болтами на полке. Резак. Повернул — лезвие ржавое — положил обратно. Подумал, опять взял. В банке из-под кофе нашел отвертку, развинтил рукоять. Внутри в специальном отделении лежали четыре новехоньких лезвия. Вытащил негодное, положил на полку, вставил новое, свинтил

рукоять и положил резак в карман. И отвертку туда же.

Вышел из дома и направился в хлев. Захватил с собой кусок чистой материи, чтобы сложить туда зерна, но, когда вошел внутрь, остановился и стал слушать, как завывает ветер. Скрип железа где-то наверху, на крыше, прямо над головой. В хлеву до сих пор пахло коровами, и он стоял и размышлял о них, и вдруг его осенило — они же все вымерли. Неужели это так? Возможно, какая-нибудь корова живет себе где-нибудь, жует сено? Как такое может быть! Какое сено? Кто ее сберег? За дверью шуршал в сухой траве ветер. Вышел наружу, стоял, смотрел на сосны, в корнях которых спит сын. Пошел по саду, опять остановился. На что-то наступил. Сделал шаг назад, наклонился и раздвинул траву. Яблоко. Схватил и стал рассматривать на свету. Жесткое, коричневое, съезжившееся. Вытер его тряпкой и впился зубами: сухое, почти безвкусное. И все же яблоко. Съел целиком. С косточками. Подержал хвостик между большим и указательным пальцами, а потом бросил. Начал прочесывать траву. На ногах до сих пор доморощенные онучи из кусков пальто и лохмотьев полиэтилена. Сел, все это снял, распихал тряпье по карманам и пошел босиком по рядам среди пней. Дойдя до конца сада, нашел четыре яблока, засунул их в карман, пошел обратно. Так прочесал один за другим все ряды, оставляя на траве запутанную дорожку следов. Набрал яблок столько, что с трудом мог их нести. Искал вокруг пеньков и набил полные карманы, даже капюшон куртки, и целую охапку нес, скрестив руки на груди. Высыпал кучей в дверях хлева, сел и стал заворачивать озябшие ноги в тряпье.

В кладовой рядом с кухней заметил плетеную корзину, полную стеклянных банок под закрутку. Выволок ее на середину комнаты, вытащил банки и вытряхнул из корзины пыль и землю. Внезапно остановился. Что это? Водосточная труба. Решетка для вьющихся растений. Темная змейка мертвой лозы ползет по трубе — точь-в-точь график работы компании, которой грозит банкротство. Вышел во двор и стал рассматривать дом. В окнах отражается серый, ничем не примечательный день. Труба спускалась по углу веранды. Он все еще держал корзину, наконец опустил ее на траву и опять взобрался по ступеням. Труба тянулась вдоль колонны и уходила в цементную яму. Смахнул с крышки мусор и куски прогнившей сетки. Пошел на кухню за метлой, вернулся, начисто подмел, поставил метлу в угол и поднял крышку бака. Внутри оказался поддон, в нем — месиво из серой слизи и перегнивших листьев и веточек. Вытащил поддон и поставил на пол. Под поддоном — белая галька. Отгреб камушки. Следующий слой — древесный уголь, то, что было ветками и сучьями, прошедшими через горнило пламени. Олицетворение самих деревьев, только в угле. Вернул поддон на место. В полу обнаружил позеленевшее бронзовое кольцо. Дотянулся до метлы, смел пепел. В досках обозначились линии распила. Тщательно подмел доски, опустил на колени, просунул пальцы в кольцо и откинул крышку люка. Внизу в темноте разглядел бак, наполненный водой. Чистой и сладкой. Кажется, почувствовал ее аромат. Лег на живот, сумел дотянуться пальцами до поверхности воды. Придвинулся поближе, и зачерпнул, и понюхал, и попробовал на язык, а потом выпил. Долго лежал на краю, зачерпывая пригоршнями воду, пил и пил. Ничего вкуснее этой воды в жизни не пробовал.

Пошел назад и забрал из кладовки две стеклянные банки и старый синий эмалированный ковшик. Вернулся к баку. Тщательно вытер ковшик, зачерпнул им

воды и ополоснул банки. Наклонился, и опустил банку в воду, и затем вытащил — с доньшка капает вода, какая прозрачная! Поднял банку к свету: одна-единственная песчинка плавно опускается на дно. Обтер край, отпил. Пил медленно, пока не опорожнил почти всю банку. Живот раздулся. Мог бы еще столько же выпить. Перелил остатки воды в другую банку и еще раз ее ополоснул, обе наполнил доверху, опустил крышку люка, и поднялся, и с набитыми яблоками карманами и банками с водой зашагал через поле в сторону сосен.

Он отсутствовал дольше, чем рассчитывал, а потому на обратном пути торопился как мог. При каждом шаге вода бултыхалась и булькала в животе. Остановился перевести дух, тронулся дальше. Добрался до рожи: мальчик так и лежал, не меняя позы, спал. Отец поставил банки на землю, и взял револьвер, и сунул его за пояс, а потом просто сидел, смотрел на спящего сына.

Всю вторую половину дня провели, сидя в ворохе одеял: ели яблоки и запивали их водой. Вытащил пакетик с сухим соком и высыпал его в банку, размешал и дал мальчику. "Какой ты, пап, молодец!" Ребенок нес вахту, пока отец спал, а вечером они обулись, пошли к хлеву и собрали оставшиеся яблоки. Наполнили свежей водой три банки, на полке в кладовке нашлись подходящие герметичные крышки. Потом он завернул банки в одно из одеял и упаковал в рюкзак. Сложил яблоки. Сверху прикрутил остальные вещи. Рюкзак на плечо, и вперед. Стояли в дверях, наблюдая, как меркнет свет на западе. Затем пошли вниз, к дороге.

Мальчик цеплялся за полу отцовской куртки. Держались поближе к краю дороги, стараясь нащупывать в темноте дорожное покрытие. Вдалеке раздавались раскаты грома, некоторое время спустя засверкали молнии. Достал из рюкзака кусок полиэтилена, но от того мало что осталось, а дождь уже зарядил. Спотыкаясь, шли бок о бок. Спрятаться от дождя негде. У каждого был капюшон на куртке, но какое там, сами куртки промокли почти насквозь и от влаги стали тяжеленными. Остановился и попытался получше растянуть полиэтилен. Мальчик дрожал как осиновый лист.

— Замерз? Да?

— Да.

— Если остановимся — совсем окоченеет.

— Я уже окоченел.

— Что будем делать?

— Мы можем здесь заночевать?

— Да, пожалуй. Давай остановимся здесь.

На его памяти из череды длинных ночей эта, пожалуй, самая длинная. Они расположились на мокрой земле в стороне от дороги: разложили одеяла и накрылись сверху куском полиэтилена, но которому барабанил дождь. Он обнял мальчика, немного погодя тот согрелся и уснул. Грозовые тучи, тяжело перекачиваясь, уходили

на север, пока не исчезли из виду, но дождь все не сдавался. Отец спал беспокойно, то и дело просыпался. В одно из его пробуждений дождь стал затихать и наконец полностью прекратился. Гадал, который час, вряд ли уже полночь. Раскашлялся, да так сильно, что разбудил мальчика. До рассвета еще далеко. То и дело приподнимался, чтобы посмотреть на восток. Наконец-то утро!

Чтобы отжать куртки, обернул их вокруг ствола невысокого деревца и туго закрутил: сначала одну, потом другую. Заставил мальчика раздеться догола, укутал его в одеяло и, пока тот трясся от холода, постарался как можно тщательнее выжать воду из его одежды. То же самое проделал со своей. Клочок земли, на котором они спали, был сухой. Там и уселись, завернувшись в одеяла, и позавтракали яблоками и водой. Вскоре опять зашагали по дороге: согнувшись, с надвинутыми на лица капюшонами, дрожа от холода в своем тряпье — вылитые нищенствующие монахи в поисках подаяния.

К вечеру просохли. Попробовал определить их местонахождение на карте, но совсем запутался. На закате стоял на взгорке и пытался сориентироваться на местности. Спустились с холма, и пошли по узкой проселочной дороге, и вышли к мосту над сухим ручьем, и сползли по откосу, и залезли под мост. Мальчик спросил:

— Разведем костер?

— У нас нет зажигалки.

Мальчик отвернулся.

— Прости. Я ее выронил. Не хотел тебе говорить.

— Ничего.

— Я найду кремень. Уже начал искать. К тому же у нас сохранилась бутылочка бензина.

— Хорошо, хорошо.

— Ты очень замерз?

— Нет, не очень.

Мальчик лежал, положив голову ему на колени. Через некоторое время:

— Они хотят тех людей убить, правда?

— Да.

— Почему они так делают?

— Не знаю.

— Собираются их съесть?

— Не знаю.

— Они ведь их съедят, я прав?

— Да.

— Мы не могли им помочь, потому что и нас бы тоже съели. Так?

- Да.
- Поэтому-то мы им не помогли.
- Правильно.
- Ну хорошо.

Проходили через городишки, в которых рекламные щиты надрывались, предупреждая об опасности. Щиты замазаны тонким слоем краски, чтобы можно было заново на них писать. Сквозь краску проступает текст старой рекламы исчезнувших без следа вещей. Сидели на обочине и приканчивали последние яблоки.

- Что с тобой?
- Ничего.
- Мы обязательно найдем что поесть. Всегда находили и теперь найдем.

Мальчик ничего не сказал. Отец внимательно на него смотрел.

- Тебя ведь не это беспокоит?
- Да ладно...
- Скажи мне.

Мальчик отвернулся, смотрел на дорогу.

- Я хочу, чтобы ты мне сказал. Не бойся.

Сын отрицательно помотал головой.

- Посмотри на меня.

Мальчик повернулся. Видно, что плакал.

- Скажи мне, пожалуйста.
- Мы ведь никого не съедим, правда?
- Нет, конечно нет.
- Даже если будем умирать с голоду?
- Мы и сейчас голодаем.
- А ты говорил, что нет.
- Я говорил, что мы еще не умираем. А что не голодаем, я не говорил.
- Все равно, мы никого не будем есть.
- Не будем.
- Ни за что.
- Ни за что.
- Потому что мы хорошие.
- Да.
- И еще мы несем огонь.

— Именно так.

— Ну хорошо.

В канаве нашел куски кремня, а может, сланца, но оказалось, что проще высечь искры, проводя плоскогубцами сверху вниз по валуну, только надо заранее сложить в кучу пропитанные бензином щепки прямо под валуном. Пролетели два дня. Еще три. По-настоящему голодали. Разграбленная, истерзанная местность. Все растащено. Все, до последней крошки. Студеными ночами темно как в гробу; предрассветная тишина звенит в ушах, хоть вешайся. Как утро перед битвой. У мальчика кожа на лице давно приобрела восковой оттенок и просвечивает. Огромные задумчивые глаза делают его похожим на инопланетянина.

Понимал, что смерть не за горами. Пора искать место для укрытия, где бы их никто не нашел. Бывали моменты, когда он, сидя рядом со спящим сыном, начинал безудержно рыдать. Смерть его не пугала. Не знал, отчего плакал. Может, от мыслей о красоте. Или о доброте. Про которые давно забыл и думать. Остановились в мрачном лесу, и процедили воду из лужи, и пили. Во сне привиделось, что мальчик лежит на специальной доске, на которую в прежние времена зимой клали умерших. Проснулся в холодном поту. В свете дня он легко мог справиться с этими страхами, но вот по ночам... Больше не засыпал, опасаясь, что этот ужасный сон повторится.

Прочесывали пепелища домов. А ведь раньше их избегали. В подвале среди мусора и ржавых отопительных труб покачивается в черной воде труп. Наполовину сгоревшая гостиная. Разбухшие от воды доски отошли от стен и выгибаются горбом. Пропитанные водой книги на полке. Вытащил одну, полистал, поставил обратно. Сырость. Гниль. В ящичке нашел свечку. Не зажечь — нечем. Но положил свечку в карман. Вышел из развалин в сером полумраке, остановился, вдруг ясно осознал суть этого мира: неумолимое холодное движение планеты; Земля погибла, не оставив наследников; безжалостная темнота; слепые псы солнца в вечном движении; гнетущая черная пустота вселенной. И где-то там они — два загнанных зверя, дрожащих, как лисы в укрытии. Жизнь взаимы: время — в долг, мир — тоже, даже глаза, чтобы ужасаться и лить слезы, и те — в долг.

На окраине небольшого городка уселись в кабине грузовика, отдыхали, смотрели сквозь промытое недавними дождями стекло. Сами серые от пепла. Измученные. На обочине торчал еще один щит с предупреждением о смертельной опасности. Выцветшие от времени буквы. Он чуть не рассмеялся.

— Прочел?

— Да.

— Не бери в голову. Никого здесь нет.

— Умерли?

— Скорее всего.

— Жаль, что с нами нет того маленького мальчика.

— Пошли дальше.

Захватывающие сны. Так не хочется просыпаться! Снятся вещи, навсегда исчезнувшие с лица земли. Замерз, пришлось встать и заняться костром. В памяти сохранилась картинка, как она ранним утром идет по траве к дому в тончайшем розовом платье, обтягивающем грудь. Решил, что каждое такое воспоминание наносит вред оригиналу. Как раньше на вечеринках играли в "испорченный телефон": скажи слово и передай дальше. Но не слишком увлекайся. Учти: каждый раз, осознанно или нет, ты изменяешь то, что вспоминаешь.

Шли по улицам, завернувшись в вонючие грязные одеяла. Держал револьвер у пояса, другой рукой — мальчика. На самом краю города вышли к одиноко стоящему посреди поля дому. Пересекли поле, вошли в дом, переходили из комнаты в комнату. Увидели свои отражения в зеркале, и он инстинктивно приготовился стрелять. Мальчик прошептал:

— Это же мы, папа. Это наши отражения в зеркале.

Стоя на пороге задней двери, смотрел вдаль: поля, за ними — дорога, за дорогой — печальные просторы. На веранде гриль: бочка галлонов так на пятьдесят-пятьдесят пять автогеном разрезана пополам по горизонтали и установлена на железную подставку. Несколько сухих деревьев во дворе. Забор. Металлический сарайчик для инструментов. Стянул с себя одеяло и укутал мальчика.

— Подожди меня здесь.

— Я с тобой.

— Я только посмотрю. Я все время буду у тебя на виду. Обещаю.

Пересек двор, рывком открыл дверь сарая, револьвер — наготове. Оказалось, что-то вроде садовой будки: земляной пол, металлические полки с пластиковыми цветочными горшками. Все покрыто толстым слоем пепла. В углу лопаты и грабли. Газонокосилка. Под окном — скамейка, рядом — железный ящик. Открыл: старые каталоги, пакетики с семенами. Бегония. Вьюнки. Положил в карман. На кой черт они ему? На верхней полке заметил две банки машинного масла. Засунул револьвер за пояс и потянулся за банками, достал и поставил на скамейку. Банки — старого образца, из картона с металлическими крышками. Картонные стенки пропитались маслом, но, похоже, банки почти полные. Он пошел к двери и выглянул на улицу. Мальчик сидел на ступеньках, закутавшись в одеяла, и внимательно за ним наблюдал. Обернувшись, обнаружил стоящую за дверью канистру. Подумал, что наверняка пустая, но, когда поддел канистру ногой и опрокинул на пол, изнутри донесся плеск. Поднял канистру, и дотасил до скамейки, и попытался отвернуть пробку — как бы не так, не поддается. Достал плоскогубцы из кармана куртки, как можно шире их развел, примерил — как раз. Отвернул пробку, и положил ее на скамейку, и понюхал канистру. Противный запах. Простояла много лет. И все же бензин есть бензин, будет

гореть даже после стольких лет. Завинтил пробку и убрал плоскогубцы в карман. Огляделся, ища емкость поменьше, ничего не нашел. Зачем выбросил бутылку? Надо будет посмотреть в доме. Не забыть.

На обратном пути чуть не потерял сознание. Решил, что всему виной бензиновые пары. Мальчик не спускал с него глаз. Сколько дней осталось до смерти? Десять? Никак не больше. Не мог сосредоточиться. Почему он именно здесь остановился? Повернулся и посмотрел на траву. Пошарил ногой. Опять повернулся и вернулся в будку. Вышел с садовой лопатой и начал копать в том самом месте, где чуть не грохнулся без сознания. Воткнул лопату в землю, она вошла до середины, а потом раздался звук удара обо что-то деревянное и полое. Начал разгребать землю.

Дело идет с трудом. Боже, как он устал! Облокотился на черенок лопаты. Поднял голову и посмотрел на мальчика. Тот сидел неподвижно. Опять взялся за дело. Не прошло и полчаса, как выбился из сил и стал отдыхать после каждого взмаха лопатой. Наконец показался кусок фанеры, обитой рубероидом. Отгреб землю по краям. Дверь размером приблизительно три на шесть футов, с краю — кольцо с замком, упрятаны в целлофановый пакет. Отдыхал, держась за рукоять лопаты, упершись лбом в треугольник согнутого локтя. Когда в очередной раз распрямился, увидел, что мальчик стоит рядом, всего в нескольких шагах. Испуган. Шепчет:

— Пап, не поднимай.

— Не волнуйся.

— Пожалуйста, пап. Ну пожалуйста.

— Ничего страшного.

— Нет, мне страшно.

Кулаки прижаты к груди, в страхе подпрыгивает. Отец бросил лопату, обнял его.

— Ну, ну, успокойся. Пошли посидим на крыльце, отдохнем.

— А потом пойдем дальше?

— Давай посидим.

— Хорошо.

Устроились в одеялах на крыльце и смотрели на улицу. Так сидели довольно долго. Пытался объяснить мальчику, что никаких трупов, закопанных во дворе, нет и быть не может, но тот не хотел слушать, заплакал. Чуть погодя сам начал верить, что страхи мальчика оправданны.

— Давай посидим. Даже говорить не будем.

— Хорошо.

Вошли в дом и заново его осмотрели. Нашел пивную бутылку и старую потрепанную занавеску, и оторвал от нее кусок, и пропихнул его в бутылку

разогнутым крючком от вешалки.

— Ну вот, теперь у нас есть новая лампа.

— На чем она будет гореть?

— Я нашел немного бензина. В сарае. И масло. Я тебе покажу.

— Хорошо.

— Пошли. Все будет хорошо, клянусь.

Но когда наклонился к мальчику и заглянул под одеяло, то сильно испугался: что-то в сыне надломилось. Навсегда. И уже никак этого не исправить.

Вышли из дома и пошли к сараю. Поставил бутылку на скамейку и достал отвертку, и в одной из банок пробил отверткой дырку, а потом еще одну, чтобы масло лучше вытекало. Вытащил из бутылки фитиль и наполовину заполнил ее маслом, тяжелым, тягучим от холода и длительного хранения. Отвинтил крышку на канистре, и из пакетика с семенами свернул воронку, и долил бензина в бутылку. Пальцем ее закупорил и хорошенько встряхнул. Затем отлил немного в глиняную миску, и взял фитиль, и при помощи открывалки пропихнул его внутрь бутылки. Из кармана достал кусок кремня и плоскогубцы и стал кремнем ударять по зазубренным краям. Пару раз стукнул, а потом остановился и добавил бензина в плошку.

— Может вспыхнуть.

Мальчик кивнул.

Удалось высечь несколько искр, от них загорелся бензин — ш-ш-ш-у-у-у-х. Наклонился, и схватил бутылку, и слегка ее наклонил, и поджег фитиль, и затушил пламя в плошке, и протянул коптящую бутылку мальчику.

— На, держи.

— И что я должен с ней делать?

— Прикрывай ладонью огонь. Не дай потухнуть.

Он встал и вытащил револьвер из-за пояса. Сказал:

— Дверь в земле на первый взгляд ничем не отличается от остальных. Но это только на первый взгляд. Я знаю, тебе страшно. Это нормально. Там могут оказаться полезные вещи, поэтому надо взглянуть. Все остальные места мы проверили. Это — последнее. Мне нужна твоя помощь. Если не хочешь держать лампу, бери револьвер.

— Лучше поддержи лампу.

— Пойми, хорошие люди поступают именно так. Они продолжают начатое и не сдаются.

— Я понимаю.

Пошли во двор, оставляя за собой черный шлейф дыма от коптящего светильника. Засунул револьвер за пояс, и взял лопату, и стал ковырять фанеру вокруг засова на

двери. Подсунул острие лопаты под засов и наполовину его выдернул. Потом нагнулся, ухватился за замок и, хорошенько крутанув, выдернул и забросил его в траву. Глянул на сына и спросил: "Ты как, ничего?" Мальчик молча кивнул, держа светильник перед собой. Рывком поднял дверь и откинул ее на траву. Земля с шорохом посыпалась вниз по узким ступенькам из грубых неотесанных досок. Протянул руку и забрал у ребенка светильник. Начал спускаться, но вдруг развернулся, и потянулся к сыну, и поцеловал его в лоб.

Стены бункера сложены из цементных блоков. Бетонный пол выложен кафелем. Парочка кроватей с панцирными сетками — по одной у каждой стены; в ногах свернутые по-армейски матрасы. Повернулся и посмотрел на сына, застывшего на верхней ступеньке, щурящегося из-за дыма светильника. Потом спустился ниже, сел, поднял светильник.

— Боже! О боже!

— Что там, пап?

— Спускайся. О боже! Спускайся скорей.

Коробки, одна на другой, до самого потолка. Банки помидоров, персиков, бобов, абрикосов. С ветчиной. С тушеной говядиной. Сотни галлонов питьевой воды в десятилитровых пластиковых канистрах. Бумажные полотенца, туалетная бумага, одноразовые тарелки. Полиэтиленовые мешки для мусора, забитые одеялами. Он сжал голову руками: "О господи!" Снова посмотрел на ребенка.

— Все в порядке. Спускайся сюда.

— Пап?

— Да спускайся же. Спускайся и посмотри сам.

Он поставил светильник на ступеньку, дотянулся до мальчика и взял его за руку.

— Давай. Все в порядке.

— Что ты нашел?

— Все. Абсолютно все. Посмотри, сам увидишь.

Помог мальчику спуститься по ступенькам, поднял повыше светильник, чтобы лучше видеть.

— Видишь? Ты видишь?

— Что это такое?

— Еда. Можешь прочесть?

— Груши, здесь написано "груши".

— Правильно, «груши». Здесь написано "груши"!

Он почти упирался головой в потолок. Пригнулся, чтобы не удариться о металлический зеленый фонарь, висящий на крюке у них над головами. Держа

мальчика за руку, пошел вдоль рядов одинаковых коробок. Бобы в остром мясном соусе, кукуруза, тушенка, суп, соус к спагетти. Богатства исчезнувшего мира.

— Почему здесь столько всего? — спросил мальчик. — Это все настоящее?

— О да. Настоящее.

Выдвинул одну из коробок, надорвал и достал банку персиков.

— Кто-то на всякий случай делал запасы.

— Но не смогли воспользоваться?

— Не смогли.

— Умерли?

— Да.

— А нам можно что-нибудь из этого взять?

— Конечно, конечно. Эти люди хотели бы, чтобы мы воспользовались их продуктами. На их месте мы поступили бы точно так же.

— Они были хорошие?

— Да, хорошие.

— Как мы?

— Точно, как мы.

— Значит, нам можно взять.

— Да, да, можно.

В пластмассовом ящике нашлись ножи и вилки и многое другое. Открывалка. Неработающие электрические фонари. Нашел коробку батареек и стал их перебирать. Большинство испорченных — потекли, покрыты липкой кислотой. Выбрал несколько целых на вид. Наконец-то наладил один из фонарей, поставил его на столе и задул их доморощенный коптящий светильник. Оторвал от коробки кусок картона и стал разгонять дым. Потом поднялся наверх и опустил дверь на место. Обернулся, посмотрел на мальчика и спросил:

— Что желаете на ужин?

— Груши.

— Замечательный выбор. Подать груши!

Взял из стопки две бумажные тарелки и поставил на стол. На кроватях расстелил матрасы, чтобы удобнее было сидеть, и вскрыл коробку с консервированными грушами. Достал одну банку, поставил ее на стол, воткнул открывалку в край и повернул колесико. Посмотрел на мальчика: сидит тихо на кровати, смотрит, даже не скинул одеяло с плеч. Подумал: "Я так до сих пор и не осознал, что с нами происходит. А вдруг это только сон и мы сейчас проснемся в темном сыром лесу?" Вслух же сказал:

— Это будут самые вкусные груши из всех, что ты когда-либо пробовал. Самые лучшие. Вот увидишь.

Сидели рядышком и ели груши из банки. После груш достали банку персиков. Облизали ложки и через край выпили густой сладкий сироп. Посмотрели друг на друга.

— Давай еще одну.

— Заболит живот.

— Не заболит.

— Ты слишком долго голодал.

— Я знаю.

— Ну смотри.

Уложил мальчика в кровать, пригладил его грязные волосы, накрыл одеялами. Когда выбрался наружу, было почти темно. Пошел в гараж за рюкзаком, вернулся к бункеру и напоследок внимательно осмотрел все вокруг, а потом спустился по лестнице, и захлопнул дверь, и вставил в крепкое кольцо замка плоскогубцы. Свет фонаря становился все слабее, надо срочно что-то придумать, и он порылся на полках и нашел полуторалитровые канистры очищенного бензина. Поставил одну канистру на стол, отвинтил крышку и отверткой пробил дырку в кружочке фольги. Снял фонарь с крюка и наполнил его доверху бензином. Чиркнул зажигалкой — нашел раньше целую упаковку, — отрегулировал пламя и повесил фонарь на место. Затем сел на кровать.

Пока мальчик спал, решил по порядку перебрать припасы. Постельное белье, свитера, носки. Таз из нержавеющей стали, тут же губки и куски мыла. Тюбики зубной пасты и зубные щетки. На дне большой пластмассовой банки с болтами и винтиками и другими железками в тряпичном мешочке обнаружил с десяток золотых крюгеррандов. Вытряхнул их, и покрутил, и посмотрел на них, а потом собрал и крюгерранды, и железки, и высыпал все вместе в банку, и поставил ее обратно на полку.

Он все-все осмотрел, передвигая коробки и ящики. В стене была небольшая стальная дверь, которая, как оказалось, вела в другую комнату. Там хранились бутылки с бензином. В углу — биотуалет. В стенах — ниши, закрытые проволочной сеткой, в них проходят вентиляционные трубы, а в полу — дренажные. В бункере стало жарковато, и он снял куртку. Перебрал все. Нашел одну упаковку патронов 45-го калибра и три коробки гильз для охотничьего ружья. Чего не нашел, так это самого ружья. Взял электрический фонарь и обшарил пол и стены в поисках тайника. Потом развалился на кровати, съел плитку шоколада. Оружия в бункере он не нашел и не найдет никогда.

Проснувшись, услышал шипение фонаря над головой. При его свете оглядел стены, коробки и ящики. Не понимал, где он. Лежит на кровати, укрыт пальто. Сел и посмотрел на сына, спящего на соседней кровати. Ботинки под кроватью, он не

помнил, как и когда их снял. Достал из-под кровати, надел, поднялся по ступенькам, выдернул плоскогубцы из кольца и, приподняв дверь, выглянул наружу. Раннее утро. Посмотрел в сторону дома и на дорогу и уж было собрался захлопнуть дверь, как вдруг замер. Свет шел с запада. Значит, они проспали всю ночь и весь день. Опустил дверь, надежно запер, и спустился вниз, и сел на кровать. Оглядел коробки с продуктами. Еще пару дней назад он готовился к смерти, а теперь, когда забрезжила надежда, придется все хорошенько обдумать. Снаружи кто угодно заметит люк во дворе и сообразит, что это такое. Имей в виду. Это тебе не в лесу прятаться. Совсем наоборот. В конце концов он поднялся, подошел к столу, и наладил двухконфорочную газовую плитку, и зажег ее, и достал сковородку и чайник, и вскрыл пластиковую коробку с кухонными принадлежностями.

Мальчика разбудил шум ручной кофемолки. Он сел и стал оглядываться по сторонам:

— Папа?

— Привет. Есть хочешь?

— Мне в туалет. Писать.

Отец махнул лопаточкой в сторону низкой стальной двери. Биотуалет они оба видели впервые, и отец решил, что стоит разобраться, как им пользоваться. Надолго в бункере они не задержатся, но пока там сидят, наружную дверь лучше бы открывать пореже. Мальчик направился к двери, волосы слиплись от пота. Спросил:

— Что это?

— Кофе. Ветчина. Пресные булочки.

— Ух ты!

Поставил в промежутке между кроватями обувной шкафчик, постелил полотенце и расставил пластмассовые тарелки, чашки, разложил столовые приборы. Туда же — миску с хлебом, накрытую салфеткой, масло на тарелке и баночку концентрированного молока. Соль и перец. Посмотрел на сына. Заспанный, двигается еле-еле. Принес с плиты сковородку и подцепил вилкой кусок обжаренной ветчины, положил его мальчику на тарелку вместе с омлетом, и добавил полную ложку тушеных бобов, и налил кофе в чашку. Мальчик вопросительно посмотрел на отца.

— Начинай, а то остынет.

— С чего начать?

— Что больше нравится.

— Это что, кофе?

— Да. Смотри, намажь масло на хлеб, вот так...

— Хорошо.

— Ты ничего?

— Не знаю.

— Плохо себя чувствуешь?

— Нет, хорошо.

— А что тогда?

— Как ты думаешь, нам не надо этих людей поблагодарить?

— Каких людей?

— Ну, тех, которые нам все это дали.

— М-м-м. Ну, наверное... Стоило бы.

— Ты поблагодаришь??

— А почему не ты сам?

— Я не знаю как.

— Э-э, нет. Ты ведь знаешь, как сказать "спасибо".

Мальчик сидел, уставившись в тарелку. Похоже, растерялся. Отец только собрался открыть рот, как сын вдруг заговорил:

— Уважаемые люди, спасибо за еду и за вещи. Мы знаем, что вы приберегали их для себя, и, будь вы здесь, мы никогда бы к ним не притронулись, как бы голодны ни были. Нам очень жаль, что вы не смогли ими воспользоваться, и надеемся, что вы нашли покой в раю у Бога.

Посмотрел на отца снизу вверх:

— Так пойдет?

— Да, пойдет.

Мальчик ни за что не хотел оставаться в бункере один. Так и ходил за отцом взад-вперед по двору, пока тот перетаскивал пластиковые бутылки с водой в ванную комнату в глубине дома. Прихватили с собой газовую плитку и пару кастрюль, вскипятили воду, и вылили ее в ванну, и добавили туда холодной из бутылок. На все приготовления ушло много времени, но отец хотел, чтобы получилось как надо. Когда ванна наполнилась почти до краев, мальчик разделся и, дрожа, переступил бортик и лег на дно. Тощий, грязный, голый. Обхватил плечи руками. Темень, только и видно, что голубоватый щербатый круг огня на горелке плитки.

— Ну как?

— Ну вот, согрелся душой и телом.

— Согрелся душой и телом?!

— Ага.

— Откуда ты знаешь это выражение?

— Я не знаю откуда.

— Ну ладно. Хм, согрелся душой и телом.

Отец вымыл его засаленные спутанные волосы и хорошенько поскреб всего намыленной губкой. Спустил грязную воду, полил из ковшика, завернул дрожащего

ребенка в полотенце и затем еще в одеяло. Расчесал ему волосы, посмотрел. От мальчика шел густой пар, больше похожий на дым.

— Ты как, ничего?

— Очень ноги замерзли.

— Я сейчас, подожди.

— побыстрее.

Отец вымылся сам, и вылез из ванны, и насыпал в воду стирального порошка, и бросил туда их вонючие джинсы. Помешал квачом.

— Ты готов?

— Да.

Медленно прикрутил огонь в плитке. Погас. Включил фонарь и положил его на пол. Сели на край ванны, обулись. Отдал сыну кастрюлю и мыло, сам взял плитку, бутылочку бензина и револьвер. Закутались в одеяла и двинулись к бункеру.

Устроились на кровати в новых свитерах и носках, укутавшись в чистые одеяла, между ними — шахматная доска. Он сумел разжечь небольшой газовый обогреватель, сидели, потягивали кока-колу из пластмассовых кружек, а потом он сходил в дом, выжал джинсы, и принес их, и развесил сушиться.

— Сколько мы можем здесь оставаться, пап?

— Недолго.

— Сколько недолго?

— Точно не знаю. Может, день, может, два.

— Потому что опасно?

— Да.

— Ты думаешь, они нас найдут?

— Нет, они нас не найдут.

— Но могут.

— Нет, они нас не найдут.

После того как мальчик уснул, вернулся в дом и вытащил во двор кое-какую мебель. Затем вынес матрас, бросил его на дверь в земле и осторожно, чтобы не дай бог не сдвинуть матрас, слез вниз и опустил дверь, упираясь в нее головой. Вряд ли кого-то можно обмануть, но все же лучше, чем ничего. Пока сын спал, сидел на кровати и при свете фонаря строгал ножом из сучков фальшивые пули, примеряя то и дело, входят ли они в барабан. Ножом заточил кончик каждой пули, солью отполировал и так зачернил все сажей, что не отличишь от настоящих, свинцовых. Изготовил пять штук, и вставил в барабан, и защелкнул его, и повертел револьвер в руках, внимательно осматривая со всех сторон. Даже вблизи выглядит заряженным. Отложил и поднялся, чтобы проверить, как сохнут джинсы, развешанные над

обогревателем.

Помнится, сберег несколько пустых гильз, но они пропали вместе со всеми остальными вещами. Надо было бы ему сообразить и держать их в кармане. Мало этого, он и последнюю потерял. Решил, что, пожалуй, сможет воспользоваться гильзами сорок пятого калибра. Капсюли наверняка подойдут, если, конечно, удастся их вытащить, не испортив. А пули подогнать по размеру. Поднялся и обошел бункер с последней инспекцией. Затем прикрутил фитиль, лампа погасла, поцеловал мальчика и лег — на чистое белье! — на соседней кровати, и еще раз обвел взглядом их крохотный райский уголок, освещаемый подрагивающим светом обогревателя, и провалился в сон.

Городок давно опустел, и все же они с осторожностью шагали по грязным улицам, крепко держась за руки. Прошли мимо железного мусорного контейнера, приспособленного для сжигания трупов. Обугленные мясо и кости под слоем влажного пепла, не подумаешь, что человеческие, если бы не черепа. Запах давно исчез. В конце улицы набрели на магазин и в одном из проходов нашли три металлические тележки, забитые доверху пустыми коробками. Отец внимательно их осмотрел и, выбрав одну, наклонился, и осмотрел колеса, перевернув тележку, и вернул в нормальное положение, и прокатил туда-сюда по проходу. Мальчик сказал:

— Можем взять две.

— Не надо.

— Я тоже могу одну везти.

— Ты разведчик. Мне нужно, чтобы ты смотрел по сторонам и был начеку.

— Что же тогда делать со всеми припасами?

— Возьмем столько, сколько можем увезти.

— Думаешь, сюда кто-то придет?

— Иногда мне так кажется.

— Но ведь ты говорил, что никто не придет.

— Я не говорил, что никогда.

— Жаль, что мы не можем здесь остаться.

— Мне тоже.

— Если ты всегда начеку, это значит, что ты все время напуган?

— Ну, начнем с того, что именно страх заставляет человека быть бдительным. Осторожным. И подозрительным.

— Но в остальное время ты не боишься?

— В остальное время...

— Ага.

— Я не знаю. Может, надо ежесекундно быть начеку. Не растеряться, когда тебя

настигнет беда, а, наоборот, быть к ней готовым.

— Ты всегда ждешь неприятностей, пап?

— Да, но иногда теряю бдительность.

Усадив сына на ящик для обуви точно под фонарем, достал пластмассовый гребешок и ножницы и принялся за стрижку. Старался изо всех сил, а потому потратил много времени. Закончив, снял с плеч мальчика полотенце, и собрал с пола золотистые прядки, и обтер ему лицо и плечи влажной тряпкой, и поднес зеркало, чтобы тот мог на себя поглядеть.

— Просто замечательно, пап.

— Ну и хорошо.

— Я выгляжу очень худым.

— Ты и есть худой.

Он и себе подстриг волосы, но получилось не очень. Пока подогревалась вода, состриг ножницами бороду, а потом побрился безопасной пластмассовой бритвой. Мальчик наблюдал за его действиями. Закончив, посмотрел на себя в зеркало. Невыразительный подбородок. Сам удивился. Повернулся к сыну:

— Ну, как я выгляжу?

Мальчик вскинул голову:

— Не знаю... А тебе не будет холодно?

Приготовили роскошный ужин и уселись за стол при свечах: ветчина, и тушеная фасоль, и картофельное пюре с подливкой, и сдобные булочки. Нашел четыре литровых бутылки марочного виски — так и не распакованных, в бумажных пакетах из магазина, — плеснул немного в стакан, разбавил водой и выпил. Почувствовал головокружение, еще даже не успев ополовинить стакан, и больше пить не стал. На десерт поели консервированные персики с булочками и выпили кофе. Выкинули тарелки и пластмассовые приборы в мусорный пакет, а потом уселись играть в шашки, и вскоре мальчику пришлось лечь спать.

Ночью его разбудил приглушенный стук дождевых капель по матрасу, которым он замаскировал дверь. Должно быть, настоящий ливень, раз смог услышать. Встал, с фонариком поднялся по ступенькам и приподнял дверь и осветил вокруг: весь двор уже затопило, дождь лил как из ведра. Захлопнул дверь. По краям просочилась вода и капала по ступенькам, но бункер, надо думать, выстоит. Потрогал мальчика — весь потный; стащил с него одно одеяло и стал его обмахивать, затем уменьшил пламя в обогревателе и лег спать.

Когда проснулся в следующий раз, решил, что дождь перестал. Но проснулся от другого. Ему приснились ранее не виданные существа. Они не могли говорить. Привиделось, что они крались по бокам кровати, а как только он проснулся, сразу попрятались. Повернулся и посмотрел на мальчика. Тогда-то впервые до него дошло,

что для сына он сам инопланетянин. С планеты, которой больше нет. Рассказы про которую рождают подозрения. Разве можно просто для развлечения воссоздать то, что он потерял, не испытав горечь утраты? И мальчик понимал это значительно лучше, чем он сам. Попытался вспомнить сон, но не смог. От сна остались только ощущения. Подумал: а что, если они пришли его предупредить? О чем? О том, что невозможно в душе ребенка разжечь интерес к тому, что его самого давным-давно перестало волновать. Даже сейчас в дальнем уголке сознания теплилась мысль, что лучше бы им не наткаться на этот бункер. В глубине души он желал, чтобы всему настал конец.

Убедившись, что вентиль баллона надежно закрыт, все на том же ящике для обуви принялся разбирать плитку. Отсоединил нижнюю панель, и вытащил блок конфорок, и гаечным ключом открутил две из них. Вытряхнул из пластиковой банки болты и винтики, порылся и отыскал болт подходящего размера, и вкрутил его в одно из отверстий и туго затянул. Подсоединил шланг от баллона: получилась металлическая портативная плитка — легкая, как пушинка. Положил ее на ящик, ненужные детали собрал и бросил в мусор и поднялся наверх — посмотреть, какая погода. Матрас пропитался водой, так что он еле смог приподнять дверь. Стоя на верхней ступеньке, дверца — на плечах, стал осматриваться. Моросит. Невозможно определить, какое время суток. Посмотрел на дом, посмотрел на мокрые поля вокруг, захлопнул дверь, спустился и принялся готовить завтрак.

Весь день только и делали, что ели да спали. Он планировал двинуться дальше, но в такой дождь... Хороший повод задержаться еще на какое-то время. Тележка из магазина спрятана в сарае. Вряд ли в такую погоду кому-нибудь захочется отправиться в путешествие. Они перебирали припасы, прикидывая, что можно взять с собой, откладывали нужные вещи в отдельную кучу в углу бункера. Короткий день промелькнул незаметно. К вечеру дождь стих, и тогда они вылезли наружу и стали перетаскивать в сарай коробки, и узлы, и пластиковые пакеты и укладывать все это на тележку. Слабо освещенный люк посреди темного двора с виду — точь-в-точь разверзшаяся могила со старого полотна, изображающего конец мира. Заполнив тележку доверху, отец укрыл ее куском полиэтилена и, пропустив веревки через кольца по краям получившейся накидки, крепко привязал к прутьям тележки. Отступили назад и в свете фонарика посмотрели, как получилось. Мысленно отругал себя за то, что не сообразил прихватить из магазина парочку запасных колесиков. Поздно. Зеркало со старой тележки тоже бы пригодилось, да что теперь говорить... Поужинали и легли спать. Ранним утром по очереди выкупались в ванной, помыли голову, позавтракали и с первыми лучами уже шли по дороге, в чистых масках, вырезанных из простыни. Мальчик впереди, сметает веником на обочину сучки и ветки, отец склонился над ручкой тележки и всматривается в теряющуюся вдаль дорогу.

По сырому лесу перегруженную тележку не провезти. В обед остановились прямо на дороге, и вскипятили чай, и доели последнюю ветчину из банки с крекерами и горчицей. Яблочное пюре на десерт. Сидели спина к спине, следили за дорогой.

— Пап, ты знаешь, где мы?

- Приблизительно.
- Это как?
- Ну, думаю, до побережья еще миль двести. Если по прямой, как летит стая ворон.
- Стая ворон?
- Ну да, если не сворачивать и не блуждать.
- Мы скоро туда доберемся?
- Не так чтобы очень скоро, но уже немного осталось. Мы же не птицы.
- Потому что птицам не надо держаться дороги?
- Да.
- И они могут лететь куда хотят?
- Да.
- Как ты думаешь, есть еще где-нибудь вороны?
- Не знаю.
- Ну скажи, как ты думаешь?
- Думаю, вряд ли.
- А они могли улететь куда-нибудь, например, на Марс?
- Нет, не могли.
- Слишком далеко?
- Да.
- Даже если бы хотели.
- Даже тогда.
- А что, если они пробовали и на полпути устали. Они что, упадут вниз?
- Знаешь, не могли они так высоко забраться, лететь-то надо в космосе, а там воздуха нет. К тому же в космосе холодно, и они бы просто замерзли насмерть.
- А-а-а.
- Да и потом, откуда им знать, где Марс.
- А мы знаем, где Марс?
- Приблизительно знаем.
- А если бы у нас был космический корабль, мы могли бы туда отправиться?
- Ну, если бы это был действительно хороший корабль и нашлись люди, чтобы тебе помочь, то, думаю, ты бы смог.
- А на Марсе есть вода и продукты?
- Нет, там ничего нет.
- А-а-а.

Сидели долго, подстелив сложенные одеяла. Наблюдали за дорогой: один смотрел в одну сторону, второй — в другую. Тихо, безветренно. Никакого движения. Погодя мальчик пробормотал:

— Нет никаких ворон, да ведь?

— Нет.

— Только в книжках про них пишут.

— Только в книжках.

— Так я и думал.

— Ты готов идти?

— Да.

Поднялись, убрали кружки и остатки крекеров. Отец сложил одеяла на тележку, прикрыл полиэтиленом, а потом стоял, пристально смотря на мальчика.

— Что, пап?

— Я знаю: ты думал, что мы умираем.

— Ага.

— Но мы выжили.

— Ну да.

— Хорошо.

— Можно я кое-что у тебя спрошу?

— Конечно.

— Если бы превратиться в ворону, можно бы было полететь высоко и увидеть солнце?

— Да, можно.

— Я тоже так подумал. Вот было бы здорово.

— Да. Ну что, готов?

— Готов.

Отец остановился, спросил:

— Куда подевалась дудочка?

— Я ее выкинул.

— Выкинул?

— Да.

— Хм, ну ладно.

— Ладно.

В нескончаемых вечерних сумерках они пересекали реку и, опершись на парапет, разглядывали медленный поток мертвой воды под мостом. Сквозь завесу пепла ниже по течению, как черная бумажная декорация, маячил силуэт сгоревшего города. Увидели его еще раз уже в темноте, поднимаясь вверх по склону высокого холма. Толкали тяжелую тележку, остановились перевести дух, и отец развернул колесики так, чтобы тележка не покатила вниз. Маски успели запачкаться, особенно около рта, вокруг глаз — черные круги. Сели в пепел на обочине и смотрели на восток, где силуэт города стал сливаться со сгущающейся темнотой. Не видно ни огонька.

— Как ты думаешь, там кто-нибудь есть, пап?

— Не знаю.

— Когда мы уже остановимся?

— Хочешь, прямо сейчас.

— На холме?

— Спустим тележку вон к тем камням и укроем ее ветками.

— А это хорошее место для стоянки?

— Ну, никто не любит останавливаться на вершине холма. А нам и не надо, чтобы они останавливались.

— Так что это место нам подойдет.

— Да, подойдет.

— Потому что мы не дураки.

— Ладно, ладно. Главное — не обдурить самих себя.

— Хорошо.

— Ты готов?

— Да.

Мальчик поднялся, взял веник и закинул его себе на плечо. Посмотрел на отца:

— Ну, какие у нас долгосрочные планы?

— Что?

— Долгосрочные планы.

— Где ты слышал это выражение?

— Не знаю.

— Ну правда, где?

— Ты сам так сказал.

— Когда?

— Давно.

— И каков был ответ?

— Я не знаю.

— И я тоже. Ладно, пошли. Темнеет.

На следующий день ближе к вечеру, когда они подошли к повороту дороги, мальчик вдруг остановился и положил руку на тележку. Прошептал: «Папа». Отец поднял голову. Впереди на дороге маячила фигура: человек шел, согнувшись, с трудом передвигая ноги.

Отец стоял, облокотившись на ручку тележки. Пробормотал:

— Ну, кого еще черти принесли?

— Что же нам делать, пап?

— Может, это западня.

— И что будем делать?

— Давай пойдем за ним. Посмотрим, обернется он или нет.

— Давай.

Путник явно не собирался оборачиваться. Какое-то время они просто шли за ним, а потом ускорили шаг и нагнали его. Старик, невысокого роста, сутулый. За плечами — армейский рюкзак с привязанным сверху одеялом. В руках очищенная от коры палка — нащупывает ей дорогу. Увидев их, отошел к самой обочине и повернулся к ним лицом. Смотрит опасно. Челюсть подвязана грязнущим полотенцем, будто зубная боль его замучила. Воняет невыносимо. Не то чтобы от них самих уж очень хорошо пахло, и все же...

— У меня ничего нет. Хотите, проверьте.

— Мы не грабители.

Повернул голову так, чтобы лучше слышать:

— Что?

— Говорю, мы не грабители.

— Кто же вы тогда?

Что они могли сказать ему в ответ? Старик вытер нос рукой и стоял в ожидании. Ноги обернуты в тряпки и куски картона и перевязаны зелеными веревками, сквозь дырки и прорехи в одежде видны слои отвратительных лохмотьев. Как-то вдруг сник. Оперся на палку, и опустился на дорогу, и сел прямо в кучу пепла, закрыв одной рукой голову. Стал похож на ворох тряпья, упавший с тележки. Они подошли поближе и остановились.

— Эй, послушайте!

Мальчик нагнулся к старику и прикоснулся рукой к его плечу:

— Пап, он напуган. Он очень боится. Отец оглядел дорогу:

— Если это засада, убью его первым.

— Пап, он просто боится.

— Скажи ему, что мы его не обидим.

Старик качал головой из стороны в сторону, вцепившись пальцами в грязные волосы. Мальчик посмотрел на отца:

- Может, он думает, что мы ему привиделись.
- И кто же мы тогда, по его мнению?
- Я не знаю.
- Нам нельзя здесь задерживаться. Надо идти дальше.
- Он боится, папа.
- Не советую тебе прикасаться к нему.
- А может, дадим ему поесть?

Стоял, смотрел на дорогу. Прошептал: "Черт побери". Посмотрел на старика. Ну что, он превратится в бога, а они — в деревья? Сказал:

— Ну хорошо, хорошо.

Развязал полиэтилен на тележке, откинул его в сторону и, порывшись в банках, выудил одну — с фруктовым салатом, достал открывалку из кармана, открыл банку, отогнул крышку, пошел обратно и, присев, передал банку сыну.

- А ложка?
- Ложка ему не положена.

Мальчик взял банку и протянул ее старику, прошептав:

— Возьмите. Вот.

Старик поднял глаза и посмотрел на мальчика. Тот совал ему банку. Похоже, будто на дороге кто-то наткнулся на раненого стервятника и пытается его накормить. Мальчик повторял:

— Не бойтесь.

Старик опустил руки. Заморгал. Серо-голубые глаза. Глубоко спрятаны в мешочках между тонких забитых грязью морщин.

— Да берите же.

Старик протянул костлявую скрюченную руку, взял банку, прижал к груди.

— Ешьте, это вкусно.

Мальчик поднес к губам воображаемый сосуд и сделал глотательное движение. Старик посмотрел на банку. Перехватил покрепче и поднял, поводя носом. Длинные желтоватые паучьи пальцы поскребли по металлу. Потом наклонил банку и отпил. Жидкость потекла вниз по немойтой бороде. Опустил банку, долго, с трудом жевал. С усилием проглотил, так что голова дернулась. Ребенок прошептал:

- Пап, смотри, ест.
- Да, вижу.

Мальчик повернулся к отцу. Тот сказал:

- Я догадываюсь, о чем ты хочешь попросить. Сразу говорю: "Нет!"
- Ну и что я хотел спросить?

- Не можем ли мы его взять с собой? Нет, не можем.
- Я знаю.
- Ты знаешь?
- Да.
- Ну хорошо.
- Мы можем ему еще что-нибудь дать?
- Сначала убедимся, что он с этим справится.

Смотрели, как он ест. Закончив, уставился на пустую банку, может, в надежде, что она как по волшебству наполнится!

- Что ты хочешь ему дать?
- А ты как думаешь?
- Я-то думаю, что ничего ему давать не надо. Что бы ты хотел?
- Могли бы приготовить что-нибудь на плитке. А он бы с нами поел.
- На ночлеге?
- Ну да.

Отец посмотрел на старика и на дорогу. Сказал:

- Ладно. Но завтра мы идем дальше. Мальчик промолчал.
- Это все, на что я согласен.
- Хорошо.
- "Хорошо" означает "договорились раз и навсегда". Означает, что завтра ты не начнешь канючить.
- Это как — канючить?
- Это значит, что завтра ты не заведешь об этом разговор и не примешься меня переубеждать. Никаких переговоров. Договорились, и точка.
- Хорошо.
- Вот и отлично.

Они помогли старику встать и подали ему палку. Едва ли весит больше ста фунтов. Стоит и неуверенно оглядывается. Отец забрал у него пустую банку и закинул подальше в лес. Старик попытался отдать ему палку, но отец оттолкнул его руку. Спросил:

- Когда вы в последний раз ели?
- Я не знаю.
- Вы не помните?
- Только что ел.

— Хотите поесть с нами?

— Не знаю.

— Не знаете?

— Что поесть?

— Может, тушеную говядину. С крекерами. Выпить кофе.

— Что я должен за это сделать?

— Сказать нам, что произошло с миром.

— Что?

— Ничего нам от вас не надо. Вы идти можете?

— Я могу идти.

Посмотрел на мальчика:

— Ты ведь маленький мальчик? Мальчик вопросительно поглядел на отца.

— А на кого он похож, по-вашему?

— Не знаю. Я плохо вижу.

— А меня вы видите?

— Я вижу только силуэт.

— И то хорошо. Надо двигаться. — Посмотрел на сына: — Не держи его за руку.

— Он же не видит.

— Не держи его за руку.

Пошли. Старик спросил:

— Куда мы идем?

— Мы идем есть.

Старик кивнул, и выставил вперед палку, и начал ощупывать ею дорогу впереди себя.

— Сколько вам лет?

— Девяносто.

— Неправда.

— Пусть.

— Вы всем говорите, что вам девяносто?

— Кому всем?

— Кого встречаете.

— Ну да.

— Чтобы они вас не тронули?

— Да.

— Ну и как, помогает?

- Нет.
- Что в рюкзаке?
- Ничего. Можешь посмотреть.
- Посмотреть-то я могу... Что там?
- Ничего интересного. Барахло.
- Еды нет?
- Нет.
- Как вас зовут?
- Илай.
- Илай. А фамилия?
- Просто Илай нельзя?
- Можно. Пошли.

Остановились в лесу, слишком, пожалуй, близко от дороги. Пришлось волоком тащить тележку, мальчик подталкивал ее сзади. Развели костер, чтобы старик мог согреться, хотя и не стоило бы: костер мог их выдать. Ужинали. Старик, завернувшись в свое единственное одеяло, сидел у огня, держал ложку по-детски неловко. У них было всего две кружки, и гостю пришлось пить кофе из суповой миски, крепко вцепившись в края пальцами. Сидит, как изможденный оборванный будда, уставился на угли. Отец сказал:

— Мы вас с собой не возьмем, вы, надеюсь, это понимаете. Старик утвердительно кивнул.

- Сколько лет вы в пути?
- Давно. Нельзя оставаться на одном месте.
- Как же вы живете?
- Всегда в дороге. Я знал, к чему все идет.
- Знали, к чему все идет?
- Ну да. К этому или чему-то подобному. Всегда это знал.
- И пытались как-то подготовиться?
- Нет. А ты что бы стал делать?
- Не знаю.

— Люди всегда готовятся к будущему. Я же об этом никогда не заботился. Будущее их не ждет. Оно даже не подозревает об их существовании.

— Пожалуй, что так.

— Пусть ты даже когда-то знал, что делать, но теперь-то не знаешь. Не знаешь, хочешь ты это делать или нет. Представь, что ты единственный оставшийся в живых человек. Представь теперь, что это был твой выбор.

— Хотите умереть?

— Нет. Но, может быть, когда-нибудь пожалею, что еще не умер. Пока мы живы, смерть маячит впереди.

— А может, думаем: "Лучше бы я вообще не родился"?

— Ты разве не знаешь, что просители не имеют свободы выбора?

— Думаете, чересчур много просят?

— Того, что случилось, уже не изменить. И вообще, глупо в такие времена чего-то желать. Желания — слишком большая роскошь.

— Пожалуй, что так.

— Сегодня никто не желает жить и никто не хочет умирать.

Старик поднял голову и посмотрел на мальчика, сидящего напротив.

Затем посмотрел на отца. Маленькие старческие глазки, внимательно следящие за собеседником в свете костра. Одному Богу известно, что этим глазам привелось видеть на своем веку. Отец встал, чтобы подкинуть дров. Сгрэб угли к центру, подальше от сухих листьев. Красные искры взметнулись и погасли под черным куполом неба. Старик допил кофе, и поставил миску на землю, и подвинулся к огню, вытянув вперед руки. Отец наблюдал за ним. Спросил:

— Как вы узнаете, что остались один на свете?

— Вряд ли я это пойму. Просто один, и все.

— И никто не узнает.

— А какая разница? Когда ты умираешь, все вокруг умирают вместе с тобой.

— Думаю, Бог это будет знать. Согласны?

— Бога нет.

— Нет?

— Бога нет, а мы его пророки.

— Не понимаю, как вы выжили. Чем вы питаетесь?

— Не знаю.

— Не знаете?

— Люди со мной делятся.

— Люди делятся...

— Да.

— Едой?

— Едой, ну да.

— Неправда.

— Вы же поделились.

— Я — нет, это мальчик.

— На дороге встречаются разные люди. Не вы одни.

— А вы-то сами как, совсем один?

Старик посмотрел с недоумением:

— Что ты имеешь в виду?

— С вами есть кто-нибудь?

— Кто?

— Какие-нибудь люди?

— Никого нет. О чем ты?

— Я о вас говорю. Вы на самом деле чем занимаетесь? Старик промолчал.

— Думаю, вы хотели бы к нам присоединиться.

— Присоединиться?

— Да.

— Вы меня с собой не возьмете.

— Вы сами не хотите идти.

— Я бы так далеко не зашел, если бы не голод.

— Ну а люди, которые поделились с вами едой, где они?

— Нет никаких людей, я все придумал.

— Что вы еще придумали?

— Я просто иду по дороге, как вы. Никакой разницы.

— Вас правда Илай зовут?

— Нет.

— Не хотите назвать свое настоящее имя?

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что тебе не доверяю. Вдруг ты решишь его как-то использовать? А я не хочу, чтобы про меня пошли разговоры. Где я был, да что сказал, когда там был... Конечно, ты можешь обо мне поговорить. Но никто не поймет, что ты про меня рассказываешь. На моем месте может быть кто угодно. В наше время чем меньше говоришь, тем лучше. Вот если бы что-то произошло, а мы оба выжили и встретились на дороге, тогда бы у нас было что обсудить. Но мы не выживем. А на нет и суда нет.

— А может, выживем.

— Ты самому себе врешь и мальчика обманываешь.

— А вы часом не шестерка из банды разведчиков?

— Я — никто. Хочешь, я уйду. Дорогу и сам найду.

— Я вас не гоню.

— Понимаешь, я сто лет не видел костра. Живу, как дикий зверь. Тебе лучше не

знать, что мне случается есть. Когда я увидел мальчика, то решил, что я умер.

— Подумали, что встретили ангела?

— Не знаю, за кого я его принял. Не верил, что еще раз придется увидеть ребенка. Не знал, что такое произойдет.

— А если я скажу, что он бог?

Но старик покачал головой:

— С этими иллюзиями я распрощался. Давно. Там, где людям не выжить, богам делать нечего. Вот увидишь. Лучше всего быть одному. Так что я надеюсь, что ты ошибся, назвав его богом. Иметь в попутчиках последнего бога на земле — это ужасно. Вот почему я и надеюсь, что ты заблуждаешься на этот счет. Будет намного спокойнее, когда никого на земле не останется.

— Уверен?

— Не сомневайся.

— Кому спокойнее?

— Всем.

— Всем?!

— Да-да. Нам всем. Станет легче дышать.

— Приятно слышать.

— Точно. Когда мы все умрем, никого не останется, кроме смерти, да и ее дни будут сочтены. Она пойдет по дороге, а вокруг пусто, никого нет. Что ей тогда делать? Вот она и спросит: "Где все?" Так всё и будет. Ну, разве плохо?

Утром они стояли на дороге и спорили, что из еды дать старику на прощание. Договорились, что много он не получит. Несколько банок овощей и фруктов. Потом мальчик отошел на обочину и уселся прямо в пепел. Старик уложил банки к себе в рюкзак и затянул лямки.

— Вы ему хоть спасибо скажите, — пробормотал отец. — Моя воля, я бы ничего не дал.

— Может, скажу, а может, и нет.

— Почему нет?

— Я бы ему свою еду не отдал.

— Вас не волнует, что вы его этим обидите?

— Он расстроится?

— Нет. Он не ищет благодарности.

— Тогда почему он так поступил?

Отец оглянулся на мальчика, затем посмотрел на старика:

— Вам не понять. Не уверен, что я сам это понимаю.

— Может, он верит в Бога.

— Не знаю, во что он верит.

— Вырастет — изменится.

— Сомневаюсь.

Старик ничего не сказал, только стоял и вглядывался в наступающий день.

— Удачи вы нам тоже не пожелаете?

— Я не знаю, что такое удача. На что она похожа. Есть кто-то, кому повезло?

Дальше все пошло своим чередом. Оглянувшись, увидел, что старик зашагал по дороге, стучит своей палкой, медленно бредет у них за спиной, словно нищий из старой сказки, мрачный, сторбленный, на тоненьких, паучьих ножках, идет еле-еле, чтобы вскоре навсегда исчезнуть. Мальчик ни разу не оглянулся.

Пополудни они расстелили полиэтилен на дороге, и сели, и съели холодный обед. Отец не сводил с мальчика глаз.

— Ты на меня не злишься?

— Нет.

— Но ты недоволен.

— Да нет, я нормально.

— Как только у нас закончатся продукты, у тебя будет больше времени все хорошенько обдумать.

Сын промолчал. Сидели, ели. Мальчик обернулся назад, на дорогу. Погодя сказал:

— Знаю. Но я буду вспоминать это иначе, чем ты.

— Скорее всего.

— Я ж не сказал, что ты был не прав.

— Хотя и подумал?

— Не-е-ет.

— Да ладно. Разве встретишь что-нибудь хорошее на дороге?! В такие-то времена...

— Не насмехайся над ним.

— Ладно.

— Он ведь скоро умрет.

— Да, я знаю.

— Пойдем дальше? Можно?

— Да, конечно. Пошли.

Ночью проснулся — опять кашель. Кашлял долго, пока не заболело в груди. Наклонился к огню, и подул на угли, и подложил веток. А потом встал и ушел в лес,

но не очень далеко, чтобы не потерять из виду слабый отсвет костра. Встал на колени в куче сухих листьев и пепла, кутаясь в одеяло, через некоторое время кашель унялся. Подумал: "Как он там, старик?" Посмотрел на костер, виднеющийся сквозь частокол черных деревьев. Хорошо бы мальчик уснул. Так и сидел, упершись руками в колени, хрипло дыша. Сказал: "Я скоро умру. Научи меня, как это лучше сделать".

Весь следующий день провели в пути. Шли, пока не стало совсем темно. Не мог отыскать защищенное место, чтобы разжечь костер. Достал плитку из тележки — что-то она слишком уж легкая. Сел и повернул вентиль. Оказалось, он уже открыт. Покрутил маленький рычажок на горелке. Ничего. Наклонился и послушал. Поворачивал оба вентиля то поочередно, то одновременно. Баллончик — пустой. Сидел на корточках, сцепив обе руки будто в кулак и упершись в него лбом, глаза закрыты. Потом поднял голову и просто сидел, вглядываясь в темнеющий лес.

Съели холодный ужин: кукурузная лепешка, бобы и сосиски из банки. Мальчик спросил, как могло получиться, что баллончик так быстро опустел. Ответил, что, мол, опустел, и все.

— Ты же говорил, что газу нам хватит на несколько недель.

— Говорил.

— Но ведь прошло только несколько дней!

— Я ошибся.

Ели в молчании. Затем мальчик сказал:

— Это я забыл завернуть вентиль, да?

— Не твоя вина. Я сам должен был проверить.

Мальчик поставил тарелку на полиэтилен. Отвернулся.

— Ты не виноват. Надо всегда закрывать оба вентиля. И внутри надо было сделать тефлоновую прокладку, чтобы газ не утекал. А я не сделал. Так что моя вина. Я ведь тебя не предупредил.

— Про тефлон ты только сейчас придумал, да?

— Ты не виноват.

С трудом шли вперед, отошавшие грязные бродяги. От холода закутались с головой в одеяла, пар дыхания поднимается вверх, еле передвигают ноги по черным блестящим лужам. Пересекали широкую прибрежную равнину, где извечный ветер с воем окутывал их облаками пепла и вынуждал искать хоть какое-нибудь убежище. В домах, или в сараях, или в придорожной канаве. Одеяла поверх голов, днем — темнота чернее преисподней. Прижимал промерзшего до костей мальчика к себе. Говорил: "Не теряй надежду. Все у нас будет в порядке".

Куда ни глянь, сплошные овраги, да оползни, да следы эрозии, да бесплодная

земля. Там и тут валяются кости животных. Кучки непонятного мусора. Фермерские дома в полях, дожди смыли всю краску, щиты на стенах изогнулись и отошли от балок. Не отбрасывают тени. Не отличить один от другого. Дорога понижалась и прорезала заросли мертвой пуэрарии. В болоте сухой тростник склонился над водой. Вдали, где поля сливаются с горизонтом, висит угрюмое марево. Во второй половине дня пошел снег, и они накрылись полиэтиленом, только и слышно, как мокрый снег шуршит по накидке.

За последние недели спал очень мало. Однажды проснулся утром, а мальчик исчез. Сел, держа револьвер в руке, потом встал и посмотрел по сторонам — сына нет. Натянул ботинки и пошел к краю леса. Тусклый рассвет на востоке. Неприветливое солнце начинает свой холодный путь. Увидел бегущего по полю сына. Тот кричит ему:

- Папа! Я нашел в лесу поезд!
- Поезд?
- Да!
- Настоящий поезд?
- Да! Пойдем покажу!
- Надеюсь, ты к нему близко не подходил?
- Нет. Издали рассматривал. Ну, пошли же.
- Там никого нет?
- Нет. Не думаю. Я за тобой вернулся.
- А локомотив есть?
- Да. Большой, дизельный.

Пересекли поле и вошли в лес с противоположной стороны. Рельсы, уложенные на насыпи, уходили в глубь леса. Поезд состоял из дизельно-электрического локомотива с семью пассажирскими вагонами. Отец схватил мальчика за руку:

- Давай-ка посидим и понаблюдаем.
- Сидели на пригорке, наблюдали. Все спокойно. Протянул револьвер мальчику.
- Папа, возьми с собой.
- Нет, так не пойдет. Держи.

Мальчик взял и сел, положив револьвер на колени, а отец спустился с пригорка, остановился и стал разглядывать поезд. Пересек рельсы и пошел вдоль вагонов. Обойдя состав, вынырнул из-за последнего вагона и махнул мальчику, чтобы тот шел к нему. Сын вскочил и заткнул револьвер за пояс.

Все покрыто толстым слоем пепла. Мусор в проходах. Чемоданы, снятые с верхних полок, распотрошенные, лежат на сиденьях бог весть с каких времен. За исключением стопки бумажных тарелок, что он нашел в вагоне-ресторане, и сдул с них пыль, и

засунул за пазуху, ничего нужного больше в поезде не осталось.

— Как он сюда попал, пап?

— Не знаю. Наверное, кто-то решил двинуть на нем на юг. Группа людей. Здесь у них кончилось горючее.

— Давно он здесь?

— Да, думаю, что давно. Очень давно.

Они закончили осматривать последний вагон и, пройдя вдоль насыпи, подошли к локомотиву и взобрались на узкий мостик. Ржавчина. Облупившаяся краска. Протиснулись в кабину и сдули пепел с кресла машиниста, и он усадил мальчика перед рычагами управления. Все очень просто. Голову ломать не надо, двигаешь себе рычаг взад-вперед. Сымитировал стук колес и свисток паровоза, задумался: а знакомы ли мальчику эти звуки? Поиграли, а затем смотрели сквозь заросшее грязью стекло, как рельсы сворачивают и исчезают в бурьяне. Хоть и глядели на мир каждый по-своему, но воспринимали его одинаково: знали, что состав так и будет год за годом разрушаться на этом месте. Знали, что поезда никогда больше ходить не будут.

— Можем идти, пап?

— Да. Конечно.

Иногда на дороге стали попадаться пирамидки из камушков. Условные знаки на языке кочевников, непригодившиеся зарубки на память. Впервые он их заметил еще на севере, на окраинах разграбленных и опустошенных городов. Полные отчаянья послания любимым. Пропадшим или погибшим. К тому времени продуктовые запасы истощились, и убийство вступило в свои права. Вскоре дошло до того, что по земле стали рыскать толпы людей, готовых сожрать твоих детей у тебя на глазах. В городах бесчинствовали банды заросших грязью грабителей, они рыли тоннели в развалинах, вылезали из-под обломков — на черных лицах сверкают зубы и белки глаз, — тащили за собой в нейлоновых сетках обгоревшие банки с неизвестной едой, будто нахватили их в распределителях в преисподней. Пушистый черный порошок закручивался на улицах, как на океанском дне спиралью закручиваются выпущенные осьминогом чернила. И пришел холод, и рано стало темнеть, и оборванные бродяги, при свете факелов спускаясь по крутым склонам в ущелья, оставляли за собой неглубокие следы в пепле, и следы исчезали быстро и беззвучно, словно над ними сомкнулись веки. На дорогах странники валились наземь и умирали, а унылая, покрытая саваном Земля продолжала равнодушно вращаться вокруг Солнца. Ее движение неприметно, как путь любой другой безымянной планеты в дремучем космосе.

Продукты у них закончились задолго до того, как они достигли побережья. Шли по местности, опустошенной и разграбленной много лет назад. Ничего не осталось ни в жилых домах, ни в зданиях вдоль дороги. Из телефонного справочника на бензоколонке узнал, как называется городок, в который они забрели, и записал название карандашом на полях карты. Сели на бордюр, ели крекеры и искали это место на карте. Не нашли. Перебрал куски карты и посмотрел еще раз. Наконец-то!

Показал мальчику. Миль на пятьдесят отклонились на запад от того места, где, как он считал, должны были оказаться. Нарисовал на карте две фигурки. Сказал: "Это мы". Мальчик провел пальцем оттуда до побережья. Спросил:

— Сколько еще идти?

— Недели две. Три.

— Он синий?

— Океан? Не знаю. Раньше был синий.

Мальчик кивнул. Сидел и рассматривал карту. Отец наблюдал за ним. Догадался, о чем он думает. Сам в детстве обожал путешествовать по картам, не убирая пальца с той точки, которой был обозначен их городишко. Это как искать родных в телефонной книге. Каждый сам по себе и в то же время часть целого. Все на своих местах. Но у каждого свое место.

— Ну, пошли. Пора.

Ближе к вечеру зарядил дождь. Свернули с дороги, и по тропинке в поле вышли к маленькому сарайчику, и в нем провели ночь. На бетонном полу в дальнем углу стояли жестяные бочки. Он припер ими дверь, разжег костер на полу, а из сплюснутых картонных коробок устроил себе и сыну подстилки. Всю ночь по железной крыше барабанил дождь. Проснулся: дрова прогорели, холодище. Мальчик не спит, сидит, закутавшись в одеяло.

— Что случилось?

— Ничего особенного. Плохой сон приснился.

— Что тебе приснилось?

— Неважно.

— Ты как?

— Так себе.

Он обнял его и прижал к себе. Сказал:

— Ладно, забудь.

— Я плакал, а ты не проснулся.

— Прости, свалился от усталости.

— Да нет же, я про сон говорю.

К утру дождь перестал. Проснулся и слушал ленивый перестук капель. Поерзал на твердом бетонном полу и посмотрел сквозь доски наружу, на серые окрестности. Мальчик пока спит. Лужицы дождевой воды на полу, от каждой упавшей капли вспухают пузыри, и разбегаются, и лопаются. И так без конца. Однажды в городишке у подножия гор они тоже ночевали в похожем месте. Слушали дождь. Там же наткнулись на старомодное заведение: тут тебе и аптека, и закусочная, и магазин. Прилавок из черного мрамора, высокие хромированные табуреты с выдавшими виды сиденьями, кое-как заклеенными изоляционной лентой. Аптечный ларек разграбили, а

сам магазин, как ни странно, не тронули. Полки заставлены дорогой электронной техникой. Стоял, рассматривал магазин. Большой выбор. Галантерея. А это что? Схватил сына за руку и потащил к выходу, но было уже поздно — ребенок успел увидеть. В конце прилавка под стеклянным колпаком для торта — человеческая голова. Отрубленная. В кепке. Высохшие глаза глубоко запали в глазницы. Выражение глубокой грусти. Или ему это приснилось? Нет. Поднялся, и наклонился, и подул на угли, и продвинул в середину полуобгоревшие доски, и костер тогда хорошо занялся.

— Где-то же есть хорошие люди. Ты сам говорил.

— Говорил.

— Ну и где же они?

— Прячутся.

— От кого?

— Друг от друга.

— Их много?

— Этого мы не знаем.

— Но сколько-то есть, да?

— Сколько-то, конечно, есть.

— Это правда?

— Да, правда.

— А может, и нет.

— Думаю, что правда.

— Ну хорошо.

— Ты мне не веришь.

— Верю.

— Вот и отлично.

— Я всегда тебе верю.

— Сомневаюсь.

— Всегда. Я должен тебе верить.

Возвращались по грязи назад на дорогу. После дождя пахнет землей и мокрым пеплом. Придорожная канава с черной водой. Хлещет из железной дренажной трубы. Пластмассовый олень во дворе. Чуть позже в тот же день вошли в небольшой городок. Им навстречу из-за грузовика вышли трое мужчин, загородили дорогу. Истощенные, в каком-то тряпье. В руках — куски труб. Спросили: "Что у тебя в тележке?" Он направил на них револьвер. Не двигаются. Сын вцепился в его куртку. Все молчат. Начал толкать тележку, отступили к обочине. Отдал тележку мальчику, а сам шел пятясь, направив на них револьвер. С таким видом, будто он разбойник с большой

дороги, а у самого сердце почти выскакивало из груди и вот-вот начнется приступ кашля. Те трое вернулись на прежнее место, не спуская с них глаз. Засунул револьвер за пояс, и повернулся к ним спиной, и взялся за тележку. Взобравшись на пригорок, оглянулись: стоят. Велел мальчику везти тележку, сам пересек какой-то двор и вышел на пятачок, откуда дорога хорошо просматривалась: испарились. Мальчик был сильно напуган. Отец бросил револьвер поверх вещей, забрал у мальчика тележку, и они пошли дальше.

Залегли в поле и до самой темноты наблюдали за дорогой. Никто не проходил. Холодно. Когда совсем стемнело, вытащили тележку на дорогу, он выдернул одеяла, закутались и пошли. Вслепую. Одно колесико стало периодически попискивать, придется с этим мириться. Так они брели несколько часов, а потом, с трудом пробравшись сквозь придорожный кустарник, дрожащие и обессиленные, улеглись на холодной земле и проспали до наступления дня. Проснувшись, понял, что заболел.

У него начался жар, пришлось отлеживаться в лесу. Словно беглецам. Негде разжечь костер. Небезопасно. Мальчик сидел в ворохе листьев, смотрел на отца. Черные круги под глазами.

— Ты не умираешь, папа? Не умираешь?

— Нет, просто сильно заболел.

— Мне очень страшно.

— Я понимаю. Ничего-ничего. Я поправлюсь, вот увидишь.

Его сны преобразились. Вернулся исчезнувший мир. Видел свою семью, все давно умершие, искоса, по-чуждому на него смотрят. Никто ни слова. Стал вспоминать свою жизнь. Эпизод из далекого прошлого. Мрачный день в городе в какой-то чужой стране. Он стоит у окна и смотрит вниз на улицу. У него за спиной — деревянный столик с погасшей лампой. На столе — книги и бумаги. Начался дождь, и тогда кот, сидящий на противоположной стороне улицы, встал, и перешел дорогу, и, зевая, уселся под навесом кафе. За столиком сидела женщина, подперев голову руками. Много лет спустя он стоял в уничтоженной пожаром библиотеке с валяющимися в лужах на полу почерневшими книгами. Опрокинутые книжные полки. Вспыхнула злость на это собрание лжи, заключенной в тысячах и тысячах томов. Поднял один — тяжелый, разбухший от воды — и полистал страницы. Ему никогда не приходило в голову, сколь важны будут любые мелочи, о которых говорилось в книгах. Поразила: ведь ничего похожего на сегодняшний мир не существовало. Выронил книгу, и бросил последний взгляд, и вышел навстречу холодному серому свету.

Прошло три дня. Четыре. Спал отвратительно. Проснулся от мучительного кашля. Хриплое дыхание.

— Извини, — прошептал в безучастную темноту.

— Ничего, — откликнулся мальчик.

Зажег крохотный масляный светильник и оставил его на камне, встал и поковылял по сухим листьям, закутавшись в одеяло. Мальчик прошептал ему в спину, чтобы он не уходил.

— Я чуть-чуть. Совсем недалеко. Услышу, если крикнешь.

Если ветер задует светильник, обратной дороги ему не найти. Сидел в листьях на вершине холма и всматривался в черноту. Смотреть не на что. Ветра нет. В прошлом, когда он так же подымался на гору, и сидел, и разглядывал едва различимые очертания местности, где заблудившаяся луна прокладывала себе дорогу посреди отравленной пустыни, иногда видел мерцание света. Расплывчатое и тусклое в густом мраке. На другом берегу реки или далеко в темных кварталах сожженного города. По утрам он возвращался на то же место с биноклем и изучал окрестности в надежде увидеть дымок костра, но ни разу так и не увидел.

Стоит на краю зимнего поля в толпе суровых мужчин. Лет ему приблизительно столько же, сколько сейчас сыну. Ну, может, чуть постарше. Смотрит, как взрослые ухают кирками и мотыгами по каменистой почве. Наконец вытащили на свет огромный клубок змей, сотню, не меньше. Змеи, извиваясь, прильнули друг к другу, чтобы согреться. Потихоньку их вялые тела начинают шевелиться в лучах холодного бьющего в глаза света. словно кишки какого-то огромного чудовища, вываленные на всеобщее обозрение. Люди обрызгали их бензином и подожгли. Не будучи в силах справиться с самим злом, жгли змей заживо, считая их олицетворением зла. Охваченные огнем, змеи извивались от боли, некоторые уползли вглубь грота, освещая пламенем дальние углы. Они ведь немые, а потому не было криков, и люди смотрели на их мучения молча, а потом в лучах зимнего заката, не говоря ни слова, разошлись по домам, чтобы не пропустить ужин.

Как-то мальчик пробудился от ночного кошмара и не захотел рассказывать отцу, что ему снилось.

— Не хочешь, не говори. Это нормально.

— Я боюсь.

— Все хорошо.

— А вот и нет.

— Это ведь был всего-навсего сон.

— Мне очень страшно.

— Знаю.

Мальчик отвернулся. Отец крепко обнял его. Сказал:

— Послушай меня.

— Что?

— Если тебе снится мир, которого раньше не было или которого ни когда не будет, и тебя переполняет радость, то это как раз означает, что ты сдался. Понимаешь? Но ты не имеешь права сдаваться. Я тебе не позволю.

Когда они наконец пошли дальше, его все еще одолевала слабость, и сколько бы он себя ни обманывал, отчаяние овладело им как никогда раньше. Понос не прекращается, мерзость какая, совсем нету сил, приходится крепко держаться за ручку тележки. Глянул на мальчика ввалившимися глазами. Холодок отчуждения. Сердце не обманешь — сразу почувствовало. Через пару дней добрались до участка дороги, где пожары уничтожили все. Спекшийся слой пепла толщиной в несколько дюймов, тележка идет с трудом. Под такой коркой дорога сначала вспучилась от жара, а потом просела. Облокотился на ручку тележки и посмотрел вдаль. Хилые деревья внизу. Ручьи, наполненные серой жижей. Потемневшая опустошенная земля.

Преодолев эту выжженную местность, они начали находить на дороге вещи, брошенные когда-то беженцами. Коробки и мешки. Полусгоревшие и черные. Старые чемоданы, искореженные огнем до неузнаваемости. Кое-где в пепле — пустые ямки, там, где мародерам удалось выковырять отдельные предметы. Пройдя еще милю, стали наткаться на мертвецов. Тела, по пояс увязшие в пепле, цепляются друг за друга, рты открыты в немом крике. Положил руку на плечо сына, велел:

- Повернись ко мне. Тебе не нужно это видеть.
- Все, что ты сейчас запомнишь, останется с тобой навсегда? Так?
- Да.
- Все нормально, пап.
- Все нормально?
- Да. Я все запомнил.
- Я не хочу, чтобы ты на них смотрел.
- Они от этого не исчезнут.

Отец остановился и облокотился на тележку. Посмотрел на дорогу, потом на мальчика. Странное спокойствие. Ребенок сказал:

- Пошли-ка дальше.
- Да-да, пошли.
- Они ведь пытались спастись, папа?
- Да.
- Почему же они не сошли с дороги?
- А куда им было идти? Все полыхало в огне.

Пробирались среди мумифицированных тел. Пепел под ногами. Черная, туго натянутая кожа на телах, потрескавшаяся и съжившаяся — на черепах. Будто громадным насосом выкачали жизнь. В молчании шли по беззвучному коридору, мимо этих душ, обреченных на вечные муки в холодном пекле дороги.

Прошли через придорожное селение, сожженное дотла. Какие-то металлические цистерны, отдельные сохранившиеся трубы из закопченного кирпича. В канавах — серые шлакообразные скопления расплавленного стекла. Вдоль дороги на мили тянутся спирали оголенных электрических проводов. Непрерывно кашлял. Заметил, что мальчик внимательно за ним наблюдает. Только о нем и думает, бедняжка. А надо ли ему это?

Расположились на дороге, съели остатки жареных хлебцев, твердых как камень, и последнюю банку тунца. Открыл банку чернослива в сиропе, передавали друг другу. Мальчик наклонил банку, и допил последние капли сиропа, и зажал банку между колен, и провел указательным пальцем по стенкам внутри, и засунул палец в рот. Отец проворчал:

— Смотри не порежь палец.

— Ты всегда так говоришь.

— Знаю.

Наблюдал, как мальчик облизывает крышку: осторожно, похоже, будто кот вылизывает свое отражение в стекле. Мальчик сказал:

— Не смотри.

— Ладно.

Пригнул крышку и поставил банку перед собой на дороге.

— Что? — спросил мальчик. — Что-то не так?

— Нет-нет.

— Скажи мне.

— Мне кажется, кто-то идет за нами по пятам.

— Я так и думал.

— Ты так и думал?

— Да. Я подумал, ты что-то подобное скажешь. Что ты собираешься делать?

— Пока не знаю.

— Что-нибудь придумал?

— Давай-ка пойдем. Начнем с того, что будем убирать за собой мусор.

— Чтобы они не решили, будто у нас много еды.

— Да.

— И тогда они попытаются нас убить.

— Они нас не убьют.

— Попытаться могут.

— Нам пока нечего бояться.

— Это хорошо.

— Думаю, не мешало бы подождать в укрытии и посмотреть, кто они.

— И сколько их.

— Правильно, и сколько их.

— Хорошо.

— Если нам удастся перейти ручей, то можно взобраться вон на тот утес и оттуда следить за дорогой.

— Хорошо.

— Найдем местечко.

Поднялись и сложили одеяла в тележку.

— Подбери банку, — сказал отец.

Только в сумерках они добрались до того места, где дорога пересекала ручей. Прошли по мосту и затащили тележку в лес, ища, где бы ее незаметно припрятать. Стояли, смотрели на дорогу, освещенную закатным солнцем. Мальчик сказал:

— А что, если мы ее под мостом спрячем?

— А вдруг они захотят спуститься за водой?

— Как ты думаешь, они сильно отстали?

— Не знаю.

— Темнеет.

— Да.

— А что, если они и ночью не останавливаются?

— Знаешь, давай найдем, откуда можно следить за дорогой. Пока со всем не стемнело.

Спрятали тележку, и, прихватив одеяла, поднялись по каменистому откосу и устроили наблюдательный пункт, откуда дорога сквозь частокол деревьев просматривалась не меньше чем на полмили. Расположились с подветренной стороны, и закутались поплотнее в одеяла, и по очереди дежурили. Мальчик не выдержал, уснул. Отец и сам уже начал засыпать, как вдруг увидел фигуру человека, остановившегося на взгорке посреди дороги. Вскоре появились еще двое. И четвертый. Сбились в кучу, постояли. Потом пошли вперед. В сумерках он с трудом их различал. Испугался, что они решат встать поблизости на ночлег, пожалел, что не нашел место подальше от дороги. Если останутся на мосту, им с мальчиком предстоит долгая опасная ночь. Четверо спустились по дороге и перешли по мосту на другую сторону. Трое мужчин и одна женщина. Женщина идет по-утиному, вразвалку; когда подошла поближе, то он разглядел: беременна. У мужчин за плечами рюкзаки, женщина тащит небольшой чемоданчик. Опустившиеся, жалкие бродяги. Описать невозможно. Пар изо рта. Нет, не остановились, продолжили свой путь и вскоре один за другим исчезли в ночи.

И что же? Ночь и вправду оказалась долгой. Как только стало светать, надел ботинки, поднялся, завернувшись в одно из одеял, подошел к краю утеса и стал всматриваться в дорогу внизу. Голые деревья стального цвета, по обеим сторонам дороги поля. Зубчатые очертания старых прицепов к боронам. Наверное, для сбора хлопка. Мальчик спал, и отец спустился к тележке, и вытащил карту, и бутылку воды, и банку фруктов из их оскудевших запасов, и вернулся назад, и сидел в одеялах, изучая карту.

— Ты всегда преувеличиваешь, столько мы не прошли. Передвинул палец:

— Ну что же, тогда мы здесь.

— Еще нет.

— Здесь.

— Правильно.

Он собрал измятые ветхие куски карты. Сказал:

— Хорошо.

Сидели и сквозь деревья рассматривали дорогу.

Как думаешь, праотцы смотрят на нас сверху? Записывают в свой кондуит грехи и добродетели? А судьи кто? Никакой учетной книги не существует, а праотцы все давно сгнили в земле.

Характер леса вокруг изменился: среди сосен все чаще стали попадаться вечнозеленые южные дубы. Магнолии. Мертвые, конечно. Он подобрал один мясистый лист, раскрошил в пальцах и высыпал порошок на землю.

Раннее утро следующего дня. Только вышли, как мальчик дернул его за рукав, и они остановились. Из лесу впереди поднимался тонкой струйкой дымок костра. Стояли, глядя на дым.

— Что делать, пап?

— Неплохо бы проверить, что там такое.

— Давай не будем останавливаться.

— А вдруг они тоже идут в ту сторону?

— И что?

— Тогда получится, что они следуют за нами по пятам. Хотелось бы знать, кто они.

— А вдруг их там целая армия?

— Что ты, костер совсем маленький.

— А просто подождать нельзя?

— Нельзя. У нас совсем не осталось еды. Надо идти вперед.

Оставили тележку в лесу, он проверил, хорошо ли поворачивается барабан с настоящим и поддельными патронами. Слушали. В неподвижном воздухе струйка дыма поднималась строго вверх. Ни звука. После недавнего дождя листья под ногами мягкие, не шуршат. Обернулся и глянул на мальчика. Грязное лицо перекошено от страха. Не подходя слишком близко, обошли костер кругом, мальчик не отпускал его руку. Присел и обнял ребенка, и они долгое время внимательно слушали. Прошептал:

— Мне кажется, они сбежали.

— Что?

— Мне кажется, они убежали. Один сидел на стрёме и нас заметил.

— А вдруг это засада?

— Может быть. Давай подождем.

Подождали. Видели дым за деревьями. От поднявшегося ветра столбик начал заваливаться, а потом ветер подул в их сторону и принес с собой запах. Запах еды, готовящейся на костре. Отец сказал:

— Давай сделаем еще один круг.

— Можно я возьму тебя за руку?

— Конечно можно.

Вместо леса — обугленные стволы. Ничего и никого. Отец сказал:

— Думаю, они нас заметили. Заметили и убежали. Увидев, что мы вооружены. Даже еду бросили.

— Да.

— Давай посмотрим.

— Страшно, пап.

— Тут никого нет. Не бойся.

Подошли к небольшой полянке, мальчик изо всех сил цеплялся за его руку. Те люди забрали все свои пожитки, за исключением чего-то черного на вертеле над углями. Он стоял и осматривался, как вдруг мальчик развернулся и уткнулся лицом ему в живот. Быстро-быстро посмотрел по сторонам, стараясь понять, что произошло. Спросил:

— Что такое? Что случилось? Мальчик покачал головой, прошептал:

— Ой, папа.

Обернулся и посмотрел повнимательнее. То, что увидел мальчик, оказалось обугленным телом новорожденного младенца, без головы, выпотрошенного, насаженного на жердь и поджаривающегося над костром. Отец наклонился, и взял сына на руки, и понес его к дороге, крепко прижимая к себе. Прошептал:

— Прости ради бога. Прости меня.

Не знал, заговорит мальчик когда-нибудь или нет. Ночевать остановились у реки, и он сидел у огня, прислушиваясь к шуму несущейся в темноте воды. Опасное место, грохот потока заглушает другие звуки, но он решил, что мальчика приободрит близость воды. Доели все, что у них к тому времени осталось, и он сел изучать карту. Обрывком веревки мерил расстояние. До побережья еще идти и идти. Не мог представить, что их там ждет. Сложил стопочкой куски карты, и убрал их в целлофановый пакет, и сидел, уставившись на угли.

На следующий день пересекли реку по узкому железному мосту и попали в старый фабричный городок. Прочесывали деревянные дома — ничего. На веранде восседает в кресле высохший труп. Одет в комбинезон. Сидит там с незапамятных времен. Похож на чучело из рекламы, извещающее о предстоящих праздниках. Пошли вдоль длинной и темной стены фабрики, окна заложены кирпичом. Впереди по дороге ветер гонит тучи мельчайшей черной сажи.

На дороге иногда попадаются неожиданные вещи: электроприборы, мебель, инструменты. Пилигримы давно от них отказались и бросили на пути к своей общей смерти. Еще год назад мальчик бы поднял какую-нибудь чепуху и нес некоторое время, а сейчас его это не интересовало. Присели отдохнуть и выпить воды. Все, чистая вода закончилась. Пустую пластмассовую бутылку оставили на дороге. Мальчик сказал:

— Будь ребеночек жив, могли бы забрать его с собой.

— Да, могли бы.

— Откуда он взялся?

Отец промолчал.

— А еще где-нибудь есть дети?

— Не знаю. Возможно.

— Мне стыдно за то, что я сказал про тех людей.

— Каких людей?

— Ну, тех, которые сгорели. На дороге. Застряли и сгорели.

— Я не помню, чтобы ты что-то плохое про них говорил.

— Я плохого не говорил. Можем уже идти?

— Хорошо. Может, прокатишься в тележке?

— Нет, не хочется.

— Ну, давай, недолго.

— Не хочу. Не надо.

На ровной плоской равнине вода замедляет бег. Серые затопленные низины вдоль дороги. Никакого движения. Свинцовые извивы мелких речушек посреди мертвых полей. Текут в сторону океана. Отец с сыном продолжали идти. Дорога шла под уклон, и впереди виднелись заросли камыша.

— Думаю, там будет мост. Скорее всего, через ручей.

— Воду из него можно пить?

— У нас выбора нет.

— Не заболеем?

— Вряд ли. Может, и воды-то в нем никакой нет.

— Можно я первым пойду?

— Да, конечно.

Мальчик припустил по дороге. Давненько он не видел, чтобы сын бегал. Локти оттопырены, кеды великоваты, гулко хлопают по земле при беге. Отец остановился и наблюдал за мальчиком, кусая губы.

Воды в ключе — с гулькин нос. Присмотрелся: вроде движется, течет, уходя в бетонную трубу под дорогой. Плюнул в воду, чтобы убедиться, что она проточная. Из тележки принес кусок ткани и пластмассовую банку, и обмотал горлышко банки, и опустил ее в воду, и ждал, пока наполнится. Поднял мокрую банку вверх, посмотрел на свет. Вроде пить можно. Снял тряпку и дал банку мальчику:

— Пей.

Мальчик отхлебнул и протянул банку отцу.

— Ну что же ты, пей еще.

— Пап, твоя очередь.

— Ладно.

Сели и процедили воду от пепла. Пили, пока чуть не лопнули. Мальчик развалился на траве.

— Нам пора.

— Я так устал.

— Знаю.

Сидел и смотрел на сына. За последние три дня у них крошки во рту не было. Еще дня два, и совсем ослабеют. Взобрался по откосу прямиком через камыш проверить обстановку на дороге. Темная, черная, на открытом пространстве сливается с землей. Ветры унесли с собой пепел и пыль с поверхности дороги. В прошлом — плодородный край. А теперь — никаких признаков жизни. Эту часть страны он уже не знал. Названия городов и рек для него — пустой звук.

— Ну, пошли. Нам пора.

На обоих напала невероятная сонливость. Уже не раз такое случалось: засыпали прямо в пути, распластавшись на дороге, словно жертвы автомобильной катастрофы. Сон смерти. Так и сейчас. Сел, выпрямился, потянулся за револьвером. Встал. Стоял в свинцовом мареве, опершись локтями на ручку тележки, рассматривал дом в поле, приблизительно в миле от них. Мальчик его первым заметил. Сквозь занавес гари то появлялся, то пропадал из виду. Дом-призрак из страшных снов. Не отрываясь от тележки, посмотрел на сына. До дома не так-то просто добраться. Одежда придется тащить на себе. Тележку спрятать в укромном месте. Дойти-то они дойдут, пока светло, а вот обратно...

— Надо бы его осмотреть. Ничего не поделаешь...

— Не хочу.

— Столько дней без еды...

— Я не голоден.

— Нет, ты просто умираешь с голоду.

— Я не хочу туда идти, папа.

— Там никого нет. Я уверен.

— Откуда ты знаешь, что там никого нет?

— Знаю, и все.

— Там может кто-нибудь быть.

— Никого нет. Все будет нормально.

Закутавшись в одеяла и прихватив с собой только револьвер и банку с водой, побрели по полю. Поле — вспаханное, с пучками соломы в бороздах, со следами пахоты. По бороздам видно — распашка шла с востока на запад. После недавнего дождя земля пружинила под подошвами, и он шел, внимательно глядя себе под ноги. Не прошло и пяти минут, как нашел наконечник стрелы. Плюнул на кончик, и обтер о штанину, и отдал стрелу сыну. Из белого кварца, в идеальном состоянии, будто только вчера сделана. "Здесь их много. Смотри вниз и найдешь". Сам нашел еще две. Из серого кремня. Следом нашел монету. Или пуговицу. Сильно окислилась, не разобрать. Ковырнул ногтем. Все-таки монета. Достал ножик и с предельной осторожностью стал соскребать ярь-медянку. Монета-то испанская... Стал звать мальчика, который уже далеко ушел вперед, а потом глянул на мрачную местность вокруг и серое небо, и бросил монету, и поспешил вслед за сыном.

Стояли перед домом, разглядывали. Гравийная дорожка, заворачивающая на юг. Кирпичная терраса. Лестницы по бокам, взлетающие к портику с колоннами. За домом — кирпичная пристройка, когда-то, наверное, служила кухней. За ней — бревенчатый домишко. Отец только сделал первый шаг вверх по лестнице, как мальчик потянул его за рукав.

— Давай подождем?

— Ну хорошо. Только учти, быстро темнеет.

— Знаю.

— Хорошо.

Усевшись на ступеньки, смотрели вдаль. Отец сказал:

— Здесь никого нет.

— Кажется, нет.

— Ты все еще боишься?

— Да.

— С нами ничего не случится.

— Хорошо.

Поднялись по ступеням на широкую, выложенную кирпичом террасу. Входная дверь выкрашена в черный цвет, приоткрыта, в проем вставлен шлакоблок. Ветром внутрь нанесло кучу сухих листьев и травы. Мальчик схватил его за руку:

— Папа, почему дверь открыта?

— Ну, открыта. Скорее всего, уже не первый год. Возможно, хозяева открыли, когда вытаскивали вещи.

— Давай подождем до завтра.

— Не бойся. Только посмотрим, и все. Пока еще светло. Если нам ничто не угрожает, попробуем развести костер.

— Но в доме не останемся, правда?

— Не хочешь, не останемся.

— Хорошо.

— Хочешь, водички попьем?

— Давай.

Достал бутылку с водой из бокового кармана куртки, и открутил пробку, и смотрел, как мальчик пьет. Потом отпил сам, закрутил пробку, и взял мальчика за руку, и они вошли в темный вестибюль. Высокие потолки. Заграничная люстра. В последних лучах солнца высокое венецианское окно на площадке, ведущей на второй этаж лестницы отбрасывает удлиненную расплывчатую тень на стену.

— Нам же не обязательно идти наверх, правда, пап?

— Нет. Может, завтра.

— После того как убедимся, что нам ничто не угрожает?

— Да.

— Ну хорошо.

Вошли в гостиную. Под слоем зернистого пепла проступают очертания ковра. Мебель накрыта чехлами. Светлые пятна на стенах там, где когда-то висели картины. В комнате на противоположной стороне вестибюля — рояль. Их собственные отражения в тонком замутненном стекле окна. Вошли и замерли, вслушиваясь. Ходили из комнаты в комнату, словно привередливые покупатели. Сквозь высокие окна смотрели, как темнеет на улице.

Кухня со всем необходимым: и ножи, и кастрюли, и фарфоровая посуда. Большая кладовка, дверь которой бесшумно закрылась у них за спиной. Выложенный плиткой пол и ряды полок. А на полках — несколько десятков литровых стеклянных банок. Подошел к полке, взял одну и сдул с нее пыль. Фасоль. Красный перец, плотно набитый в банку. Помидоры. Кукуруза. Молодой картофель. Окра. Мальчик наблюдал за отцом. Тот стер толстый слой пыли с крышки и нажал пальцем в середине. Быстро темнело. Взял пару банок, и подошел к окну, и посмотрел их на просвет, поворачивая в разные стороны. Повернулся к сыну, сказал:

— Они могут быть ядовитыми. Придется хорошенько все проварить. Как ты к этому относишься?

— Не знаю.

— Что предлагаешь?

— Ты сам решай.

— Мы оба должны решить.

— Думаешь, это можно есть?

— Думаю, если как следует проварить, то можно.

— А как ты думаешь, почему к ним никто не притронулся?

— Думаю, их не нашли. Дом с дороги не видно.

— Мы же увидели?!

— Это ты увидел.

Мальчик рассматривал банки.

— Ну, что думаешь?

— Думаю, ничего не остается, как...

— Я с тобой согласен. Давай наберем дров, а то уж скоро совсем стемнеет.

Набрав полные охапки сухих веток, притащили их через кухню в столовую, изломали на мелкие куски и доверху набили камин. Подожгли ветки, и дым вырвался клубами, огибая крашеное перекрытие, рванул вверх, а потом устремился вниз. Отец энергично помахал на огонь журналом, и вскоре тяга в трубе наладилась и огонь запылал во всю силу, освещая стены и потолок и отражаясь в бесчисленных подвесках хрустальной люстры. Высветил темное стекло окна, около которого стоял сын — на лицо надвинут капюшон, похож на тролля. Идущее от камина тепло будто заморозило ребенка. Отец стянул чехол с длинного стола в стиле ампира, стоящего в

центре комнаты, вытряхнул и, свернув, соорудил из него лежанку перед камином. Затем усадил мальчика, стащил с него обувь и грязные портянки. Прошептал:

— Все в порядке. Все в порядке.

На кухне в ящике нашлись свечки. Две из них он зажег, и накапал воска на кухонную стойку, и прилепил их туда. Потом принес с улицы еще дров и сложил у камина. Мальчик сидел не шевелясь. На кухне выбрал кастрюлю, вытер ее, поставил на стойку, а потом попробовал открыть одну из банок, но не смог. Понес банки фасоли и молодого картофеля к входной двери, и при свете свечки в стакане опустился на колени, и вставил боком одну банку в проем между дверью и косяком, и зажал ее дверью. Затем, сидя на полу в вестибюле, ногой подтолкнул дверь так, чтобы крышка не двигалась, и стал руками поворачивать банку. Крышка провернулась, сдирая краску с дверного косяка. Повторил всю процедуру сначала. Сперва крышка ерзала, потом наконец остановилась. Он медленно повернул, затем ее вытащил. Таким же образом открыл вторую банку, и поднялся, и направился на кухню: в одной руке — банки, в другой — вращающаяся в стакане свечка, того и гляди погаснет. Большими пальцами пробовал подцепить крышки, но они не поддавались. Решил, что это хороший знак. Приладил крышку к краю стола и ударил по ней кулаком, крышка отскочила и упала на пол. Поднес банку к носу и понюхал. Восхитительно вкусно пахнет! Вывалил картофель и фасоль в кастрюлю, пошел в столовую и засунул кастрюлю в камин.

Медленно ели из фарфоровых тарелок, сидя на противоположных концах стола с горячей свечкой посередине. Револьвер лежит на столе, рядом с тарелкой, словно один из столовых приборов, а не оружие. Нагревающийся дом скрипит и стонет. Будто живое существо, пробуждающееся от долгой спячки. Мальчик заснул, сидя над тарелкой, ложка с грохотом упала на пол. Отец встал, подошел к сыну и понес его к камину, и положил на лежанку, и укрыл одеялами. Потом, должно быть, вернулся к столу, так как, проснувшись ночью, обнаружил, что сидит в кресле, голова свалилась на скрещенные на столе руки. В комнате холодно, за окнами завывает ветер. Оконные рамы слегка подрагивают. Свеча целиком выгорела, а от костра в камине остались одни угли. Встал и развел огонь, и сидел рядом с мальчиком, укрыв его получше и зачесав назад засаленные волосы. "Думаю, они наблюдают за нами. Ищут то, что даже смерть не в силах уничтожить. Если ничего не найдут, плюнут на нас и никогда назад не вернуться".

Мальчик никак не хотел отпускать его. Отец пытался его уговорить:

— На втором этаже могут быть одеяла. Обязательно надо взглянуть.

— Я не хочу, чтобы ты туда шел.

— Там никого нет.

— Кто-нибудь может быть.

— Никого там нет. Думаешь, до сих пор бы не спустились?

— Может, они боятся.

— Скажем, что мы их не обидим.

— Может, они мертвые.

— Тогда тем более не будут возражать, если мы возьмем пару вещей. Слушай, что бы там ни было, лучше быть в курсе, чем в неведении.

— Почему?

— Почему? Ну, во-первых, мы не любим неожиданностей. Неожиданности пугают. А мы не любим бояться. Во-вторых, там могут оказаться полезные вещи. Обязательно надо подняться.

— Ладно.

— Ладно? Ты согласен?

— Ты же меня все равно не послушаешься.

— Я всегда с тобой считаюсь.

— Редко.

— Поверь, наверху никого нет. Дом простоял пустой много лет. Ни следов в пепле, ни горелой мебели в камине. Все осталось нетронутым. Даже продукты.

— Следы в пепле не сохраняются, ты сам говорил. Ветер сдувает.

— Ты как хочешь, а я пойду проверю.

Они провели в доме четыре дня. Ели, отсыпались. Нашли наверху несколько одеял, и притащили кучу дров, и сложили их в углу комнаты, чтобы высохли. Нашел старую-престарую лучковую пилу. Распиливал ею сухие стволы. Зубья ржавые и тупые. Сидя у камина, попробовал заточить пилу напильником, но безуспешно. В сотне ярдов от дома бежал ручей, и отец таскал ведра по раскисшему полю, и они нагрели воду в ванной рядом со спальней на первом этаже, и подстриглись, а отец побрился. Нашли наверху одеяла и подушки, чистую одежду и переоделись во все новое. Мальчику штаны пришлось укорачивать, обрезав снизу. На полу перед камином устроили себе кровать. Чтобы жар не выдувало, придвинули к изголовью старинный высокий комод. А дождь так и не переставал. Подставили ведра под водосточные трубы по углам дома, чтобы собрать дождевой воды, стекающей со старой железной крыши. По ночам слушал, как вода барабанит в комнатах наверху. Капало по всему дому.

Они перерыли все подсобные помещения рядом с домом. Нашли тачку, и отец вытащил ее на улицу, перевернул и медленно крутил колесо, проверяя, цела ли шина. Резина потрескалась и высохла, но он решил, что еще какое-то время продержится, и, порывшись в старых ящиках и в куче инструментов, нашел насос от велосипеда, и прикрутил его к клапану шины, и начал подкачивать. Шина с краю спускала, но он попросил мальчика зажать пальцем это место, и тогда у них получилось кое-как ее надуть. После этого он отсоединил шланг, поставил тачку на пол и прокатил вперед-назад, проверяя. А потом выкатил на улицу, под дождь, чтобы ее промыло. Еще через два дня, когда они наконец двинулись дальше, погода наладилась, и они спускались по размокшей дороге, толкая тачку с новыми одеялами и банками с консервированными

овощами, упакованными в запасную одежду. Отец отыскал для себя пару рабочих бутсов, для мальчика — голубые кеды, набил их тряпками, чтоб не спадали; у обоих теперь чистые маски. Дошли до вершины холма, оттуда пришлось вернуться назад и забрать тележку; повезло, что идти было недалеко, меньше мили. Мальчик шагал рядом, одной рукой держась за край тележки:

— Пап, мы молодцы, правда?

— Да, неплохо управились.

Еды у них было много, но ведь до побережья еще идти и идти. Понимал, что надеяться особо не на что. Глупо ждать просвета, тогда как мир вокруг день ото дня становится только мрачнее. Однажды в магазине видеотехники подобрал фотометр. Думал найти к нему батарейки, долго таскал с собой, но так и не нашел. По ночам, просыпаясь от удушливого кашля, садился и вытягивал над головой руку — навстречу темноте. Как человек, очнувшийся в могиле. Как эксгумированные останки в воспоминаниях из его детства, извлеченные на свет, чтобы освободить место для хайвея. Много народу умерло во время эпидемии холеры, и все были в спешке захоронены в деревянных гробах. Гнилые, разваливающиеся ящики. Мертвецы, лежащие на боку, колени подогнуты, некоторые — вниз лицом. Тусклые зеленоватые медяки выпали из глазниц на прогнившие, в пятнах, днища.

В маленьком городке набрали на продуктовый магазин с чучелом оленьей головы на стене. Мальчик долго-долго ее рассматривал. На полу валялись осколки стекла, и отец велел ему ждать у входной двери, пока сам раскидывал ногами мусор в проходах. Пусто. Перед магазином — две бензозаправочные колонки. Уселись на асфальт и на веревочке опустили маленькую железную банку в резервуар в земле, вытащили и вылили примерно стакан бензина в пластмассовую бутылку и опустили опять. Для веса привязали к банке короткий кусок трубы и ползали на коленках добрый час, пока не заполнили бутылку доверху. Наверное, похожи были на обезьян, ковыряющихся соломинками в муравейнике. Потом закрутили пробку, поставили бутылку на нижнюю решетку тележки и пошли дальше.

Долгие дни. Открытое пространство, только пепел летит по дороге. По вечерам мальчик сидел у костра с кусками карты, разложил их на коленях. Наизусть выучил названия городов и речушек и каждый день отмечал, сколько они прошли.

Ограничивали себя в еде. Продукты на исходе. Мальчик стоял посреди дороги, держа карту. Вслушивались. Тишина. С восточной стороны по-прежнему тянулось пустое пространство, но воздух стал другим. А потом за поворотом дороги... И они остановились и откинули капюшоны курток, и соленый ветер трепал им волосы. Далеко внизу расстирался серый пляж с накатывающими на берег унылыми серебристыми волнами, и слышен был отдаленный звук прибоя. Словно скорбный крик чужого моря, бьющегося о берега никому не известного мира. Вдали, посреди морской глади — полузатопленный танкер, а за ним — ширь холодного океана. Тяжело вздымается, будто перекачивается бочка шлака, еще дальше — серая дымная

полоса. Глянул на сына. Grimаса разочарования на лице.

— Прости, видишь, он даже совсем не синий оказался.

— Ничего.

Час спустя они сидели на берегу и рассматривали дымную завесу на горизонте. Пятки в песке, к ногам подкатывают мрачные волны. Суровый океан. Пустой. Безжизненный. Оставили тележку в проходе между дюнами и, прихватив с собой одеяла, спрятались от ветра под защитой огромного бревна, выброшенного прибоем на берег. Долго так сидели. Под ногами — валики нанесенного прибоем мусора вперемешку с мелкими костями. Вдалеке — выбеленные солью и ветром скелеты, скорее всего коров. Серые соляные разводы на камнях. Ветер не стихал, гнал по песку сухие стебли.

— Как ты думаешь, корабли еще плавают где-нибудь?

— Думаю, нет.

— Из-за плохой видимости?

— Да.

— А что на той стороне?

— Ничего.

— Что-то же должно быть. Может, там тоже сидит на берегу папа со своим маленьким сыном.

— Было бы здорово.

— Да, здорово. Они тоже несут огонь?

— Может быть. Да.

— Но этого мы знать не можем?

— Не можем.

— И поэтому должны быть всегда начеку?

— Да.

— Мы долго здесь пробудем?

— Не знаю. У нас ведь продукты на исходе.

— Да, правда.

— Тебе нравится океан?

— Очень.

— Мне тоже.

— Я могу поплавать?

— Поплавать?

— Да.

— Да ты себе все на свете отморозишь!

— Ну и пусть.

— Не представляешь, как холодно. Намного холоднее, чем ты думаешь.

— Ничего.

— Мне бы не хотелось лезть тебя спасать в ледяную воду.

— Думаешь, не стоит рисковать?

— Хочешь — иди.

— Но ты считаешь, что не надо.

— Вовсе нет. Считаю, что обязательно надо.

— Правда?

— Да.

— Отлично.

Мальчик вскочил, уронил одеяло на песок, догола разделся. Приплясывал на месте от холода, обхватив себя руками. Затем побежал по пляжу. Белый как молоко. Выступающие позвонки. Острия лопаток, кажется, вот-вот проткнут бледную кожу. Бежит голяком, кричит и барахтается в медлительных волнах.

Вылез из воды синий от холода, зубы стучат. Отец спустился к воде, обернул его одеялом и держал в объятиях, пока мальчик не перестал дрожать. Но когда заглянул ему в лицо, увидел, что сын плачет.

— Что случилось?

— Ничего.

— Скажи мне.

— Ничего.

Когда стемнело, развели костер около бревна и съели полные тарелки окры и бобов и прикончили последнюю картошку. Фрукты давно закончились. Выпили чаю, грелись у огня, устроились спать на песке, а потом он слушал шум волн в заливе. Взлетают, падают. Посреди ночи проснулся, пошел по берегу и стоял, закутавшись в одеяла. Слишком темно, чтобы что-нибудь разглядеть. Вкус соли на губах. Жди. Терпение. Наконец гулкий грохот от удара волн о берег. Шуршание нахлынувшей воды. Схлынула. Подумал: а вдруг где-то там под распущенными драными парусами ходят корабли-призраки. А может, на дне океана сохранилась жизнь. В холодном мраке огромные кальмары носятся по дну со скоростью поезда, глаза размером с блюдце. И даже, может быть, где-то за скрытыми в тумане валами по серому безжизненному песку бредут отец с сыном. Или тоже спят, но только по ту сторону океана, на другом берегу, среди горьких остатков мира, или так же стоят, в тряпье, потерявшиеся, под лучами того же самого безразличного солнца.

Вспомнил: ночь точно такая же, как сейчас; проснулся от непонятого стука; оказалось, это крабы забрались в сковородку с остатками ужина и гремят там костями

от стейков. Тлеющие угли, пульсирующие красным на ветру. В небе над головой — мириады звезд. Море сливается вдаль с черным горизонтом. Встал, и пошел к воде, и стоял босиком на песке, наблюдая, как светящиеся волны прибоя подкатывают к берегу, разбиваются и уходят назад в темноту. Вернувшись к костру, наклонился и погладил спящую по волосам и подумал, что, будь он Богом, создал бы мир только таким, ничего бы не менял.

Когда он вернулся, мальчик не спал, сидел, до смерти напуганный. Оказывается, звал отца, но, вероятно, недостаточно громко. Отец крепко его обнял:

— Я тебя не слышал. Из-за шума прибоя.

Бросил ветки в костер и раздул его, и они лежали в своих одеялах и смотрели, как языки пламени извиваются на ветру, а потом оба уснули.

Утром опять развел костер, позавтракали, сидели, рассматривали берег. Холодный дождливый пейзаж, мало чем отличающийся от северного. Ни чаек, ни ржанок. Обугленные ненужные предметы, выброшенные на берег или качающиеся в волнах прибоя. Насобирали деревяшек, сложили их в кучу и накрыли полиэтиленом, потом пошли вдоль берега. Отец сказал:

— Ну вот, мы с тобой превратились в прибрежных искателей сокровищ.

— Что это значит?

— Это такие люди, которые ходят вдоль берега и ищут что-нибудь ценное, что принесло море.

— Что именно?

— Разное. Что может пригодиться.

— Как ты думаешь, а мы что-нибудь найдем?

— Не знаю. Надо попробовать.

— Надо попробовать.

Стояли на каменном молу и смотрели в сторону юга. Серая соленая пленка вспухает в каменистой бухточке. Длинная дуга пляжа вдаль. Серый вулканический песок. Ветер с моря отдает йодом. Больше никаких запахов. Самим морем ветер не пахнет. На камнях — сохранившийся еще кое-где темный лишайник. Они перешли мол и двинулись дальше. В конце концов дошли до края пляжа и повернули на едва заметную тропинку в дюнах. Шли среди сухих зарослей дикого овса, пока не уткнулись в невысокий холм. Внизу плавно изгибается плохо различимый в низко нависших над берегом рваных облаках пляж, а дальше, наполовину в воде, виднеется завалившийся набок остов парусника. Присели среди пучков сухой травы, долго на него смотрели. Мальчик спросил:

— Что же нам делать?

— Пока что понаблюдаем.

- Я замерз.
- Знаю. Надо спрятаться от ветра.

Усадил мальчика перед собой, закрывая его от ветра. Тихий шелест мертвой травы. Вокруг — серая пустыня. Бесконечное движение океана. Сын спросил:

- Сколько тут будем сидеть?
- Недолго.
- Как ты думаешь, пап, там есть люди?
- Вряд ли.
- Они бы все ушли.
- Наверняка. Следов на песке не видно?
- Нет.
- Еще подождем.
- Я замерз.

Зашагали по загибающемуся дугой пляжу, стараясь держаться поближе к кромке воды, на мокром, но твердом песке. Останавливались, одежда мягко хлопала на ветру. Буи, покрытые серой коростой. Кости ржанок. В полосе прибоя ковровая дорожка из водорослей и бесчисленных рыбьих костей — тысяч, миллионов костей — тянется по берегу до горизонта, словно кривая смерти. Необъятная соленая общая могила. Бессмысленно. Все бессмысленно.

Между носом парусника и краем отмели — футов сто открытого океана. Стояли и рассматривали судно. Футов шестьдесят длиной, вся палуба разворочена. Лежит на глубине десяти-двенадцати футов. Похоже, в свое время оно было оснащено двумя мачтами, но мачты отломались у самого основания, на палубе осталось лишь несколько медных скоб для крепления канатов и часть поручней по краю. Это, да еще стальной обод от руля, торчащий посреди кокпита. Обернулся и стал изучать пляж и дюны вдаль. Потом вручил револьвер мальчику, и сел на песок, и начал расшнуровывать ботинки.

- Пап, ты что собираешься делать?
- Осмотреть яхту.
- Можно мне с тобой?
- Нет. Ты остаешься.
- Но я хочу с тобой.
- Твое место здесь. И потом, там глубоко.
- А я тебя увижу?
- Да. Я буду время от времени вылезать и проверять, как ты тут. Все ли в порядке.

— Я хочу с тобой.

— Тебе со мной никак нельзя. Ветер унесет одежду. Кто-то ведь должен о ней позаботиться.

Свернул вещи в тугой узел. Боже, до чего же холодно! Наклонился и поцеловал мальчика в лоб. Сказал:

— Брось волноваться. И не теряй бдительности.

Голый зашел в воду, остановился и, пригоршнями зачерпывая воду, облился. Затем зашагал — брызги во все стороны — и нырнул ласточкой, и поплыл.

Проплыл вдоль борта и развернулся, взрезая воду, задыхаясь от холода. Поручни в средней части почти касались воды. Подтянулся повыше: металл потускнел, изъеден солью, но все же удалось разобрать полустертые золотые буквы. Пахаро де эсперанса, Птица надежды. Тенерифе. Два пустых крана, на которых раньше крепились спасательные шлюпки. Схватился за поручень, и взобрался на борт, и на корточках пополз по наклонной палубе, трясясь от холода. Несколько мотков тросов, сорвавшихся с креплений. Отверстия с лохматыми краями в дереве, откуда с мясом выдраны скобы. Какая-то невиданная сила опустошила всю палубу. Помахал мальчику, но тот не ответил.

Каюта с невысокой покатой крышей и иллюминаторами по бокам. Нагнулся и стер налет сероватой соли со стекла, пытаюсь заглянуть внутрь. Ничего не смог разглядеть. Толкнул низко посаженную тиковую дверь. Заперта. Надавил костлявым плечом. Огляделся по сторонам, ища, чем бы ее вскрыть. Не мог унять дрожь, зубы клацают. А что, если вышибить дверь — один удар ногой и... Но поразмыслив, передумал. Схватил себя одной рукой за кисть второй и ударил по двери со всего размаха. Кажется, поддается! Еле-еле. Продолжал биться в дверь: косяк треснул изнутри, и наконец дверь открылась. Широко ее распахнул и по трапу спустился в каюту.

На полу толстым слоем, чуть ли не до уровня первой переборки, лежит мокрая бумага и мусор. Кислый застоявшийся воздух. Холодный и влажный. Сначала решил, что судно разграбили люди, но потом догадался, что это океан постарался. Посреди кают-компания стол красного дерева. Дверцы шкафчиков открыты и болтаются, на всех медных накладках и ручках — зеленый налет. Прошел дальше проверить шкафчики в глубине. Мимо камбуза. По полу рассыпаны кофе и мука, валяются алюминиевые банки с консервами, примерно половина раздавлены, покрыты ржавчиной. Гальюн с металлическим унитазом и раковиной. Слабый свет проникает сквозь верхний ряд иллюминаторов. Повсюду разбросаны инструменты. В луже покачивается спасательный жилет.

В глубине души ожидал увидеть что-нибудь ужасное, но оказалось, волновался зря. В каютах матрасы с коек валяются на полу, вдоль стен груды постельного белья и одежды. Все сырое. Дверца в кладовке сбоку открыта, но внутри ничего не

рассмотреть — темно. Пригнулся, и пролез внутрь, и стал вслепую ощупывать все, что попадалось на пути. Глубокие ящики с деревянными крышками на петлях. Вещи, необходимые во время морских путешествий. Принялся вытаскивать их в каюту и складывать на накренившейся койке. Одежда, одежда для штормовой погоды. Нашел мокрый свитер, натянул на себя. Нашел рыбацкие желтые резиновые сапоги и нейлоновую куртку, которую тут же надел, да еще негнущиеся желтые штаны на подтяжках, а потом влез в сапоги и вышел на палубу. Мальчик сидел на прежнем месте, следил за яхтой. Вскочил от неожиданности; необычный костюм его напугал, догадался отец. Крикнул ему, чтобы успокоить: "Это я!", но мальчик продолжал стоять без движения, и тогда он махнул ему рукой и полез обратно.

Во второй каюте под койками сохранились ящики. Выдвинул: инструкции, бумаги на испанском. Мыло. Заплесневевший черный кожаный саквояж, внутри — документы на испанском. Набил кусками мыла карман, постоял. На койке в беспорядке валялись книги на испанском, бесформенные, размокшие. Один-единственный томик сиротливо стоит на полке, припертой к переборке.

Нашел прорезиненный тканевый мешок для рыбалки и с ним стал пробираться по яхте в своих сапожищах, цепляясь за переборки там, где крен был слишком велик. На холоде желтые непромокаемые штаны встали колом. Бросал в мешок всякую всячину. Пару женских кроссовок. Решил, что мальчику по размеру подойдут. Складной нож с деревянной ручкой. Солнцезащитные очки. Но не мог отделаться от ощущения, что делает все неправильно. словно потерял что-то важное и отправился на поиски в самое неподходящее место. В конце концов пошел на камбуз. Проверил, работает ли плита.

Открыл и поднял люк машинного отделения: затоплено наполовину, темнота хоть глаза выколи. Ни бензином, ни маслом не пахнет. Захлопнул. На кокпите под скамейками запирающиеся рундуки для хранения подушек на сиденья, парусов, рыболовных снастей. Позади рулевой стойки увидел мотки нейлоновой веревки, железные фляги с бензином и ящик для инструментов. Расположившись на дощатом полу, перебрал инструменты. Ржавые, но еще послужат. Плоскогубцы, отвертки, разводные ключи. Закрыв ящик и встал, ища глазами сына. Мальчик свернулся клубком на песке, подложил одежду под голову, спит.

Отнес ящик с инструментами и одну из фляг с бензином на камбуз и обошел напоследок каюты. После этого проверил ящики в кают-компани, порылся в бумагах и папках, надеясь найти бортовой журнал. Нашел деревянный сундучок с набором фарфоровой посуды на восемь персон с названием судна на каждом предмете. Одни осколки, может, только пара чашек и сохранилась. Решил, кто-то сделал подарок владельцу яхты. Достал одну чашку, повертел и поставил обратно. Последнее, что ему попало, — квадратная старинная шкатулка из дуба с медной пластиной на крышке. Сначала подумал, это ящичек для хранения сигар, но, приподняв, по весу догадался, что внутри. Открыл изъеденные ржавчиной замки и поднял крышку: внутри лежал

бронзовый секстант, еще прошлого века. Достал его из специального углубления и подержал в руке. Поразился его красоте. Да, бронза потускнела, зелень проступает там, где остался отпечаток руки человека, до него вытаскивавшего инструмент. А во всем остальном — в идеальном состоянии. Стер зеленоватый налет с пластины снизу: Хеззанинс, Лондон. Приставил к глазу и повернул колесико. За последнее время это, пожалуй, была единственная вещь, которая по-настоящему его взволновала. Подержал секстант, а потом вложил обратно в углубление в синей бархатной обивке шкатулки, и защелкнул замки, и положил шкатулку в ящик, и захлопнул дверь.

Поднялся на палубу, чтобы проверить, как там мальчик, но тот исчез. Запаниковал, но ненадолго, в следующее мгновение увидел, что сын идет вдоль берега. Голова опущена, в руке — револьвер. Стоя на палубе, ощутил легкое покачивание. Прилив. Волны хлещут по камням мола. Повернулся и пошел назад в трюм.

Принес два мотка веревок из ящика, измерил диаметр колец раскрытой ладонью, умножил на три и сосчитал число колец в связке. Получается, длина каждой веревки пятьдесят футов. Повесил веревки на скобу на серой палубе из тикового дерева и вернулся в трюм. Сложил все свои находки рядом со столом. На камбузе в шкафу нашлось несколько пластиковых бутылок из-под воды, за исключением одной — все пустые. Поднял первую попавшуюся и увидел, что она вся в трещинах; теперь понятно, куда подевалась вода. Подумал, что бутылки за время бесцельных странствий парусника замерзли. И не один раз. Взял ту, в которой сохранилась вода, и открутил крышку. Понюхал. Поднял бутылку двумя руками, глотнул. А потом еще.

Консервные банки на полу камбуза явно негодные, даже в шкафу многие проржавели и вспучились. Этикетки давно оторваны, на стенках кто-то черным фломастером написал названия продуктов. На испанском. Многие ему незнакомы. Перебрал банки, потряс каждую. Отобрал хорошие и сложил на столешнице над мини-холодильником. Подумал, что наверняка где-нибудь спрятаны еще продукты, только вряд ли их можно есть. Да и в тележку все не затолкаешь. Задумался: как легко, между делом, он научился принимать поражение! И все же не отказывался от своих слов: "Не стоит искушать судьбу". Бывали еще такие моменты, когда он не завидовал тем, кому повезло умереть.

Нашел банку оливкового масла и несколько банок с молоком. Чай в ржавой металлической коробке. Какую-то еду в термоупаковке. По виду не мог определить, что это. Еще полбанки кофе. Методически просматривал одну за другой полки в шкафу, решая, что взять, а что оставить. Оттащил добычу в кают-компанию и положил в проходе, а потом пошел на камбуз, прихватив ящик с инструментами, и принялся откручивать одну из горелок плиты. Отсоединил гибкий шнур и снял алюминиевые рассекатели, один положил в карман куртки. Разводным ключом открутил латунные болты, вытащил горелки из плиты, разъединил их. Один конец шланга воткнул в бутылку с бензином, другой подсоединил к горелке, отнес в кают-компанию. Последнее, что он сделал — сложил пирамиду из банок с фруктами, соком и овощами

на куске полиэтилена, свернул узлом и перетянул веревкой. Затем догола разделся, сбросил свою одежду на кучу с добычей в кают-компании, взял узел, перевалился через поручни и прыгнул в серую ледяную воду.

Уже в сумерках добрался до берега, сбросил полиэтиленовый узел на землю, смахнул воду с рук и груди и пошел одеваться. Мальчик неотступно за ним следовал. Все время спрашивал про синяк на плече в том месте, где отец его повредил, ломаясь в дверь. Отец сказал:

— Все в порядке. Не болит. У нас с тобой еды... подожди, увидишь.

Торопливо шли по берегу навстречу закатному солнцу.

— А что будет, если яхту унесет в океан?

— Не унесет.

— Может.

— Нет, не может. Ладно, ты мне скажи, ты голоден?

— Да.

— Нас сегодня ждет сытный ужин, но надо торопиться.

— Я стараюсь, пап.

— А еще может дождь пойти.

— Почему ты так думаешь?

— По запаху чувствую.

— Чем пахнет?

— Мокрой сажой. Ладно, пошли.

Резко остановился, спросил:

— А где револьвер?

Мальчик замер от ужаса.

— О боже, — промолвил отец.

Обернулся и посмотрел на пляж: судно давно скрылось из виду. Посмотрел на мальчика: сжал голову руками, вот-вот разрыдается, шепчет:

— Прости меня, мне так стыдно. Отец поставил на песок узел с банками.

— Придется за ним пойти.

— Пап, прости меня.

— Ничего. Никуда он не денется.

Мальчик понуро опустил плечи. Всхлипывал. Отец встал на колени и обнял его:

— Не переживай. Это я должен был убедиться, что мы захватили револьвер, а сам не проверил. Забыл.

— Прости меня, пап.

— Пошли. Все не так плохо.

Револьвер так и лежал в песке на том месте, где ребенок его забыл. Поднял, потряс, вытащил спицу барабана и отдал мальчику.

— Держи крепко.

— Он не сломался, пап?

— Да что ему сделается.

Вынул барабан, и сдул с него песок, и передал мальчику. Подул внутрь ствола, и сдул песок с рамки, забрал у мальчика детали, и собрал всё, взвел курок, и опустил его, и опять взвел. Повернул барабан, чтобы при следующем выстреле патрон оказался настоящий, опустил курок и сунул револьвер в карман куртки и встал.

— Все в порядке. Пошли.

— Теперь ночь застанет нас на полдороге?

— Трудно сказать.

— Точно застанет, да ведь?

— Двигай, если поспешим...

И все же ночь настигла их. К тому времени, когда они добрались до тропинки, ведущей в глубь дюн, в темноте невозможно было что-либо разглядеть. Стояли на пронизывающем ветру с океана в окружении шуршащей травы, держались за руки.

— Надо идти дальше. Пошли.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже. Постепенно, шаг, другой...

— Ладно.

— Ни в коем случае не отпускай мою руку, хорошо?

— Хорошо.

— Что бы ни случилось.

— Что бы ни случилось. Понятно.

Брели в крошечной темноте, как слепые, вытянув перед собой руки, — да разве в этой просоленной пустоте есть на что наткнуться? Шум прибора звучал приглушенно, но он ориентировался еще и по направлению ветра, и примерно через час они выбрались из зарослей травы и дикого овса на сухой песок верхнего пляжа. Ветер здесь был намного холоднее. Встал так, чтобы закрыть мальчика своим телом от ветра, и вдруг пляж на секунду высветился и тут же опять исчез.

— Что это было?

— Ничего страшного, всего-навсего молния. Пошли. Перебросил через плечо узел с добычей, взял мальчика за руку, и они пошли дальше и, чтобы не зацепиться за куски дерева или мусор, высоко поднимали ноги, словно лошади на параде. Станный серый свет опять на секунду разлился над пляжем. Где-то далеко-далеко глухой рокот грома. Отец сказал:

- Мне показалось, что я видел наши следы на песке.
- Ага, значит, мы правильно идем.
- Правильно.
- Я очень замерз, пап.
- Знаю. Молись, чтобы сверкали молнии.

Идут и идут. При вспышке очередной молнии увидел, что мальчик наклонился вперед и что-то шепчет. Искал свои же следы, ведущие наверх, но не мог их разглядеть. Ветер усиливался, значит, и дождь не заставит себя ждать. Если гроза застанет их на пляже в середине ночи, им несдобровать. Отвернулись от ветра, придерживая капюшоны. Песок хлещет по ногам и улетает в темноту, и где-то вблизи грохочет гром. Ливневый дождь пришел со стороны океана и стегал их по лицам, и отец прижал мальчика к себе.

Стояли в потоках воды, обрушивающихся с неба. Как близко они от своей стоянки? Он ждал следующей молнии, а ее все не было и не было. Когда наконец сверкнула одна, а за ней другая, он осознал, что дождь смыл их следы. С трудом брели по песку в верхней части пляжа, надеясь увидеть очертания своего бревна. Вскоре молнии совсем прекратились. А потом ветер поменял направление, и он расслышал будто бы легкие шлепки. Резко остановился. Сказал:

- Слушай!
- Что?
- Прислушайся!
- Я ничего не слышу.
- Ну же.
- Да что это, папа?
- Полиэтилен. Дождь стучит по полиэтилену.

Пошли, спотыкаясь в песке и мусоре в полосе прибоя. Чуть ли не сразу же наткнулись на стоянку. Он присел на корточки, скинул узел, на ощупь искал булыжники, прижимающие края полиэтилена, и проталкивал их внутрь укрытия. Резко поднял накидку и нырнул под нее, потянув за собой мальчика, а потом принялся раскладывать булыжники снаружи по краю полиэтилена. Под барабанный стук капель стащил с мальчика мокрую куртку и накрыл его одеялами. Затем сам сбросил куртку и прижался к сыну. Вскоре они уже спали.

Дождь ночью прекратился. Лежал, слушал. Ветер затих, и тогда стало слышно плеск и глухой рокот волн. При первых лучах тусклого света встал и пошел по берегу. После шторма берег был забросан мусором. Шел по кромке воды и искал что-нибудь полезное. На мели за линией прибоя в куче мусора качается полуразложившийся труп.

Как бы уберечь мальчика от такого зрелища? Впрочем, сын оказался прав: чего бояться? Когда вернулся, мальчик не спал, сидел на песке и наблюдал за отцом. Закутался в одеяла, а их мокрую одежду разложил на мертвых водорослях для просушки. Подошел и сел рядышком. Сидели бок о бок, глядя, как вздымается и опадает вдали свинцовое море.

Почти все утро перетаскивали вещи с яхты. Жгли костер, он вылезал голый и дрожащий на берег, бросал веревку и грелся в жаре огня, а мальчик тем временем скручивал веревку и вытягивал мешок на берег. Вытряхивали из мешка одежду и одеяла и раскладывали на теплом песке, чтобы жар от костра мог их высушить. Всех продуктов им не утащить, и он подумал, что неплохо было бы задержаться на пару-тройку дней и основательно наесться, но уж слишком опасно. Заночевали прямо на пляже среди разбросанных вещей, спасибо жар костра защищал от холода. Проснулся, раскашлялся, глотнул воды. Встал и навалил в костер побольше дров, целые бревна, отчего вверх взлетел сноп искр. Просоленное дерево горело ярким оранжево-синим пламенем. Он сидел и долго на него смотрел. Чуть позже прогулялся по пляжу, впереди бежит его собственная тень, будто играет в игры с огнем и ветром. Кашель. Кашель не дает покоя. Нагнулся вперед, вцепившись в колени. Вкус крови. В темноте медлительные волны накатывают и бурлят, и он задумался о своей жизни. А стоит ли размышлять о том, чего нет?! Вернулся назад. Достал банку персиков из мешка, открыл и медленно ел ложкой, пока мальчик спал. Огонь плясал на ветру, и искры летели и падали на песок. Поставил пустую банку у себя в ногах. "Каждый день — это ложь. Но ты умираешь. А вот это правда".

Перетаскивали найденные продукты в узлах из полиэтилена и одеял и загружали в тележку. Мальчик слишком много на себя взвалил, а потому, когда остановились передохнуть, отец забрал у него часть груза. После грозы яхта слегка сдвинулась с прежнего места. Отец стоял, задумавшись. Мальчик наблюдал за ним, спросил:

- Ты опять туда пойдешь?
- Думаю, да. В последний раз.
- Я немного боюсь.
- Не бойся, главное — будь начеку.
- У нас и так всего много.
- Знаю, знаю. Еще разок.
- Ну хорошо.

Облазил весь парусник от носа до кормы. "Остановись. Подумай". Сел на пол в кают-компани, упершись ногами в сапогах в основание стола. Темнело. Попытался вспомнить: "Что же я знаю про яхты?" Поднялся и вышел на палубу. Сын сидит у костра. Спустился в кубрик, уселся на скамейку, опершись спиной на переборку, ноги задраны чуть ли не выше головы. Кроме свитера и прорезиненного плаща, на нем ничего больше не было. Не слишком-то хорошая защита от холода, а потому дрожал не переставая. Уже приготовился встать, как вдруг его осенило — он все это время

сидел и пялился на защелки в переборке в дальнем углу кубрика. Четыре защелки. Из нержавеющей стали. В свое время на скамейках имелись подушки-сиденья, до сих пор сохранились обрывки завязок по углам. В нижней части переборки, примерно посередине, торчал краешек нейлонового стропа, свернутого вдвое и прошитого крест-накрест. Еще раз посмотрел на защелки. Чтобы их открыть, надо нажать большим пальцем и повернуть. Поднялся и, наклонившись, повернул по очереди все четыре до упора. Они поворачивались на пружинах, и когда он все открыл и потянул за строп, доска съехала вниз и выпала. Внутри за доской лежали сложенные паруса и еще что-то, похоже, туго свернутый и перевязанный шпагатом надувной резиновый плот на двоих. Пара пластмассовых весел. Упаковка сигнальных ракет. Еще глубже — фанерный ящик под инструменты, замочная скважина заклеена черной изолентой. Вытащил ящик, и нашел кончик изоленты, и отодрал ее, и щелкнул хромированными защелками, и открыл ящик. Внутри оказались желтый пластмассовый фонарик, аптечка и проблесковый сигнал на батарейке. Желтый пластмассовый радиолокационный плавучий маяк. А еще ящичек из черного пластика размером с книжку. Он его вытащил, отстегнул замочки и открыл. В упаковке хранился старый латунный тридцатисемимиллиметровый сигнальный пистолет. Достал его и держал двумя руками, поворачивая и разглядывая со всех сторон. Отжал рычаг и, переломив, открыл ствол. Патронник пустой, но ведь в упаковке есть восемь ракетниц, коротких, широких, совершенно новых. Убрал пистолет в ящичек, захлопнул крышку и защелкнул замочки.

Добрался до берега. Трясется от холода, заходится в кашле. Закутался в одеяло и сел на теплый песок перед костром, положив добычу неподалеку. Мальчик подлез к нему и попытался обнять. Не мог не улыбнуться.

— Что-нибудь нашел, пап?

— Нашел аптечку. И сигнальный пистолет.

— Что это такое?

— Я тебе покажу. Он нужен, чтобы подавать сигналы.

— Ты за ним вернулся?

— Да.

— Откуда ты знал, что он там?

— Ну, я надеялся, что найду. По большому счету, просто повезло. Открыл ящик и повернул его так, чтобы ребенку было лучше видно.

— Это же пистолет.

— Сигнальный пистолет. Он выстреливает ввысь такой штуковиной, от которой становится светло.

— А можно я взгляну?

— Конечно, смотри.

Мальчик достал пистолет, подержал в руке. Спросил:

— А в кого-нибудь можно из него выстрелить?

- Можно.
- А убить?
- Вряд ли. Скорее всего — поджечь.
- Ты поэтому его взял?
- Да.
- Посигналить-то некому, так ведь?
- Некому.
- Мне бы хотелось на него посмотреть.
- Ты имеешь в виду — из него выстрелить?
- Да.
- А что, давай выстрелим.
- Правда можно? Ты не обманываешь?
- Нет.
- Ночью?
- Ночью.
- Как салют?
- Как салют. Правильно.
- Может, сегодня ночью?
- А почему бы и нет?
- Он заряжен?
- Нет. Но у нас есть патроны.

Мальчик стоял, не выпуская пистолета из рук. Повернул дуло в сторону океана.

— Ух ты!

Отец оделся, и они пошли по пляжу, таща за собой последнюю часть добычи.

- Папа, куда подевались люди?
- С яхты?
- Да.
- Не знаю.
- Как ты думаешь, они умерли?
- Не знаю.
- У них был шанс один из тысячи.

Отец усмехнулся:

- Один из тысячи?
- Да. Или нет?
- Да. Похоже, да.

— Я думаю, они погибли.

— Может быть.

— Я думаю, так все и было.

— Возможно, они уцелели и где-то живут. Вполне возможно.

Мальчик ничего больше не сказал. Пошли дальше. Оставляли на песке замысловатые следы: ноги обернуты кусками парусины и голубого полиэтилена на манер мокасин. Думал о сыне и его страхах, спустя некоторое время сказал:

— Ты, скорее всего, прав. Пожалуй, они действительно погибли.

— А будь они живы, то получилось бы, мы их грабим.

— Мы их не грабим.

— Знаю.

— Вот и хорошо.

— Ну и сколько людей осталось в живых? Как ты думаешь?

— В мире?

— В мире. Ну да, в мире.

— Я не знаю. Давай остановимся и передохнем.

— Давай.

— Ты меня своими вопросами утомляешь.

— Ладно.

Сидели посреди своих тюков.

— Как долго мы можем здесь оставаться, пап?

— Ты уже спрашивал.

— Знаю.

— Посмотрим.

— Это значит, недолго?

— Наверное.

Мальчик пальцами выдавливал дырки в песке, пока не получился круг. Отец наблюдал за ним. Сказал:

— Мне трудно сказать, сколько людей выжило. Думаю, немногие.

— Я знаю.

Мальчик подтянул повыше одеяло и всматривался в серый пустой пляж. Отец спросил:

— Что-то не так?

— Все так.

— Не верю. Скажи мне.

— Наверняка в другом месте тоже живут люди.

— В другом месте?

— Где-нибудь еще.

— Ты имеешь в виду — на других планетах, не только на Земле?

— Да.

— Вряд ли. На других планетах люди жить не могут.

— Даже если бы сумели туда добраться?

— Не сумеют.

Мальчик отвернулся.

— Что?

Мальчик покачал головой. Сказал:

— Не знаю, для чего мы все это делаем.

Отец открыл рот, но не сразу нашелся что ответить. Потом сказал:

— Есть другие люди, сам убедишься. Люди есть, и мы их обязательно отыщем. Вот увидишь.

Приготовил ужин, пока мальчик играл в песке. У него была лопатка, сделанная из баночной крышки, и с ее помощью он построил маленькую деревню. Прочертил улицы. Отец подошел, присел и стал разглядывать. Мальчик взглянул на него снизу вверх:

— Океан все равно разрушит, правда?

— Да.

— Ну и ладно.

— Можешь написать буквы алфавита?

— Написать-то я могу...

— Мы с тобой больше не занимаемся.

— Угу.

— На песке можешь что-нибудь написать?

— А что, если мы напишем письмо хорошим людям? Пускай, если пройдут мимо, узнают, что мы здесь были. Только надо написать повыше, там, где водой не смоеет.

— А что, если плохие увидят?

— Ну... Да.

— Зря я это сказал. Давай напишем им письмо. Мальчик покачал головой:

— Не-е, не надо.

Зарядил сигнальный пистолет, и, как только стемнело, они отошли подальше от костра, и он спросил, не хочет ли мальчик выстрелить сам.

— Стреляй ты, пап. Ты же знаешь, как правильно.

— Хорошо.

Поднял пистолет, и прицелился в залив, и нажал курок. Ракета с шипением дугой разрезала темноту, а потом взорвалась над водой в скоплении облаков и повисла там. Искрящиеся щупальца горящего магния медленно падали из темноты, в их свете стало видно, как набегает на берег волна и потом возвращается в океан. Посмотрел на поднятое вверх лицо ребенка.

— Ее с большого расстояния не разглядеть? Правда, пап?

— Кому не разглядеть?

— Никому.

— Нет, только вблизи.

— Ну, если бы хотел сообщить, где ты находишься.

— Ты про хороших говоришь?

— Да. Любому, кому, по-твоему, необходимо знать, где мы находимся.

— Кому, например?

— Я не знаю.

— Может, Богу?

— Угу, например, ему.

Утром разжег костер и решил пройтись по берегу, пока мальчик спит. Ушел совсем недалеко, и вдруг ему стало не по себе от странного предчувствия, а когда повернул назад, то увидел, что мальчик стоит на пляже, завернувшись в одеяло, и его ждет. Прибавил шаг, а когда подошел к нему, мальчик устало присел.

— Что с тобой? Да что с тобой?

— Я что-то плохо себя чувствую, пап.

Приложил руку ко лбу сына — горячий, как печка. Поднял, понес к костру.

— Ничего, ничего. Выздоровеем.

— Меня, кажется, сейчас стошнит.

— Ничего.

Уселся на песок рядом с сыном и придерживал его за лоб, пока ребенка рвало. Вытер ему рот рукой. Мальчик прошептал:

— Извини.

— Ш-ш-ш, ты ничего плохого не сделал.

Отнес его к стоянке и укрыл одеялами. Попробовал напоить. Подкинул дров в огонь и наклонился, чтобы пощупать лоб. Успокаивал:

— Все будет хорошо. — А сам был в ужасе.

— Не уходи.

- Конечно, я никуда не уйду.
- Даже ненадолго.
- Нет. Я здесь, рядышком.
- Хорошо, папа.

Держал его в объятиях всю ночь, время от времени засыпал и просыпался в страхе, проверял, бьется ли у мальчика сердце. Утром сыну лучше не стало. Попробовал дать ему немного сока, но он отказался. Сильно прижал руку ко лбу мальчика, словно колдовал, чтобы температура спала. Но чудес не бывает. Смочил сухие обметанные губы, пока сын спал, и прошептал: "Я выполню свое обещание. Не отпущу тебя одного в темноту".

Перебрал содержимое аптечки, но ничего, что могло бы пригодиться, не нашел. Аспирин. Пластыри и спирт. Немного антибиотиков с истекшим сроком годности. Помог сыну сделать несколько глотков и положил одну капсулу ему на язык. Мальчик плавал в поту. Отец давно снял с него одеяла, а теперь еще и куртку. Следом — всю одежду, да еще оттащил сына от огня. Мальчик посмотрел на него снизу вверх:

- Мне ужасно холодно.
- Знаю, но, понимаешь, у тебя очень высокая температура. Нам во что бы то ни стало надо ее сбить.
- Накрой меня еще одним одеялом.
- Хорошо, хорошо.
- Не уходи.
- Нет-нет. Я с тобой.

Взял грязную детскую одежду и пошел стирать ее в океане: трясаясь от холода, стоял полуголый в воде и полоскал одежду. Потом отжал и повесил на колышках перед костром, подкинул веток и уселся рядом с мальчиком, глядя его по спутанным волосам. Вечером достал банку супа, подогрел в углях и, хлебая суп, наблюдал за наступлением темноты. Очнувшись, обнаружил, что лежит на песке и совсем заоченел, что от костра остались одни погасшие угли, что все еще темная ночь. Резко сел, и потянулся к мальчику, и прошептал:

- Ну наконец-то спала!

Разжег костер, взял тряпку и намочил. Положил мальчику на лоб. Наступал ветреный рассвет. Когда совсем рассвело, отправился в лес за дюнами, и притащил оттуда здоровущую охапку веток и сучьев, и принялся ломать их и складывать в кучу у костра. Раскрошил таблетки аспирина в порошок, растворил его в воде, добавил немного сахара и, приподняв голову сына, поддерживал на весу, пока он пил.

Прошел по берегу, плечи опущены, кашель. Стоял и смотрел на темные волны. Спотыкался от усталости. Вернулся и снял тряпку со лба, и вытер ею лицо мальчика, и опять положил на лоб. Сказал самому себе: "Ты должен быть всегда рядом. Действовать надо быстро. Тогда с ним не расстанешься. Держи его покрепче. Последний день Земли".

Мальчик проспал весь день. Отец регулярно его будил и заставлял пить подслащенную воду. Было видно, какого труда ему это стоило. Горло пересохло, хрипит и судорожно дергается при каждом глотке.

— Тебе обязательно надо пить.

— Хорошо, — просипел мальчик.

Сильно вдавил стакан в песок, подложил сыну под потную голову свернутое одеяло и потеплее закутал. Спросил:

— Тебе не холодно?

Но мальчик уже спал.

Как ни старался не поддаваться усталости, не спать, ничего не получалось. Без конца засыпал и просыпался, садился и хлестал себя по лицу или вставал подложить веток в костер. Прижимал к себе мальчика и, положив руки на выпирающие ребра, слушал, как он тяжело дышит. Отошел туда, где свет от костра исчезал и сливался с темнотой ночи, стоял со сжатыми кулаками, а потом упал на колени и зарыдал от бессильной ярости.

Ночью прошел короткий дождь, еле слышно шуршал по полиэтилену, который отец поспешно растянул над подстилкой и застыл, держа ребенка в объятиях, глядя на синие языки пламени, а потом уснул мертвым сном.

Проснувшись, никак не мог понять, где находится. Костер погас, дождь перестал. Сбросил полиэтилен и, упершись локтями в песок, приподнялся. Серый день. Мальчик во все глаза смотрит на отца, зовет:

— Папа.

— Да-да. Я здесь.

— Мне можно попить воды?

— Да. Конечно. Как ты себя чувствуешь?

— Странное ощущение...

— Есть хочешь?

— Нет, только пить.

— Сейчас, принесу воды.

Обойдя потухший костер, взял детскую кружку, и наполнил ее водой из пластиковой бутылки, и, нагнувшись, дал ему напиток. Сказал:

— Все будет в порядке.

Мальчик сделал несколько глотков, кивнул и посмотрел на отца. Потом допил воду и попросил:

— Еще.

Разжег костер и расправил одежду мальчика, чтобы лучше сохла, принес ему банку яблочного сока, спросил:

— Ты что-нибудь помнишь?

— Ты о чем?

— Помнишь, как ты болел?

— Я помню, что мы стреляли из ракетницы.

— А как вещи перетаскивал из лодки, помнишь?

Мальчик сидел, потягивал яблочный сок. Взглянул на отца:

— Я не полный идиот.

— Понятно.

— Мне снились очень странные сны.

— Какие?

— Я не хочу их тебе рассказывать.

— Не хочешь — не надо. Ты должен почистить зубы.

— С настоящей пастой?

— Да.

— Хорошо.

Проверил все банки — ничего подозрительного. Только выбросил те, что были очень уж сильно попорчены ржавчиной. В тот вечер они сидели у костра, мальчик ел горячий суп, а отец повернул другой стороной дымящуюся одежду, и уселся, и уставился на сына. Мальчику стало неудобно от его пристального взгляда:

— Пап, не смотри на меня так.

— Хорошо, — ответил отец, но смотреть не перестал.

Не прошло и двух дней, как они решились отходить на довольно большое расстояние от стоянки — до материковой части и обратно, — с трудом передвигая ноги в полиэтиленовых мокасинах. Ели помногу, не жалея. Из парусины, веревок и колышков соорудил палатку для защиты от ветра. Съели столько, что оставшееся легко помещалось в тележке, и он решил, что дня через два можно отправляться в путь. И вдруг, возвращаясь на стоянку, заметил на песке отпечатки ботинок.

Остановился и взглядом обшарил берег. Сказал:

— О господи! О господи!

— Что случилось, пап?

— Пошли, — сказал он, вынимая револьвер из-за пояса. — Поторопись.

Полиэтилен исчез. Пропали одеяла, и бутылка для воды, и запас продуктов у костра. Парусину ветром унесло в дюны. Обуви нет. Он прочесал заросли дикого овса, где была спрятана тележка, но не нашел и ее. Украли всё.

— Дурак набитый, — сказал сам себе. — Идиот.

Мальчик стоял и смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Что случилось, папа?

— Они все забрали. Пошли.

Мальчик взглянул на него снизу вверх. В глазах слезы.

— Не отходи от меня ни на шаг, — сказал отец. — Ни на шаг, понял?

Разглядел следы тележки на песке. И ботинок. Сколько? Следы терялись на твердой поверхности в зарослях папоротника, а чуть дальше снова появлялись. Подойдя к дороге, жестом остановил сына. Дорога продувалась ветром с океана и, за исключением отдельных участков, была полностью свободна от пепла. Сказал:

— Не наступай на дорогу. И перестань реветь. Надо отряхнуть ноги от песка. Прямо здесь. Садись.

Развязал тесемки, и вытряхнул куски полиэтилена, и снова обернул ноги:

— Мне понадобится твоя помощь. Мы ищем песок. На дороге. Хоть сколько-то. Чтобы определить, в какую сторону они пошли. Поможешь?

— Хорошо.

Спустились с холма и пошли в противоположные стороны. Не успел он пройти и несколько футов, как мальчик его позвал:

— Они сюда пошли, пап. Смотри.

Подошел к мальчику, опустившемуся на колени.

— Вот тут, смотри.

Мальчик указывал ему на крохотную кучку песка, высыпавшегося, вероятно, из тележки. Отец посмотрел на дорогу:

— Отлично. Идем.

Шли быстрым шагом. Думал, легко выдержит такой темп. Оказалось, что нет: во время приступов кашля приходилось останавливаться и наклоняться. Взглянул на мальчика, прохрипел:

- Надо идти бесшумно, а то они нас услышат и подкараулят. Пошли.
- Сколько их, пап?
- Трудно сказать. Может, только один.
- Мы их убьем?
- Не знаю.

Пошли дальше. Грабителя сумели догнать только во второй половине дня, ближе к вечеру: идет по дороге, с трудом толкает переполненную тележку. Оглянулся. Увидев их, припустил бегом, но вещи не бросил. С тележкой далеко не убежишь, и тогда он остановился и спрятался за ней, в руке нож. Заметил револьвер и отступил назад, но нож не бросил. Отец приказал ему отойти от тележки. Незнакомец посмотрел на них. На мальчика. Судя по всему, сотоварищи его прогнали. Пальцы на правой руке отрублены. Прячет ее за спиной. Шпатель из плоти. Тележка забита доверху. Все забрал.

- Отойди от тележки и брось нож на землю.

Незнакомец оглянулся. Словно надеялся, что в кустах прячутся его сообщники. Худющий, угрюмый, грязный, обросший. Полы плаща склеены клейкой лентой. Револьвер самовзводный, но на всякий случай надо проверить — взвести курок. Два громких щелчка. Только это да их дыхание нарушают тишину соленых вересковых дюн. Явственно чувствовали вонь от его тряпья.

- Если не отойдешь от тележки и не бросишь нож — мозги вышибу.

Вор посмотрел на мальчика — одного взгляда оказалось достаточно, чтобы он все понял и, бросив нож на тележку, отошел назад и остановился.

- Дальше, еще пару шагов. Вор еще немного попятился.
- Папа? — перебил его мальчик.
- Помолчи. — Не спускал глаз с вора. — Будь ты проклят.
- Папа, пожалуйста, не убивай его.

У вора глаза лихорадочно забегали. Мальчик заплакал.

- Слушай, друг, я же сделал, как ты велел. И сын тебя просит...
- Раздевайся!
- Чего?
- Скидывай одежду! До последней нитки!
- Слушай, ты чего? Зачем ты так?
- Убью на месте.
- Зачем ты так?
- Второй раз повторять не буду.

— Хорошо, хорошо. Успокойся.

Незнакомец медленно разделся и кучкой сложил вонючую одежду на дороге.

— Ботинки.

— Ты очумел?

— Ботинки снимай!

Вор посмотрел на мальчика. Тот отвернулся и закрыл уши руками.

— Хорошо-хорошо. Ботинки так ботинки...

Сел в чем мать родила на дорогу и начал развязывать гнилые лохмотья, которые когда-то были обувью. Встал, держа их одной рукой.

— Бросай в тележку.

Шаг вперед — поставил ботинки поверх одеял в тележке, шаг назад — вернулся на прежнее место. Так и стоял — голый, грязный, изможденный, прикрывая срам рукой, сотрясаясь от холода.

— Одежду — туда же.

Незнакомец наклонился, подобрал свою ветошь и навалил ее сверху. Стоял, обхватив себя руками.

— Брат, пожалей.

— Ты же нас не пожалел.

— Умоляю...

— Папа!

— Ты хоть сына послушай!

— Ты хотел нас убить.

— Я подыхаю с голоду. Ты бы на моем месте поступил точно так же.

— Ты все забрал.

— Слушай, брат... Я же сдохну.

— Я поступаю с тобой так, как ты поступил с нами.

— Прошу тебя...

Отец пододвинул к себе тележку, развернул ее и, положив револьвер сверху, посмотрел на сына:

— Пошли.

Они пошли по дороге в южном направлении, мальчик не переставая плакал и оглядывался на голое, худое, как щепка, дрожащее существо, оставшееся стоять на дороге, обхватив себя руками.

— Эх, папа... — прошептал мальчик.

— Перестань.

— Не могу.

— Что, по-твоему, с нами бы произошло, если бы мы его не поймали?! Так что перестань.

— Хорошо.

Они дошли до поворота дороги, а незнакомец так и не сдвинулся с места. Идти ему было некуда. Мальчик все оглядывался, а когда тот скрылся из виду, уселся на дороге, содрогаясь от рыданий. Отец подошел к ребенку и стоял, смотрел на него. Вытащил из тележки обувь, присел на корточки перед мальчиком и принялся его разувать. Сказал:

— Пора уже перестать плакать.

— Не могу.

Отец поднялся и пошел назад по дороге. Вор исчез. Вернулся к мальчику, встал над ним, сказал:

— Он ушел. Пошли.

— Он не ушел, — откликнулся мальчик. Вскинул голову. На лице — жирная грязь. — Не ушел.

— Что ты хочешь сделать?

— Ему надо помочь, папа. Просто помочь. Отец посмотрел назад.

— Он ведь голодал, папа. Он умрет.

— Он в любом случае умрет.

— Ему очень страшно, пап.

Отец присел и посмотрел на ребенка:

— Мне тоже страшно. Ты это понимаешь? Страшно. Мальчик ничего не сказал. Так и сидел, опустив голову, плакал.

— С чего ты взял, что должен обо всех заботиться? Мальчик промямлил что-то нечленораздельное.

— Что ты сказал?

Мальчик поднял голову. Мокрое испачканное лицо:

— Я — тот, кто обо всех заботится. Именно я.

Потащились с тележкой назад и, встав на дороге, кричали в надвигающуюся темноте, на холоде, но никто не откликнулся.

— Он боится отозваться, пап.

— Мы здесь остановились в прошлый раз?

— Точно не помню. Кажется, здесь.

Ходили по дороге, кричали в пустой мрак. Голоса улетали в темнеющие прибрежные дали. Остановились и, приставив ладони рупором ко рту, бессмысленно кричали в никуда. Наконец отец сложил одежду и обувь вора на дороге, прижал сверху камнем, сказал:

— Нам пора. Надо идти.

Остановились на ночь, не разводя костра. Выбрал кое-что из банок и подогрел на горелке. Ужинали в молчании. В синем свете горелки пытался рассмотреть лицо сына. Сказал:

— Я не собирался его убивать.

Но мальчик никак не откликнулся. Завернулись в одеяла и лежали в темноте. Ему казалось, что слышит шум океана. Впрочем, скорее всего, это ветер завывает. По тому, как сын дышал, определил, что он еще не спит. Какое-то время спустя мальчик сказал:

— И все же мы его убили.

Утром позавтракали и пошли дальше. От тяжести груза тележка еле двигалась, а одно колесико начало барахлить. Дорога вилась вдоль берега, сухие заросли осоки, свисающие со склонов, то и дело преграждали путь. Свинцовый океан ворочается вдали. Тишина. Той ночью он проснулся при тусклом свете луны, почти можно было различить очертания деревьев. Раскашлялся. Пахнет дождем. Мальчик не спал.

— Ты не должен молчать.

— Я пытаюсь.

— Прости, что разбудил.

— Ничего страшного.

Поднялся и пошел. Черная полоса, начинается в темноте и в темноту же уходит. Вдруг послышался низкий раскат, но не грома. Такой мощный, что, казалось, ты ощущаешь его у себя под ногами. Звук неизвестного происхождения, а потому не поддается описанию. Что-то необъяснимое перемещается в темноте. Может, сама земля содрогается от холода. Звук больше не повторился. Какое сейчас время года? Сколько мальчику лет? Вышел на дорогу и остановился. Тишина. Расплывчатые очертания утопающих в грязи приморских городов, сгоревших дотла. На перекрестке стоят огромные валуны-дольмены, под которыми лежат и превращаются в прах кости пророков. Кроме завываний ветра — никаких других звуков. Что ты можешь сказать? Что когда-то жил человек, который все это уже сказал? Который заострил перочинным ножиком перо, чтобы начертать эти слова чернилами? Это ты скажешь в самый ответственный момент? Он идет — вырвать мне глаза. Забить мне глотку грязью.

Перебирал по очереди банки, беря их в руку и сжимая — так проверяют спелость фруктов на рынке. Отодвинул две, показавшиеся подозрительными, а остальные упаковал, и они поплелись дальше. Через три дня добрались до небольшого портового города. В гараже за домом спрятали тележку, завалив ее грудой коробок, а сами расположились в доме в ожидании непрошенных гостей. Никого. Проверил все шкафчики на кухне — пусто. Мальчику необходим витамин Д, иначе может развиваться рахит. Стоял рядом с раковинной и смотрел в окно: свет цвета мутной мыльной воды с трудом пробивался сквозь грязные стекла. Мальчик устало развалился за столом,

уронив голову на скрещенные руки.

Прошли по городу и вышли к верфям. Никого. Револьвер в кармане куртки, в руке — ракетница. Вышли на мол: грубые просмоленные доски, острыми шипами прикрепленные к опорным балкам, деревянные кнехты; из бухты пахнет солью и дегтем; вдали виднеются ряды складов и силуэт красного от ржавчины танкера, а на фоне мрачного неба — высоченный портовый кран.

— Здесь никого нет.

Мальчик промолчал.

Шли по узким улицам, толкали тележку, пересекли железнодорожные пути и на самой окраине города вышли на дорогу. В тот момент, когда проходили мимо последнего убогого деревянного строения, что-то просвистело у него над головой, чиркнуло по мостовой и врезалось в бетонную стену здания напротив. Схватил мальчика, и подмял под себя, и потянул к себе тележку. Она перевернулась и завалилась набок. Одежда и полиэтилен выпали на землю. В верхнем окне здания разглядел человека — натягивает тетиву, прицеливается — и тогда прижал голову мальчика к земле и постарался полностью закрыть его своим телом. Расслышал глухой свист тетивы и почувствовал острую боль в ноге.

— Ах ты сволочь! Гад!

Сдвинул одеяла в сторону, вскочил и схватил ракетницу, взвел курок и оперся рукой на край тележки. Мальчик прильнул к нему. Как только тот человек появился в оконном проеме со своим луком, выстрелил. Ракета влетела в окно, прочертив в воздухе белую дугу, и тут же они услышали нечеловеческий вопль. Схватил мальчика, толкнул его вниз, набросил на него одеяла, приказал:

— Не вздумай двигаться. Не двигайся и не смотри.

Перетряхнул одеяла на земле, ища коробку с ракетами. Вывалилась из тележки. Схватил ее, открыл, вытащил патроны и зарядил ракетницу. Оставшиеся сунул в карман, сказал мальчику:

— Не сходи с места.

Похлопал его по спине поверх одеял и заковылял, прихрамывая, к дому.

Проник в дом через черный ход, держа ракетницу на уровне пояса. Со стен содрана облицовка, так что видны несущие балки. Прошел в гостиную и остановился у нижней ступеньки. Прислушивался к отголоскам возни в верхних комнатах. Выглянул в окно на улицу, туда, где валялась тележка, а потом поднялся на второй этаж.

Женщина сидела в углу комнаты, прижимая к себе мужчину. Сняла пальто и укрыла им раненого. Увидев незнакомца, начала его проклинать. Ракета сгорела на полу, оставив после себя кучку беловатого пепла и запах обгоревшего дерева. Он

подошел к окну и выглянул на улицу. Взгляд женщины неотступно следовал за ним. Жидкие прямые седые волосы.

— Еще кто-нибудь здесь есть?

Молчание в ответ. Прошел мимо нее, посмотрел в других комнатах. Рана сильно кровоточит. Чувствовал, как брючина прилипает к ноге. Вернулся в первую комнату.

— Где лук?

— У меня его нет.

— Где он?

— Не знаю.

— Они вас тут одних бросили, да?

— Я сама захотела.

Повернулся и поковылял вниз. Распахнул дверь и, пятясь задом, вывалился на улицу, не спуская глаз с дома. Добравшись до тележки, рывком ее поднял и сложил вещи. Прошептал:

— Иди рядом. Иди рядом.

Остановились в здании магазина на окраине города. Завезли тележку в подсобку, закрыли дверь и приперли ее тележкой же, повернутой боком. Взял горелку, зажег и поставил на пол. Расстегнул ремень и снял залитые кровью брюки. Мальчик внимательно наблюдал. Стрела глубоко рассекла кожу над коленкой. Рана — дюйма три длиной. Кровь не останавливается, нога — мертвенно-бледная. Видно, что рана глубокая. Стрела. Сделали из куска железа, из ложки, бог его знает из чего. Взглянул на мальчика.

— Найди мне аптечку. Мальчик не тронулся с места.

— Принеси мне аптечку, черт побери. Чего расселся?

Ребенок вскочил и побежал к тележке. Начал рыться в вещах. Принес аптечку и отдал отцу, и тот взял ее, ни слова не говоря, поставил перед собой на цементном полу и открыл. Дотянулся до горелки и прибавил огня. Велел:

— Принеси мне бутылку с водой.

Мальчик принес бутылку. Отец отвинтил пробку и плеснул воды на ногу. Зажал пальцами края раны, смыл кровь. Продезинфицировал. Надорвал зубами пластиковую упаковку и вытащил оттуда небольшую иглу с крючком на конце и шелковую нить. Наклонился поближе к огню и стал продевать нить в ушко. Зажав иглу в зубах, достал из аптечки зажим и соединил края раны, а затем принялся накладывать швы. Работал без остановок, сосредоточенно. Мальчик сидел на полу. Оторвавшись на секунду, глянул на сына. Сказал:

— Не смотри, не надо.

— Ты ничего?

— Нормально.

— Больно?

— Да. Больно.

Завязал узел, и потуже затянул, и перерезал ножницами из аптечки шелковую нить, и взглянул на ребенка. Мальчик не отрываясь смотрел на его рану.

— Прости, что накричал на тебя.

Мальчик поднял глаза:

— Пустяки, пап.

— Ну что, помирились?

— Конечно.

Утром шел дождь, от порывов ветра где-то на задворках громко дребезжало стекло. Выглянул в окно. Стальной док посреди бухты, частично разрушенный, наполовину под водой. При входе в бухту из воды торчат рубки затопленных рыболовных судов. Никакого движения. Все, что хоть как-то могло двигаться, давно унес ветер. Ногу дергало, и он снял повязку, протер рану спиртом и стал внимательно ее рассматривать: ткань около швов воспалилась, приобрела землистый цвет. Крепко перевязал рану и надел залитые кровью брюки.

Целый день провели в магазине, сидя среди коробок и ящиков...

— Не молчи. Разговаривай со мной.

— А я разговариваю.

— Разве?

— Ну, сейчас же говорю.

— Хочешь, расскажу тебе какую-нибудь историю?

— Не надо.

— Почему?

Мальчик глянул на него и отвернулся.

— Почему?

— Потому что в них одна выдумка.

— На то они и истории.

— Ну да. Только в твоих историях мы всегда помогаем людям, а на самом деле — никогда.

— Хорошо, тогда ты мне расскажи историю.

— Не хочется.

— Ладно.

— Мне нечего рассказывать.

- Расскажи про себя.
- Ты и так все знаешь. Ты всегда со мной.
- У тебя есть истории в голове, которыми ты со мной не делишься.
- Ты про сны говоришь?
- Например. Или расскажи, о чем ты думаешь.
- Но ведь истории должны быть с хорошим концом.
- Не обязательно.
- А ты всегда только такие рассказываешь.
- А ты таких не знаешь?
- Мои больше похожи на нашу жизнь.
- А те, что я рассказываю, нет?
- Нет.

Посмотрел на сына.

- Наша жизнь, по-твоему, кошмар?
- А ты как думаешь?
- Ну смотри. Мы пока живы. Столько всего плохого произошло, а мы еще живы.
- Ну да.
- Ты не считаешь, что это здорово?
- Думаю, что ничего особенного в этом нет.

Они пододвинули к окнам разделочный стол, расстелили на нем одеяла, и мальчик улегся ничком, рассматривая бухту. Отец устроился так, чтобы поудобнее вытянуть ноги. Между ними на одеяле — револьвер, сигнальный пистолет и коробка с ракетами. Отец сказал:

- А я полагаю, она не такая уж и плохая. Совсем неплохая история. Что-то в ней есть.
- Не переживай, пап. Я бы хотел немного помолчать.
- А как насчет снов? Раньше ты мне их рассказывал.
- Я не хочу сейчас разговаривать.
- Ладно.
- У меня и сны все какие-то плохие. В них всегда что-то не то случается. Ты сам говорил, что это нормально, потому что хорошие сны — плохой знак.
- Может, и так. Не знаю.
- Когда ты просыпаешься от кашля, то стараешься уйти подальше или в сторону. А я все равно слышу твой кашель.
- Извини, пожалуйста.

- Однажды я слышал, как ты плакал.
- Помню.
- Если мне нельзя плакать, то и ты не должен.
- Хорошо.
- У тебя нога заживет?
- Да.
- Не врешь?
- Нет.
- А то она выглядит ужасно.
- Ну уж, не преувеличивай.
- Тот человек хотел нас убить, так?
- Да, пытался.
- Ты его убил?
- Нет.
- Ты говоришь правду?
- Да.
- Ну ладно.
- Теперь все выяснил?
- Да.
- Я думал, ты не хочешь разговаривать.
- Не хочу.

Прошло два дня, прежде чем они отправились дальше. Отец плелся, прихрамывая, толкая перед собой тележку, мальчик не отходил от него ни на шаг, пока они не вышли за черту города. Дорога пролегла вдоль серого плоского берега, на ее поверхности то и дело попадались холмики песка, нанесенного ветром. Песок сильно затруднял движение, в некоторых местах приходилось отгребать его доской, которую они примостили внизу тележки. Вышли на пляж, укрылись от ветра за дюнами и сели рассматривать карту. Захватили с собой горелку, вскипятили воду и заварили чай. Сидели, закутавшись от ветра в одеяла. На берегу потрепанные бурями и непогодой шпангоуты старинного корабля. Серые занесенные песком бимсы, старые крепежные болты ручной работы. Изъеденная ржавчиной оснастка из железа глубокого сиреневого цвета, выплавленного где-то в печах Кадиса или Бристоля и прокованного на почерневших от копоти наковальнях, способная и три столетия противостоять морской стихии.

На следующий день они миновали заколоченные досками дома — руины приморского курорта. Дорога уходила от берега вглубь, в сосновый лес, где пепел

смешивался с сосновыми иголками и в темных кронах шумел ветер.

В полдень, когда светлее всего, расположился на дороге, чтобы снять швы. Ножницами из аптечки разрезал нитки, отложил ножницы и снял зажим. Следующий шаг — вытащить нитки, прижимая кожу в нужном месте большим пальцем. Мальчик сидел рядом, наблюдал. Зажимом прихватывал кончики ниток, вытягивал одну за другой. Крохотные бусинки крови. Закончив, спрятал зажим и наложил повязку на шов, встал и надел штаны, и отдал мальчику аптечку, чтобы тот положил ее на место.

— Больно было, да?

— Да.

— Ты и вправду такой храбрый?

— Так, не очень.

— А какой твой самый геройский поступок?

Отец сплюнул на дорогу кровавую слюну.

— Когда встал сегодня утром.

— Правда?

— Нет. Не обращай на меня внимания. Пошли.

Вечером забрезжили расплывчатые очертания другого прибрежного города, скопление покосившихся высоток. Решил, что от жара арматура размягчилась, а потом затвердела, но здания так и не выпрямились до конца. Расплавленное оконное стекло свисало сосульками со стен, как глазурь на торте. Они продолжали идти. Порой ночами посреди черного холодного запустения просыпался от цветных снов, наполненных человеческой любовью, пением птиц, светом солнца.

Уперся лбом в скрещенные руки, лежащие на ручке тележки, и кашлял. Сплюнул кровью. Все чаще вынужден был останавливаться и отдыхать. Сын наблюдал. Неосознанно начал привыкать к мысли, что отец уходит от него. Хотя не представлял себе иной жизни. Он знал, что по ночам мальчик не спит, слушает его дыхание.

Дни ползли один за другим, безымянные, ни тебе чисел, ни времени суток. Вдали по краям хайвея длинные ряды полусгоревших и ржавых машин. Голые ободья колес в застывших серых лужицах расплавившейся резины, в копоты от пожара. Обгоревшие трупы, каждый размером с ребенка, застыли на пружинах сидений. Десять тысяч надежд, навечно погребенных в глубине испепеленных сердец. Отец и сын не останавливались. Мечутся внутри вымершего пространства, как белки в колесе. Безмолвные ночи, непроницаемая чернота. Холод. Почти не разговаривали. Кашляет постоянно, сын смотрит, как он харкает кровью. Бредут еле-еле. Заросшие грязью, оборванные, потеряв всякую надежду. Иногда остановится и обопрется на тележку, а мальчик уйдет вперед, потом тоже остановится и оглянется. Тогда отец поднимет слезящиеся глаза и сквозь пелену увидит, как сын смотрит на него из недосыгаемой

дали, окруженный сиянием, словно священный сосуд посреди этой пустыни.

Дорога пересекала высохшее болото, со дна которого из мерзлой грязи поднимались к небу ледяные сосульки, будто сталагмиты в пещере. Следы давнего костра на обочине. Дальше — бетонная дорога на насыпи. Мертвая трясына. Сухие деревья в серой воде, с веток свисают пряди мрачного сухого мха. Лоснящиеся полосы сажи по краям дороги. Стоял, облокотившись на шершавую бетонную ограду. Вероятно, именно теперь, когда мир подвергся уничтожению, можно понять, как он был создан. Океаны, горы. Зрелище, внушающее благоговение, — мир исчезает, как будто пленку прокручивают в обратную сторону. Всеобъемлющая пустота, словно губка, всасывающая все в себя, безжалостно и хладнокровно. Тишина.

Все чаще на дороге стали попадаться завалы из сосен. Вырубленные то тут, то там широкие просеки. Развалины зданий вдоль дороги, переплетения электрических проводов с придорожных столбов, перекрещенных, как вязальные спицы. На дороге груды мусора, пробираться с тележкой среди них не так-то легко. В конце концов они просто уселись на обочине и стали рассматривать то, что ожидало их впереди. Крыши домов, стволы деревьев. Лодка. Высокое небо, по нижнему краю которого лениво колышется зловещий океан.

Порылись в раскиданных на дороге вещах и нашли сумку для него и небольшой чемоданчик для мальчика. Сумка удобно висела на плече. Упаковали в них одеяла, и полиэтилен, и оставшиеся консервы и, бросив тележку, пошли дальше. Пробирались сквозь завалы, карабкались. Невероятно медленно. Останавливался, чтобы передохнуть. Присел на брошенный диван, разбухший от сырости. Нагнулся, сдерживая кашель. Стянул с лица маску, всю в кровавых пятнах, и прополоскал ее в придорожной канаве. Выжал, но не надел, а просто стоял на дороге. Белый пар дыхания. Вот и зима приближается. Обернулся и глянул на сына. Стоит со своим чемоданчиком, как сирота на автобусной остановке.

Через два дня они дошли до широкой реки, впадающей в океан. Мост через реку обвалился и лежал, омываемый медленными волнами. Сидели на сломанной опоре и смотрели, как вода приливает и бурлит в ажурных решетках упавших пролетов. Посмотрел вдаль, на расстилающуюся за рекой местность.

— И что нам теперь делать, папа? Ты это хотел спросить?

— Да... — согласился мальчик.

Подошли по глинистому берегу к наполовину занесенной илом лодке, стояли, рассматривали. Из тех еще, доисторических времен. В воздухе запахло дождем. Потасились со своими вещами на пляж, искали, где бы укрыться. Ничего не нашли. На берегу насобирали выбеленные водой деревяшки, сложил в кучу и разжег костер. Потом сидели в дюнах, накрывшись полиэтиленом, и наблюдали за надвигающимся с севера дождем. Дождь усиливался, капли оставляли вмятины на песке. Костер зашипел

и задымился, дымок медленно закручивался, а мальчик свернулся калачиком под шуршащим от дождя полиэтиленом и вскоре уже спал. Отец натянул на голову пленку как капюшон и так сидел, глядя на серый океан, скрытый за пеленой дождя, и на волны прибоя, разбивающиеся о берег и сползающие по исколотому дождем песку.

На следующий день ушли с побережья, в глубь суши. Громадная болотистая низина. Мертвые заросли папоротника и диких орхидей, до которых ветер не сумел добраться. Памятники самим себе — из пепла. Каждый шаг — пытка. Через два дня, выйдя наконец к мосту, он рухнул на мешок, обхватил себя обеими руками и кашлял, пока совсем не изнемог. За два дня они прошли не больше десяти миль. Перешли через реку и почти сразу же набрели на пересечение дорог. Гроза шла с востока на запад и, преодолев горный перешеек, повалила сухие мертвые деревья, как бурный поток — водоросли на дне. Прямо там и устроили стоянку, и когда он лег, то понял, что с этого места ему не сдвинуться и что здесь он умрет. Мальчик смотрел на него со слезами на глазах:

— Ты что, пап?

Смотрел, как мальчик идет по траве и несет ему кружку с водой. От мальчика исходило сияние. Взял кружку, отпил и откинулся назад. Из еды у них осталась последняя банка с персиками, и он заставил мальчика поесть, а сам отказался.

— Я не могу. Все в порядке.

— Я оставляю тебе твою часть.

— Хорошо. Сохрани до завтра.

Ребенок взял кружку и куда-то пошел. Сияние двинулось вслед за ним. Он хотел сделать навес из полиэтилена, но отец ему не позволил. Сказал, что не хочет никаких загородок. Лежал и наблюдал за мальчиком, занимавшимся костром. Хотел видеть сына. Сказал: "Оглядишься вокруг. Нет ни одного пророка в долгой истории Земли, чье имя сегодня бы не упомянули с почтением. Что бы и как ты ни сказал, правда на твоей стороне".

Мальчику показалось, что в воздухе запахло мокрой сажей. Пошел к дороге и притащил оттуда кусок фанеры. Булыжником вбил колышки в землю и соорудил подобие односкатного навеса. Но дождь так и не собрался. Оставил ракетницу рядом с отцом, с собой взял револьвер и отправился на поиски съестного, но вернулся ни с чем. Отец взял его за руку, прохрипел:

— Ты должен идти дальше. Я не могу. А ты должен. Ты не знаешь, что тебя ждет на дороге. Нам всегда везло. И тебе повезет. Вот увидишь. Иди. И ни о чем не волнуйся.

— Я не могу.

— Все в порядке. К этому все шло. Мой час настал. Продолжай двигаться на юг. Делай, как я тебя учил.

- Папа, ты поправишься. Обязательно.
- Нет. Не поправлюсь. Не расставайся с револьвером ни на секунду. Тебе надо найти хороших людей, но жизнью рисковать нельзя. Не рискуй, слышишь?
- Я хочу остаться с тобой.
- Нельзя этого делать.
- Пожалуйста.
- Нельзя. Ты должен нести огонь.
- Я не знаю как.
- Нет, знаешь.
- Нести огонь? По правде?
- Конечно.
- Где он? Я не знаю, где он.
- Да знаешь ты. Он у тебя в сердце. Всегда там был. Я его вижу.
- Возьми меня с собой. Пожалуйста.
- Не могу.
- Пожалуйста, папа.
- Я не могу. Я думал, что у меня хватит сил держать в руках своего мертвого ребенка. Думал так, но нет, не могу.
- Ты говорил, что никогда меня не покинешь.
- Знаю, говорил. Прости меня. Тебе принадлежит мое сердце. Принадлежало и принадлежит. Ты — лучший в мире. Был и есть. Ну и что, что меня нет рядом? Ты все равно можешь со мной говорить. Ты всегда будешь говорить со мной, а я с тобой. Увидишь.
- А я услышу тебя?
- Да, услышишь. Ты просто должен представить, что говоришь со мной, и тогда получится. Надо упражняться. Только не опускай руки. Хорошо?
- Хорошо.
- Отлично.
- Мне очень страшно, папа.
- Я знаю. Но все будет хорошо. Тебе обязательно повезет. Я это точно знаю. Мне лучше помолчать. А то опять кашель подступает.
- Не волнуйся, папа. Отдохни.

Мальчик расхрабрился. Ушел далеко от стоянки. Вернулся. Отец уснул. Он сел рядом под навесом из фанеры, смотрел на него. Закрыв глаза и попробовал поговорить с отцом. Слушал с закрытыми глазами.

Отец проснулся в ночи. Лежал, прислушивался. Мальчик сидел у костра, закутавшись в одеяло, наблюдал за ним. Стук капель. Меркнущий свет. Прошлые сны не исчезают при пробуждении. Снова стук капель. Свет излучала свеча, которую мальчик нес в медном помятом подсвечнике. Воск, застывший на камнях. Следы неизвестных существ в окаменевшем известняке. В том ледяном коридоре они пересекли невидимую черту, после которой уже нет возврата. Все, что стояло между началом и концом пути, — это тот огонь, который они сами несли.

— Папа, ты помнишь того маленького мальчика?

— Да, я его помню.

— Как ты думаешь, он выжил?

— Думаю, что да.

— Как ты думаешь, он заблудился?

— Нет. Он не заблудился.

— А я боюсь, что заблудился.

— Думаю, у него все хорошо.

— Но кто же ему поможет, если он заблудился? Кто спасет маленького мальчика?

— Доброта. Так было, и так будет.

В ту ночь он спал в обнимку с отцом. Проснувшись утром, обнаружил, что обнимает холодный окоченевший труп. Долго сидел около тела, плакал, а потом поднялся и лесом вышел к дороге. Вернувшись, опустился на колени возле отца, взял его холодную руку в свои и повторял его имя снова, и снова, и снова.

Три дня оставался с отцом, а потом вышел на дорогу, посмотрел туда, откуда они пришли, потом — в другую сторону. Ему навстречу по дороге шел человек. Сначала мальчик хотел спрятаться в лесу, но передумал. Стоял с револьвером в руке и ждал, пока тот подойдет. Все одеяла навалил на отца, сам промерз, ослабел от голода. Человек подошел поближе и остановился. Одет в серо-желтую лыжную куртку, на плече на кожаном ремешке висит дробовик дулом вниз, на груди нейлоновый патронташ с патронами. По всему — старый вояка, с бородой, с глубокими шрамами на лице, один глаз косит. Когда говорит или улыбается, рот немного перекошен.

— Где твой спутник?

— Умер.

— Это был твой отец?

— Да, это был мой папа.

— Сочувствую.

— Я не знаю, что мне дальше делать.

— Думаю, тебе стоит пойти со мной.

— А вы хороший?

Незнакомец опустил капюшон куртки. Длинные спутанные волосы. Посмотрел на небо. Будто там есть что-то интересное. Посмотрел на ребенка:

- Ага, я из хороших. Убери-ка свой револьвер.
- Я никому его не отдам. Ни за что.
- Мне твой револьвер не нужен. Просто не хочу, чтобы ты в меня целился.
- Ладно.
- Где твои вещи?
- У нас мало вещей.
- У тебя есть спальный мешок?
- Нет.
- Тогда что у тебя есть? Одеяла какие-нибудь?
- Я в них папу завернул.
- Покажи.

Мальчик не сдвинулся с места. Человек не сводил с него глаз. Опустился на одно колено, скинул с плеча ремень и, поставив дробовик на дорогу, оперся на него. Патроны в гнездах патронташа снаряжены вручную и залиты свечным воском. От человека пахнет дымом костра.

— Слушай. Сам решай. Мы долго спорили, идти за тобой или нет. Ты можешь остаться здесь со своим отцом и умереть или можешь пойти со мной. Если решишь остаться, держись подальше от дороги. Не могу понять, как вы вообще выжили. Будет лучше, если пойдешь со мной. Ничего плохого с тобой не случится.

- Откуда мне знать, что вы хороший?
- Согласен, не знаешь. Придется поверить мне на слово.
- Вы несете огонь?
- Чего я несу?
- Огонь.
- Ты малость чокнутый, что ли?
- Нет.
- Самую малость?
- Ну, может, чуть-чуть.
- Это ничего.
- Ну так как, несете?
- Что несу, огонь?
- Ну да.
- Да. Несем.

- У вас есть дети?
- Есть.
- А маленький мальчик у вас есть?
- У нас есть маленький мальчик и маленькая девочка.
- Сколько ему лет?
- Столько же, сколько тебе. Может, немного постарше.
- Вы их не съели?
- Нет.
- Вы людей не едите?
- Нет. Мы не едим людей.
- И я могу пойти с вами?
- Да, ты можешь пойти с нами.
- Хорошо, я пойду.
- Вот и хорошо.

Они пошли в глубь леса, и человек присел и стал рассматривать серую костлявую фигуру, накрытую листом фанеры.

- Это все ваши одеяла?
- Да.
- А чемодан? Твой?
- Мой.

Человек выпрямился, взглянул на мальчика:

- Почему бы тебе не пойти на дорогу и не подождать меня там? Я сам принесу одеяла и все остальное.
- А что будет с моим папой?
- А что с ним может быть?
- Нельзя же его так оставить!
- Можно.
- Я не хочу, чтобы его кто-нибудь увидел.
- Никого тут нет.
- Может, завалим его листьями?
- Ветер сдует.
- Тогда давайте укроем одеялом.
- Давай. Я укрою, а ты иди.
- Хорошо.

Мальчик ждал на дороге, и наконец человек вышел из леса, таща чемодан и перекинув одеяла через плечо. Покопался в одеялах, выбрал одно и протянул его мальчику:

— Закутайся, а то совсем замерз.

Мальчик хотел отдать ему револьвер, но человек велел оставить его себе.

— Ладно.

— Ты умеешь из него стрелять?

— Да.

— Отлично.

— А с папой что?

— А что мы еще можем сделать?

— Мне бы хотелось с ним попрощаться.

— Моя помощь не нужна?

— Нет.

— Тогда иди. Я тебя подожду.

Пошел в лес и опустился на колени рядом с отцом. Тело завернуто в одеяло — тот человек выполнил его просьбу, — и мальчик не разворачивал одеяло, а просто сидел и плакал, и все никак не мог остановиться. Плакал очень долго. Прошептал:

— Я буду разговаривать с тобой каждый день. И никогда тебя не забуду. Что бы ни случилось.

Затем поднялся, повернулся и пошел к дороге.

Женщина, увидев его, обняла и долго не отпускала.

— Ах, как я рада!

Иногда она рассказывала ему про Бога. Он пробовал говорить с Ним, но лучше всего у него получалось говорить с отцом. И он говорил, часто, и не забывал его. Женщина сказала, что это правильно. Что его устами говорит Бог и что так из поколения в поколение передается истина.

Когда-то в горной речке водилась форель. Было видно, как рыбы стоят в янтарной воде, а течение медленно покачивает их плавники с дрожащими белыми каемками. Рыбины оставляли на руках запах тины. Гладкие, мускулистые, напряженные. На спинах — замысловатые узоры. Карты зарождающегося мира. Карты и запутанные лабиринты. То, что назад не вернуть. И никогда уже не исправить. В глубоких впадинах, где прятались рыбы, все дышало древностью и тайной. А человечество еще только делало свои первые шаги.

